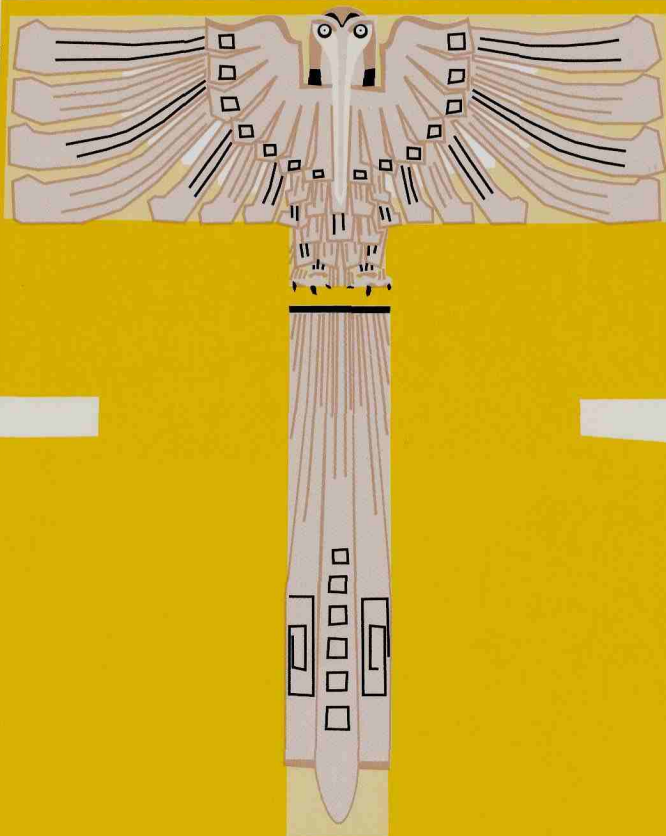

Эрика Фогт

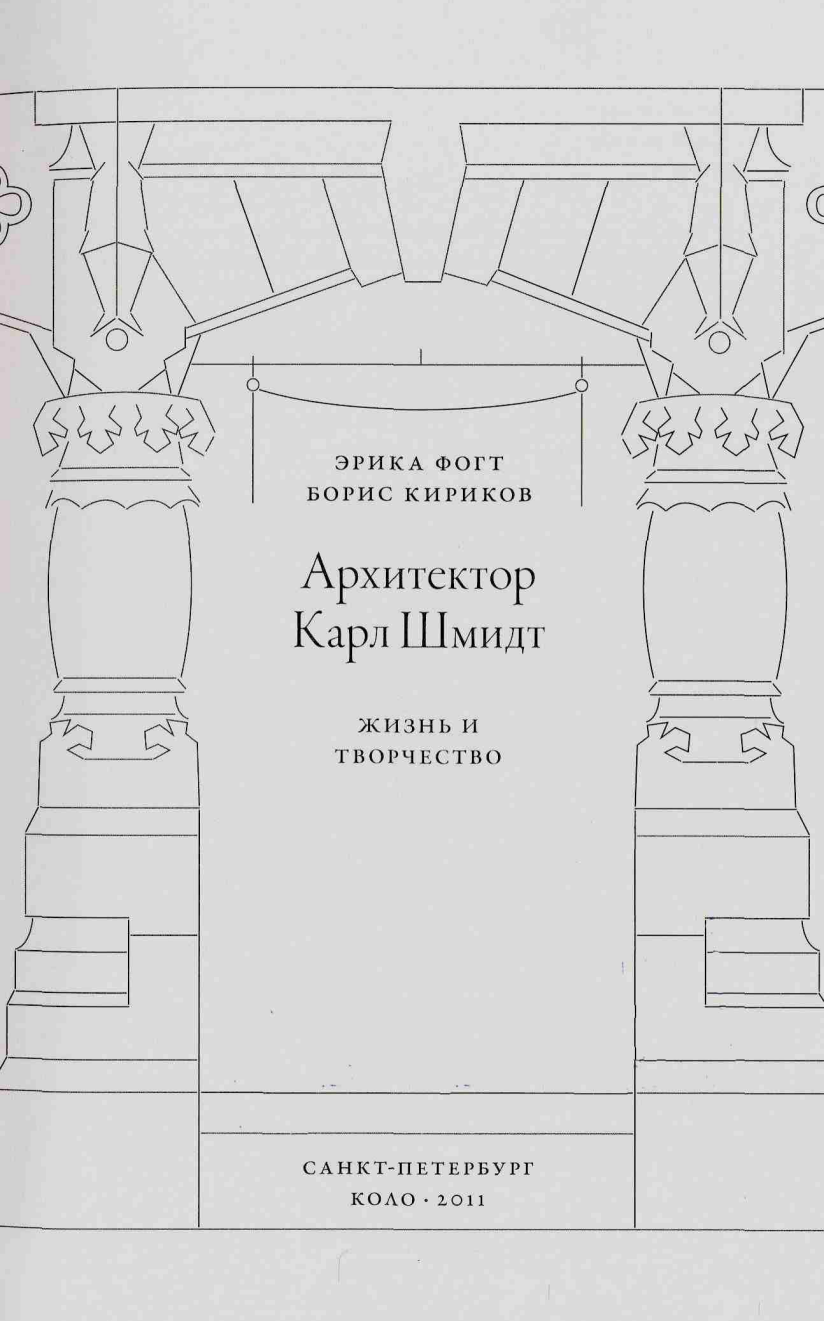
Борис Кириков

Архитектор Карл Шмигд

ПОРТРЕТ КАРЛА ШМИДТА · ХУДОЖНИК Ф. МОРИЦ · 1928

ЭРИКА ФОГТ
БОРИС КИРИКОВ

Архитектор
Карл Шмидт

ЖИЗНЬ И
ТВОРЧЕСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
КОЛО • 2011

УДК 72(47)
ББК 85.113(2)
Ф74

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Ф74 Фогт, Эрика; Кириков, Борис Михайлович
Архитектор Карл Шмидт : жизнь и творчество / Эрика Фогт,
Борис Кириков.— Санкт-Петербург : Коло, 2011.— 272 с. : ил.
ISBN 978-5-901841-81-5

Карл Шмидт — талантливый петербургский архитектор раннего модерна. Среди его лучших построек — здание фирмы Фаберже, особняк Форостовского, доходные дома Кёнига и Шульце, дворец княгини Палей в Царском Селе, собственная дача в Павловске.

Книгу, основанную на воспоминаниях самого архитектора, написала его внучка. Детство Карла, годы его учебы и профессиональной деятельности, вынужденный отъезд семьи Шмидтов в Германию — всё это подробно запечатлено автором на фоне быта русских немцев начала XX века. Биографию дополняет обширный очерк историка архитектуры Бориса Кирикова.

Книга содержит около 200 фотографий из личного архива, справочный аппарат, родословное древо семей Шмидтов — Фаберже, хронику жизни зодчего. Издание адресовано историкам архитектуры, искусствоведам и всем, кто интересуется архитектурой Санкт-Петербурга.

ББК 85.113(2)

- © Эрика Фогт, текст, иллюстрации, 2007; 2011.
© Борис Кириков, текст, иллюстрации, 2011.
© ООО «Издательский дом „Коло“», оформление, 2011.

ЭРИКА ФОГТ

Архитектор из Петербурга

1918
1919
1920

1921
1922

1923

1924

Посвящается моей матери Ольге Карловне фон Буш

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Летом 2004 года в местечке Шневердинген под Гамбургом состоялась встреча международного общества классической русской филателии. Одной из тем встречи по предложению председателя, Ортвина Грейса, стали почтовые марки русских земств. Таким образом, многие доклады и стенды выставки были посвящены различным аспектам изучения почтовых знаков, выпускавшихся русскими земствами с 1864 года до конца Первой мировой войны. Всем участникам встречи были известны и каталог земских марок, составленный и опубликованный Карлом Шмидтом в 1932 году, и другие его публикации по теме.

Однако участникам собрания мало что было известно о самом Карле Шмидте, о его жизни и профессиональных достижениях. Я охотно откликнулась на предложение выступить перед собравшимися и рассказать о бабушке, так как уже многие годы собирала сведения по истории моей семьи. Конечно, на той встрече я имела возможность представить лишь некоторую их часть. Живой интерес, который вызвал мой доклад, навел нас с Ортвином Грейсом на мысль о том, что следует написать подробную биографию Карла Шмидта. В этой книге должна освещаться и его архитектурная деятельность.

Важнейшими источниками для подготовки этой книги стали мемуары Карла Шмидта, написанные им в 1943–1944 годах, а также воспоминания его дочери, моей мамы Ольги фон Буш.

О заслугах же моего дедушки в области филателии готовится особая основательная работа Ортвина Грейса.

Карл Шмидт родился в немецкой семье в Санкт-Петербурге. Он был свидетелем и участником тех стремительных перемен, которые происходили в столице на рубеже веков. Отмена крепостного права оставила множество крестьян без средств к существованию. Потоки беженцев из деревень хлынули в город. Все они искали жилье и работу. Перед российской столицей встала

задача скорейшей индустриализации. Строились многочисленные фабрики, заводы, открывались филиалы фирм иностранных предпринимателей: Сименса и Шуккерта, братьев Нобелей, фабрикантов Эриксонов. Санкт-Петербург стал одним из наиболее быстро развивающихся городов Европы.

Карл Шмидт испытал на себе весь драматизм тех лет. Его отец прибыл в Санкт-Петербург из Германии и только после длительных усилий сумел найти достойную работу. Долгое время до того в семье царилла нужда. Карл Шмидт принимал деятельное участие в строительном буме тех лет. Благодаря бурному развитию России в начале века талант архитектора оказался востребованным.

В книге Б. М. Кирикова и М. С. Штигиц «Санкт-Петербург немецких архитекторов: от барокко до авангарда» названы имена более трехсот мастеров немецкого происхождения, строивших город с первого дня его основания. Шмидт был одним из тех, что работали в первые десятилетия XX века в Санкт-Петербурге. После Первой мировой войны Шмидты, как и многие другие, вернулись на родину предков.

Работая над книгой, я задавалась вопросами: как семья Карла Шмидта переживала переселение в Германию? Удалось ли Шмидтам сохранить привычный образ жизни, который они вели в Санкт-Петербурге и Павловске? Действительность в Германии поставила их перед лицом новых реалий. Преодолеть все трудности и устроиться на новом месте стоило Шмидтам немалых усилий. Я еще застала дедушку и бабушку. И я удивляюсь той моральной стойкости, с которой они переносили все удары судьбы.

В Германии Карл Шмидт сумел довести до конца свое филателистическое исследование, благодаря которому заслужил большое уважение среди специалистов. Его жена Эрика до конца своих дней не оставляла литературные занятия. Оба они были лучшим примером для последующих поколений семьи.

В последнее время я все чаще встречаю имя Карла Шмидта в русских научных публикациях, посвященных истории архитектуры. Это — хороший знак. Он свидетельствует о желании обернуться к добрым культурным традициям. Нельзя отказываться от собственной истории и предавать ее забвению. Теперь я вижу, что решение, принятое на той встрече в Шневердингене, было не лишено смысла. Вместе с моим соавтором мы надеемся, что наш труд найдет заинтересованного читателя в Санкт-Петербурге и в России.

Хотелось бы высказать глубокую благодарность Ирине Лейнонен, Надежде Рунде и Татьяне Вебер, выполнившим перевод книги на русский язык. А также всем, кто содействовал изданию этой книги.

Э. Ф.

Берлин, декабрь 2009

□ ГЛАВА ПЕРВАЯ □
ДЕТСТВО И ГОДЫ УЧЕБЫ

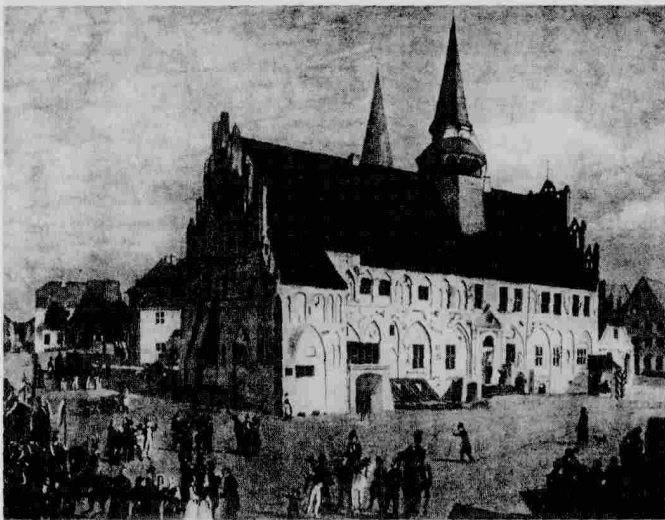
Родители

СЛОЖНАЯ хозяйственная ситуация середины XIX века в Германии, еще раздробленной, побудила многих предприимчивых молодых людей отправиться на поиски работы в города Балтики, в том числе — в Санкт-Петербург. Мне думается, что в то время, несмотря на существенное отличие тогдашних средств передвижения, расстояния между городами и странами не казались, тем не менее, такими уж непреодолимыми, как это подчас считается в наши дни. В публикациях последнего времени содержатся данные о довольно высоком проценте немецкого населения Санкт-Петербурга, состоявшего как из вновь прибывших немцев, так и из тех, кто проживал там на протяжении нескольких поколений и давно осел в столице.

За три года до рождения Карла Шмидта его отец, Карл Фридрих Фердинанд Адольф Шмидт, перебрался в Россию в поисках места, которое приносило бы хороший заработок. Родом Карл Фридрих был из города Анклам, в Померании, где на протяжении нескольких поколений жили его предки как по отцовской, так и по материнской линиям.

Уже с самых юных лет Карл Фридрих не захотел следовать семейной традиции — становиться купцом, как его отец и другие родственники, зажиточные торговцы, служившие в анкламском муниципалитете и в ратуше.

Карл Фридрих, родившийся 4 января 1834 года, рано начал интересоваться техникой. В один прекрасный день на вопрос отца, какую профессию он собирается избрать в будущем, 14-летний мальчик, еще

*К. фон Хёвель. Анклам. Старая Ратуша. Акварель. 1841.
Художник поместил на картине не только себя, но и членов
муниципалитета города. В 1842 году ратушу снесли*

не закончивший гимназию, без колебаний ответил, что хочет стать инженером. Отец Карл Вильгельм, разбиравшийся в жизни, не только выразил свое согласие с решением сына, но и к ужасу матери Элоизы добавил, что для этого надо ехать в Англию — только там можно научиться всему тому, что должен знать серьезный деятельный инженер. А ехать лучше немедленно: завтра в Англию отправляется судно, на котором и должно отбыть сыну.

Именно так и произошло. Вещи были быстро собраны и упакованы, и на следующий день, гласит семейное предание, Карл Фридрих, еще совсем мальчик, направился в Англию. Там он получил фундаментальную подготовку, особенно в области кораблестроения. Завершив учебу, он возвратился в Пруссию для прохождения годичной военной службы. Постоянной работы, несмотря на великолепную квалификацию, на родине он найти не смог: ни в Берлине в фирме Борсига, ни в Касселе. Он опять вернулся в Англию. На одной из британских верфей, где ему удалось найти работу, строились корабли для Балтийско-

го завода, большой верфи в Санкт-Петербурге. Коллеги предложили Карлу Фридриху попробовать себя в качестве инженера-специалиста на русской верфи. Последовав совету, Карл Фридрих в 1863 году оказался в российской столице.

С петровских времен, наряду с династическими отношениями, существовал интенсивный хозяйственный и культурный обмен между Россией и западноевропейскими, в частности немецкими, центрами. В Санкт-Петербурге немецкие специалисты преобладали в различных, до самого низшего сословия, профессиях. Благодаря Пушкину «хлебник, немец аккуратный» вошел в литературу. К немецкой диаспоре относились и аптекари. А первым профессиональным объединением, возникшим в российской столице в 1819 году, был Немецкий союз врачей. Немецким языком владели все музыканты оркестра Императорского театра оперы и балета середины XIX века. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ференц Лист и Рихард Вагнер, выступая со своими произведениями в Филармоническом обществе Санкт-Петербурга или в Павловском вокзале, не имели проблем в общении с оркестрантами. Так, сообщалось, что во время концертов 3 и 10 марта

*Карл Вильгельм Шмидт и его жена Элоиза —
анкламские дедушка и бабушка Карла Шмидта*

1863 года Вагнер дирижировал сводным оркестром из 130 музыкантов, объединенных из трех симфонических оркестров Санкт-Петербурга в один. Концерты, к слову сказать, имели большой успех.

Не исключено, что в том же сводном оркестре музицировал Готлиб Фридрих Вениг. Несколькими годами раньше органист и камерный музыкант в надежде на более достойный заработок прибыл со своим многочисленным семейством из Ревеля в Санкт-Петербург. Он был единственным из семьи ремесленников, кто не только обладал настоящим музыкальным талантом, но и умел с его помощью зарабатывать на хлеб насущный. В Санкт-Петербурге Готлибу Фридриху посчастливилось получить должность музыканта в оркестре Императорского театра.

Тем не менее супругам Венигам, Эмилии Агате и Готлибу Фридриху, приходилось думать о дополнительном заработке: давать уроки игры на фортепиано и переписывать ноты для оркестра.

Главным образом этим занималась Эмилия Агата. У них было 12 детей. Не все они достигли зрелого возраста. Но те, кто вырос, унаследовали художественную одаренность родителей. Очень музыкальна была сама Эмилия Агата. Некоторые дети оставили заметный след в истории русской культуры и искусства. Два сына, Карл Готлиб и Иоганн Готлиб, смогли закончить Академию художеств в Санкт-Петербурге в качестве государственных стипендиатов—император предоставлял талантливым, но неимущим молодым лю-

*Карл Фридрих и Ольга
после свадьбы в 1864 году*

дям возможность получить здесь высшее образование за счет казны. Третий сын, Густав, окончив консерваторию, стал профессором в Московском институте благородных девиц.

Неудивительно, что у младшей дочери Ольги Елены тоже проявилась расположенность к искусству. Всю жизнь она с удовольствием музицировала, и в трудные дни это занятие приносило ей утешение и душевное успокоение.

Без сомнения, то, что Карл Фридрих, молодой и энергичный инженер, приехавший в 1863 году из Германии, поселился именно у Венигов, было счастливым стечением обстоятельств. Прибыв в чужой русский город из Анклама, он искал квартиру, и Вениги охотно предоставили ему место для проживания. Год спустя, в 1864 году, он женился на их дочери Ольге Елене, а 9 (21) декабря 1866 года у них родился сын — Карл Эмиль Михаэль Шмидт, мой дедушка. По новому стилю день рождения пришелся на 21 декабря. Поскольку день этот является поворотным от темных зимних к светлым весенним дням, мальчика в семье так и прозвали — *Lichtbringer* — «приносящий свет».

Детство

Финансовые дела молодой четы складывались далеко не лучшим образом. Карлу Фридриху не удалось получить обещанные должности на крупных российских предприятиях. До 1873 года, пока он работал в конторе Балтийский верфи, семья жила на 17-й линии Васильевского острова, в одном доме с бабушкой и дедушкой Венигами, родителями Ольги.

Несмотря на материальные трудности, родители заботились о том, чтобы их сын Карл получил хорошее образование и воспитание. Мать полностью сосредоточилась на развитии его разнообразных способностей, не в последнюю очередь обращая внимание на художественную одаренность мальчика. Отец поощрял интерес ребенка к ремесленной деятельности: помогал мастерить нехитрые вещицы, выпиливать, конструировать, а также приучил сына к модному тогда коллекционированию бабочек.

Дождаясь отца из конторы, мама с маленьким сыном обычно прогуливались по набережной Невы. В одну из таких прогулок произошло примечательное событие: мальчик нашел выброшенный конверт с двумя финскими почтовыми марками стоимостью 20 и 40 пенни.

Так было положено начало страстному собиранию почтовых марок. Подробно об этом напишет Ортвин Грейс в книге «Карл Шмидт — филателист».

В детстве Карл много болел и частые переезды семьи переносил тяжело. Каждый такой переезд был связан с очередным шансом, который предоставлялся отцу в профессиональном плане. Мечта Карла Фридриха о собственной меднолитейной фабрике с мастерской поначалу казалась многообещающей. Предприятие было основано и подавало большие надежды, однако просуществовало недолго. Вскоре выяснилось, что совладелец тайно взял деньги под векселя и исчез с ними за границей. Поскольку векселя пришлось оплачивать, Карл Фридрих вынужден был продать фабрику. Таким образом надежды, возлагавшиеся на собственное самостоятельное дело в России, тоже не оправдались.

После того отец попытался устроиться инженером на железную дорогу. Ему предъявили условие: несколько месяцев проработать машинистом — водить поезда на Псков. В эти долгие месяцы семья жила в мансарде совсем рядом с железной дорогой. Сын махал папе из окна, когда тот проезжал мимо на паровозе. Но, несмотря на исполненное условие, Карл Фридрих так и не получил обещанного постоянного места. Его последующая работа на пивоваренном заводе на Калашниковской (ныне Синопской) набережной на востоке Санкт-Петербурга, из-за которой семья была вынуждена снова поменять квартиру, принесла на несколько лет не только хороший достаток, но и долгожданную стабильность. Однако неожиданно директор завода умер и руководство пивоварни перешло в другие руки.

Одной из причин частой смены работы было и то, что Карл Фридрих не владел в достаточной степени русским языком. К тому же он работал прежде на верфях в Англии и на немецких фабриках. Взаимоотношения между коллегами на службе в России были ему чужды. Темпераментного инженера всегда отличала высокая профессиональная компетентность. Он придавал большое значение признанию и оценке своей работы со стороны сотрудников и начальства, что, в свою очередь, не всегда нравилось коллегам и руководителям. Последним было достаточно легко уволить его как чужака.

Ни в воспоминаниях моего дедушки, ни в других семейных мемуарах или рассказах мне не удалось найти ни одного упоминания о том, предпринимала ли семья Шмидтов в детские годы сына Карла какие-

либо путешествия по России. Только один раз дедушка рассказывал о том, как они с матерью провели лето на Волге близ Саратова.

Было это в 1877 году. В то время отец получил заказ у машиностроительного завода на постройку большой пятиэтажной мельницы для немецкого колониста. На выполнение этой работы Карлу Фридриху потребовалось несколько лет. В течение всего этого времени он регулярно навещал семью в Санкт-Петербурге, а во время летних месяцев — в Ораниенбауме. Однажды жена и сын навестили его сами.

Это было длительное путешествие, продолжавшееся несколько дней. Сначала по железной дороге они добрались до Твери, где их встретил Карл Фридрих; дальше — по Волге на маленьком парходике до Ярославля, а потом — на большом многопалубном комфортабельном пароходе. Это первое большое путешествие впечатлило десятилетнего мальчика, и в его памяти навсегда остались образы старых городов: Ярославля, Нижнего Новгорода, Казани и Саратова.

Отец снял маленький домик на берегу Волги. Там мама с сыном и жили все лето. Из окон они наблюдали оживленное движение пароходов, лодок, барж, караванов буксиров и плотов. Воспользовавшись приглашением механика строящейся мельницы, они посетили немецкую колонию. Они увидели, как жили российские немцы, которые по тем временам считались достаточно зажиточными. Нарядные дома колонистов, казалось, утопали в садах и цветах. Впечатляли поля с высокими подсолнухами и толстыми снопами на темной земле. Побывали Шмидты и в доме богатого русского купца. Это событие тоже отпечата­лось в памяти мальчика. Он пишет: «Моя мама, которую пригласили осмотреть даже кухню, не уставала потом неоднократно рассказывать знакомым и родственникам о том, как там приготавливали бульон. Вместе варили различные сорта говядины, свинины и дичи, а когда бульон был готов, вытаскивали куски мяса и бросали за окно собакам».

Из-за постоянной смены жилья и, соответственно, окружения, юному Карлу так и не удалось завести друзей или хотя бы товарищей по играм. Его знания о других людях и их образе жизни ограничивались лишь узким кругом собственной семьи и знакомых. Постоянные материальные заботы родителей и нехватка самого необходимого иногда создавали в семье напряженную атмосферу. Так, с самых ранних лет мальчик наблюдал, с каким трудом его родители преодолевали нужду и болезни. И этот жизненный опыт повлиял на его будущую профессиональную и общественную деятельность.

Сам город с его богатой на контрасты жизнью давал множество поводов такому влиянию. В Петербурге, по воле Петра I построенном на болотах, был влажный, вредный для здоровья климат. Еще в конце XIX века свирепствовали здесь оспа и холера, от которых умирало много людей. В воспоминаниях Карл Шмидт пишет о том, что заболевшей смертельной черной оспой маме удалось выжить только благодаря отцу, самоотверженно за ней ухаживавшему. Жертвой холеры оказался П. И. Чайковский, скончавшийся в 1893 году.

Кроме того, после отмены крепостного права в 1861 году из провинции в северную столицу устремились массы безземельных крестьян, которые искали работу на фабриках и заводах города. К 1910 году процент бывших крестьян составлял 68,8% из общего числа жителей, населявших Санкт-Петербург — и это несмотря на внешний лоск и богатство российской столицы.

С того времени, как некоторые крестьяне обосновались в городе, сменилось несколько поколений. Но и тогда они, все еще оставаясь связанными со своими родными местами, временами возвращались в свои деревни на уборку урожая. Зимой, однако, крестьянская масса перебиралась в город. Обеспечение огромного количества небогатых людей жильем, водой, канализацией и светом оставалось в Санкт-Петербурге неразрешимой задачей и не всегда шло в ногу со временем. Борьба с эпидемиями и внедрение повседневной гигиены еще долгое время были главными проблемами города.

Позже, будучи депутатом в земстве Царскосельского уезда, Карл Шмидт как представитель различных комиссий многие годы принимал участие в работе по благоустройству Павловска. Занимались подобные комиссии в первую очередь решением социальных проблем и вопросов гигиены.

Петришуле и училище Штиглица

Когда подошло время отдавать сына в школу, отец еще работал на Калашниковском пивоваренном заводе. Поблизости от дома располагалась обычная гимназия. Родители записали туда своего семилетнего мальчика, и, как и ожидалось, он хорошо выдержал вступительный экзамен. Но ребенок вдруг оказался в совершенно чуждом для него окружении. Язык, манеры обхождения и поведения русских ровес-

ников были ему незнакомы. Он не сошелся с одноклассниками и был «очень несчастен», по его собственному выражению. Вероятно, что и состояние его здоровья, ослабленное после череды болезней, не позволило выдержать столь неожиданный и сильный удар. Вскоре после начала учебного года он тяжело заболел дифтерией, после чего организм его оказался настолько истощенным, что о продолжении учебы не могло быть и речи. Мальчик набрал силы только к началу летних каникул, когда первый год учебы был позади. Его место в классе оказалось занятым, и Карл не смог вернуться в школу. Но он был доволен. Родители решили записать сына в немецкую школу лютеранской общины Св. Петра—Петришуле, в центре города, на Невском проспекте.

Решение далось родителям нелегко, ведь Шмидты все еще проживали на Калашниковской набережной. На противоположном берегу Невы находился городской район Охта.

Петришуле была далеко от дома Шмидтов. Шел 1874/75 учебный год. Трамваев в городе в то время еще не было, и путь до школы пешком занимал более часа. Были, правда, конки, но они обслуживали лишь большие и широкие проспекты и начинали ездить только с 9 часов утра. А на занятия в школу ученик Карл должен был являться к половине девятого. Родители нашли выход. «Поблизости от нас жил извозчик, с которым родители договорились, что тот каждое утро будет отвозить меня в школу. Но часто он не успевал подъехать к нашему дому, и тогда я сам шел к нему во двор и поторапливал с запряжением лошади, так как очень боялся опоздать в школу»,— вспоминает Карл Шмидт.

В Петришуле, где большинство учеников происходили из немецких семей, первоначальные трудности были преодолены довольно легко. Даже несмотря на то, что время от времени мальчик болел, в течение первых двух лет он смог полностью наверстать учебную программу. Очень полезны оказались и советы врача, который рекомендовал заниматься конькобежным спортом и гимнастикой. Дважды в неделю Карл посещал уроки гимнастики при клубе «Пальма», организованном для молодых немецких мастеровых и ремесленников. Кроме того, зимой он ежедневно ходил на каток в Юсуповский сад. Там по четвергам и воскресеньям играл военный оркестр, было весело, члены клуба и гости, в основном из немецких кругов, резвились на льду, а публика с улицы в эти дни на лед не допускалась. В другие дни на льду было пусто и скучно. Нетрудно понять Карла, считавшего свои обязательные

получасовые катания в полном одиночестве настоящим наказанием. Тем не менее рекомендации врача дали хороший результат — до почтенного возраста дедушка имел довольно крепкое здоровье.

Решение родителей отдать сына в немецкую школу при Петрикирке оказалось правильным. Там среди своих одноклассников он обрел первых истинных друзей и единомышленников. Школьный товарищ Густав Хаферберг познакомил его с Густавом Гуммертом, студентом консерватории по классу оркестровки и композиции. Многие годы Карл Шмидт был дружен с ним. По студенческому билету Гуммерта они вместе посещали генеральные репетиции симфонического оркестра и квартетные вечера. Гуммерт стал давать Карлу регулярные уроки игры на фортепиано. В своих воспоминаниях Шмидт подчеркивает, что он очень многому научился у приятеля, особенно когда они вместе обсуждали структуру и оркестровку музыкальных произведений, которые прослушивали. Расстались они только тогда, когда Гуммерт после завершения учебы был направлен в Казань на должность директора недавно открытой консерватории. Карл Шмидт отмечает: «С Густавом меня связывала тесная дружба до самой его смерти от голода в 1918 году».

Вполне вероятно, что решающий толчок на пути к профессии архитектора Карл получил от своего школьного товарища Вильгельма (Василия) Шёне; тот посещал Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица и предложил приятелю сопровождать его на вечерние занятия. Сначала Карл просто поддался уговорам, но вскоре понял, что все охотнее и охотнее посвящает время черчению и рисованию. Оба товарища достигли последних классов училища, стараясь всегда соответствовать высоким требованиям преподавателей. Очень скоро Карл почувствовал, что его ранняя увлеченность естественными науками куда-то улетучилась. Признание и похвала профессоров за представленные им работы стали стимулом к дальнейшему совершенствованию в этой области. Сам он констатирует, что именно благодаря посещению училища технического рисования барона Штиглица он принял решение стать архитектором.

Его школьный друг Вильгельм Шёне после завершения учебы в Петришуле учился архитектуре в Академии художеств и, став архитектором, оставил замечательный след в архитектурном облике родного города, о чем можно прочесть в книге Б. М. Кирикова и М. С. Штиглиц «Санкт-Петербург немецких архитекторов: от барокко до авангарда».

В 1880 году в семье Шмидтов произошло радостное событие — родилась девочка с прекрасным именем Леонтина Аурелия. Она была почти на пятнадцать лет младше своего брата Карла. В этот период финансовое положение семьи Шмидтов все еще оставалось сложным. Глава семейства Карл Фридрих, почти двадцать лет проживший в России, так и не смог найти постоянной и приносящей хороший заработок должности. Некоторое время он работал чертежником в конструкторском бюро некоего инженера Зекендорфа, но за низкую оплату и только когда поступали заказы. Мать пыталась вносить в скудный семейный бюджет небольшой дополнительный заработок. Она клеивала абажуры из листьев и бумажных цветов или продавала свое рукоделие.

Учеба сына в Петришуле подходила к концу. Чтобы немного помочь родителям, Карл решил подрабатывать, занимаясь со школьниками. Он вспоминает: «Было как раз время Пасхи 1883 года, когда я поместил в газету объявление, предлагая свои услуги в качестве репетитора в летние месяцы в Павловске и его окрестностях. На следующий же день я получил приглашение от семейства Лореков. Мне было предложено ежедневно заниматься с детьми в первой половине дня с 9 до 12 часов. Мы договорились на 15 рублей в месяц, что по тем временам показалось мне очень большой суммой. У Лореков я оставался в качестве репетитора и позже, в годы моей учебы в Академии художеств, сначала только в летние месяцы, но потом и в зимний период, проверяя домашние задания детей». Очень скоро завязалась сердечная дружба не только между репетитором и его подопечными, но и с их родителями, у которых в Павловске на окраине парка, рядом с железнодорожным вокзалом, был свой ресторанчик. Сначала Карл Шмидт занимался с двумя старшими сыновьями Лореков, Васей и Вильгельмом, а потом с младшими — братом и сестрой. Особенно подружился он со старшим Васей: в 1902 году Василий стал крестным отцом второго сына Шмидтов — Эрика. Эта дружба длилась вплоть до двадцатых годов.

Рассказ о своей учебе в Петришуле Карл Шмидт завершает описанием конфликта, случившегося в старших классах между ним и преподавателем религии пастором Ферманом. В нашей семье всегда ухмылялись, когда кто-нибудь вспоминал эту историю. В иерархии Русской евангелическо-лютеранской церкви пастор Александр Ферман

долгие годы занимал высокие посты. В течение многих лет — с 1865-го по 1902 год — он был священником немецкой лютеранской церкви Святого Петра на Невском проспекте — Петрикирхе. В 1883 году именно он конфирмовал Карла Шмидта — совершил обряд приема подростка в церковную общину. Помимо церковной деятельности Ферман преподавал в гимназии — вел историю религии и занятия по чтению Нового Завета на греческом языке. Однажды в начале урока он спросил учеников, кто из них в воскресенье был на службе в церкви. Поднялись лишь несколько человек. Строгий вопрошающий взгляд пастора остановился на школьнике Карле. Тот сказал, что писал сочинение, и поэтому у него не было времени посетить воскресную службу. Такой ответ не удовлетворил пастора, и он объявил, что постарается позаботиться о том, чтобы на выходные дни было как можно меньше домашних заданий. Так и произошло. Недели через две в адрес Карла вновь прозвучал тот же самый вопрос. И тот снова вынужден был признаться, что он и на этот раз не посещал церковь. На последовавший рассерженный вопрос о причине гимназист заявил, что присутствие на церковных службах должно быть делом добровольным, а не по приказу и не из-под палки.

Честному священнику это показалось наглостью. Он назвал строптивого ученика революционером, несущим гибель церкви, и пообещал доложить о происшедшем вопиющем случае директору. Провинившегося вызвали в «контору», где он получил хороший нагоняй. Ему было велено не являться в школу до тех пор, пока директор не поговорит с отцом. Как и ожидалось, Шмидт-старший смог разрешить конфликт, и Карл вернулся в гимназию. «На этом случай был забыт, но с тех пор пастор Ферман никогда никому из нас не задавал вопросов о посещении церкви».

Петришуле: экзамен на аттестат зрелости

Выпускные экзамены на аттестат зрелости в гимназии Петришуле отличались особой требовательностью. Их проводили намного строже, чем в иных немецких школах города. Как же прошли эти экзамены для Карла Шмидта? Позже он вспомнит, что на письменных экзаменах по отдельным предметам были предложены следующие темы. По предмету русского языка: «Чем изучение истории содействует к развитию в нас патриотизма». По предмету немецкого языка: *Des Helden Name*

ist in Erz und Marmorstein / So wohl nicht aufbewahrt, als in des Dichters Munde.^{*} По предмету французского языка: *Causes de la grandeur des Romains* («Причины величия римлян»). Тему сочинения по латыни Карл не запомнил. По предмету греческого языка требовался перевод с немецкого на греческий.

Затем, с перерывами в два-три дня, следовали четыре экзамена по различным разделам математики. Темы по отдельным предметам служащие школьного ведомства сообщали руководству гимназии в самый последний момент.

Поистине драматическая ситуация разыгралась на экзамене по алгебре. Задание оказалось настолько сложным, что все десять учеников напрасно мучались над поиском правильного результата. После трех часов появился преподаватель математики, чтобы собрать работы, но выяснилось, что никому ничего не удалось сделать. Тогда учитель начал сам решать задачу. Через некоторое время он отошел, чтобы позвать на помощь двух своих коллег, и втроем они попробовали решить задание совместно, приходя при этом во все большее возбуждение. Наконец на пятом часу, когда ни один из выпускников так и не смог продвинуться или хотя бы предложить путь для правильного решения, преподаватель начал делать ученикам намеки. Когда и это не возымело действия, он быстро написал на доске необходимую формулу и тут же ее стер, чтобы не осталось и следа от его подсказки: учитель опасался, что в любой момент в класс может нагрянуть инспектор. Предложенное министерством народного просвещения задание оказалось настолько сложным, что даже учителям потребовалось несколько часов. Таким образом, от учеников немецких церковных школ требовалось больше усилий при прохождении выпускных экзаменов, чем от других гимназистов. К такому выводу приходит Карл Шмидт в своих воспоминаниях. Как правило, на устных экзаменах присутствовал инспектор. Ученики знали, что он иногда и сам задавал вопросы. Но в том 1886 году он остался доволен оценками выпускников по всем предметам.

Ученики почувствовали большое облегчение, когда инспектор объявил, что все школьные друзья Карла выдержали экзамены. По этому поводу был устроен выпускной праздник в актовом зале Петришуле, куда были приглашены представители школьного ведомства

^{*} И бронза с мрамором в веках / Героя не прославит так, / как строгая, вос- торженная песнь поэта!—Перевод Юрия Макусинского.

и церковного совета и, естественно, все преподаватели и родители. Виновники торжества выступали с докладами по различным темам на русском, немецком, французском, английском и латинском языках. Надо вспомнить, что в то время по-русски Карл Шмидт говорил только на некоторых уроках в гимназии, иногда по случаю в магазинах — при покупке почтовых знаков или обращаясь к возчикам конки. В семье и в кругу друзей говорили по-немецки — на родном языке родителей. Отец Карла, инженер Карл Фридрих, к этому времени овладел языком своей новой родины настолько, что в профессиональном кругу мог общаться довольно свободно, хотя иногда окружающие и подтрунивали над его языковыми промахами. Я только констатирую факт, который в то время был нормой, ведь в северной столице России проживало довольно много людей разных национальностей.

Затем последовал научный доклад учителя и, наконец, прощальная речь директора гимназии Эрнста Фризендорфа, в которой фамилии учеников упоминались в юмористическом ключе. Поскольку по правилам немецкого языка фамилия «Шмидт» переводится на русский не прилагательным «Кузнецов», а существительным «Кузнец», то обращение руководителя школы к Карлу было следующим: «Каждый — кузнец своего счастья» (*Jeder ist seines Glückes Schmied*).

Быть может, этой речью директор хотел показать, что он не в обиде на своих подопечных за устроенную ему перед экзаменами обструкцию. Дело в том, что обычно на последних занятиях перед экзаменационным периодом со стороны учеников произносились привычно-обязательные «воодушевленно-благодарственные слова прощания», а со стороны преподавателей в адрес отправлявшихся в самостоятельную жизнь школьников — «доброжелательно-увещательные наставления». Гармоничное прощание с обеих сторон состоялось и на этот раз, но с одним лишь исключением. Директор гимназии Фризендорф, на уроках которого читали Гомера в оригинале, был нелюбим за свою манеру обращения с учениками. Поэтому весь класс решил расстаться с ним без прощальных слов. Когда прозвенел звонок, завершивший последний урок, никто из гимназистов не поднялся со своего места — все остались сидеть без единого звука. Директор обвел всех вопросительным взглядом и также молча удалился. Все замерли и не шевелились, пока в коридоре не стихли директорские шаги. Это была своего рода месть за отношение, ранившее молодые души.

Выпускной вечер в то время праздновался примерно так же, как и сегодня, с теми же, видимо, неизбежными последствиями: «Мой

товарищ Шёне довез меня до дома и передал в руки отца, который прямо-таки по-царски отнесся к моему состоянию. Похмелье на следующее утро было жутким, но прекрасное чувство, что школа наконец-то осталась позади, а впереди меня ожидает отдых за городом, которым я смогу наслаждаться сполна, позволило мне довольно легко перебороть мое состояние».

В начале 1990-х годов в Санкт-Петербурге были приложены некоторые усилия к возвращению былых традиций Петришуле. В 1993 году я побывала в городе на Неве и посетила школу. Мне подарили небольшую юбилейную брошюру об организации учебного курса в Петришуле. В ней были названы известнейшие преподаватели и лучшие выпускники гимназии. Среди последних я обнаружила и Карла Шмидта, с указанием годов обучения — с 1877-го по 1886 год — и пометкой: архитектор, академик. Мне было очень приятно увидеть своего дедушку среди лучших учеников, в числе десяти лучших выпускников 1886 года.

Каникулы

От жары, духоты летних недель петербуржцы стремились укрыться в зеленых пригородах — если, конечно, позволяли доходы. Горожане с достатком и большими претензиями, среди которых было немало немцев, предпочитали курорты на берегу Балтийского моря: на Финском заливе или, например, в польском городке Сопоте. Мой дедушка со стороны папы, петербургский торговец картинами и гравюрами Манфред фон Буш, вместе с женой Идой регулярно проводил отпуск именно в Сопоте. К началу XX века Манфред открыл свой магазин на Невском проспекте, в доме номер 16, а в 1913 году стал поставщиком императорского двора. Семья его жены Иды Бертольди — родом из Саксонии. Дедушку ее посадили в крепость Кёнигштейн за участие в дрезденских беспорядках, а его сын, Антон Камилло Бертольди, отец Иды, бежал в Россию. В Дерптском университете он изучал теологию и стал активным членом лютеранской общины в российской столице. На протяжении всей своей жизни он, будучи священником, занимал различные посты в управлении Евангелической церкви Санкт-Петербурга. А кроме того, выпускал *St. Petersburger Sonntagsblatt* — «Санкт-Петербургский воскресный листок».

На летние месяцы Шмидты выезжали на побережье Финского залива в Ораниенбаум — всего в 35 минутах езды по железной дороге.

Дом № 16 по Невскому проспекту, где располагался магазин Манфреда фон Буша-старшего. Фотография начала XX века

У шведки Кретц они снимали мансарду на ферме великой княгини Екатерины Михайловны. Карл Фридрих в это время работал на юге России. Навещал семью он довольно редко, да и то на несколько дней. В этом идиллическом местечке Шмидты отдыхали многие годы. На ферме проживали и другие отдыхающие. Кое-кто приходил только обедать. В иные дни за обеденным столом собиралось общество из 15–20 человек, в большинстве своем — немцы. С некоторыми отдыхающими Ольга и ее сын Карл сошлись особенно близко.

Карл Шмидт упоминает, например, семью придворного садовника Г. К. Гауглера, немца из Ольденбурга. С его сыном Карл совершал экскурсии по окрестным лугам и полям для сбора насекомых. Отдыхала здесь и супружеская чета Шлензог. Господин Шлензог был музыкантом — соло-кларнетистом в Императорском Мариинском театре. В летний сезон, как и другие музыканты, он играл в оркестре городского парка Ораниенбаума, так как все театры города на это время закрывались, а дополнительный заработок не был лишним. Шлензог был общим любимцем, даже среди русских, хотя общение с последними из-за недостаточного знания языка давалось ему с большим трудом. Немец из Силезии, он участвовал в качестве военного

музыканта в кампании 1866 года, и потом часто рассказывал об этих событиях. После австро-прусской войны он прибыл в Россию и был зачислен в оркестр Мариинского театра. Иногда он приглашал Карла на репетиции в Санкт-Петербург, и тот из оркестровой ямы наблюдал за впечатляющим действием, которое разворачивалось на сцене. Мальчик обратил внимание, что все музыканты оркестра общаются между собой на немецком, и даже дирижер Э. Ф. Направник дает указания на немецком языке. Особенным событием в Ораниенбауме были для подростка дни, когда его мама Ольга играла для гостей на фортепиано. В программе домашних концертов среди прочих произведений стояли Бетховен, сонаты Вебера.

В памяти Карла остался пастор Николай Сергиус фон Руктешель, тоже проводивший летний отдых в Ораниенбауме. Из биографического словаря Эрика Амбургера о лютеранских общинах России можно узнать, что родившийся в Дерпте Руктешель получил теологическое образование не только у себя на родине, но и в Германии, в городе Тюбингене, а с 1879 года служил в Санкт-Петербурге: сначала пастором в Евангелической женской больнице и ректором Дома диаконис, затем — преподавателем религии в училищах и школах города. Одна из улиц Гамбурга в районе Айльбек названа именем пастора Руктешеля, который в 1890 году последовал приглашению лютеранской общины Фриденскирхе на Вансбекер-шоссе и прослужил там главным священником до самой своей смерти.

Карл Шмидт вспоминает его как веселого человека, который хорошо играл на пианино, исполняя при этом песни шуточного содержания. «Я припоминаю, как иногда пастор Руктешель лукаво поглядывал на нас, исполняя какую-нибудь веселую песенку. Вообще он произвел на меня сильное впечатление — не столько своей музыкой, сколько своими проповедями, которые мы регулярно посещали. Дворцовая церковь Ораниенбаума, окруженная высокими деревьями, располагалась в большом парке. При хорошей погоде церковные окна с обеих сторон были настежь распахнуты, и птичьи голоса из парка сопровождали пение и звуки органа. Мы слушали простую проповедь, доходившую до самого сердца. Члены Великокняжеской семьи присутствовали постоянно».

В своих воспоминаниях Карл Шмидт наглядно описывает место проведения летних каникул. Ферма, в мансарде которой они жили, располагалась за пределами Ораниенбаума, на краю огромного

прекрасного парка, окружавшего одну из летних царских резиденций. Здесь, у подножия холма, начинался совершенно дикий лес, простиравшийся вдоль старой дюны, которая тянулась параллельно берегу на некотором удалении от моря. Достаточно было взобраться на холм, чтобы достичь красивейшей части парка. К окруженному старыми лиственницами пруду с карасями прилегал большой роскошный луг со старыми липами. Здесь с особенным удовольствием играли дети. По ветвям, спускавшимся к самой земле, было удобно залезать на деревья. Кроме того, только тут ребята могли без помех играть в свои шумные игры. В зимний период, читая истории об индейцах, они радостно предвкушали предстоящие игры на воле. В эту часть парка отдыхающие заглядывали лишь изредка. Это было по душе и матери — она любила одиночество и старалась избегать встреч с незнакомыми людьми.

Когда из-за кончины Великой княгини Екатерины Михайловны ферму в Ораниенбауме закрыли, Шмидты стали проводить летние каникулы в деревеньке Глазово, рядом с Павловском. В этом они последовали примеру Марии Адлер, сестры Ольги Шмидт. Та регулярно уезжала в деревню и все летние месяцы проводила в деревянном домике в Глазове. Она прибывала в числе первых отдыхающих и в течение пятидесяти лет никогда не изменяла этому принципу. Шмидты с удовольствием стали проводить летние месяцы там же, рядом с тетей Марией.

В Глазове Карл Шмидт чувствовал себя превосходно. Здесь он нашел ровесников — как мальчиков, так и девочек, с которыми быстро сдружился. Образовался веселый и живой круг подростков. Были и товарищи по гимназии, сверстники Карла из семейств Брандов, Юргенсонов и Кайзеров. Они разыгрывали целые театральные представления, катались на велосипедах и играли в теннис, входивший тогда в моду. Именно в Глазове между ними возникли тесные дружеские отношения, впоследствии выдержавшие испытания Первой мировой войной и другими катастрофами XX века. В числе друзей Карла надо упомянуть Эрнста Шуберта. Он, как и Карл Шмидт, покинул Россию после Первой мировой и революции. Дружья продолжали переписываться, рассказывая друг другу о своих трудностях на новом месте.

В Глазове Карл Шмидт познакомился с Викентием Осиповичем Накельским, навещавшим время от времени семьи Кайзеров и Нордманов. Позднее Накельский дослужился до высокого поста в Министерстве юстиции.

Завершились школьные годы. Полученное известие — явиться на обследование для прохождения военной службы в Германии — не было неожиданным: оно лишь временно было отсрочено до окончания Карлом гимназии. И сейчас, в октябре 1886 года, когда выпускные экзамены остались позади, Карл должен был получить в германском консульстве медицинское свидетельство на предмет его годности к военной службе. Благодаря отцу он сохранил немецкое гражданство, а потому обязан был пройти воинскую повинность в Германии. Понятно, что он хотел служить и познакомиться с заграницей. В отличие от отца, для которого Германия была родиной, Карл в то время воспринимал Германию именно как за границу. Но результат освидетельствования оказался отрицательным:

из-за узкой грудной клетки ему было отказано в службе как в армии, так и на флоте.

Отец Карл Фридрих был разочарован: он очень хотел, чтобы его сын прошел воинскую повинность в Германии. Сын же смотрел на неожиданную ситуацию по-иному. С одной стороны, исчез подходящий повод увидеть и узнать Германию. С другой стороны, Карл был рад, что ему не придется еще раз сдавать все выпускные экзамены в гимназии. Дело в том, что российский аттестат зрелости в Германии не признавался. А для годичной военной службы в качестве

*Мария Адлер и Ольга Шмидт
в Глазове. 1900-е*

вольноопределяющегося требовалась передача всех экзаменов уже в Германии. К тому же была необходима определенная денежная сумма, которую родители предоставить Карлу не могли.

Теперь, поскольку вопрос о военной службе оказался снятым, требовалось срочно принять решение и определиться с направлением дальнейшей профессиональной подготовки.

Коллекционирование насекомых, которым Карл усердно занимался в ранние школьные годы, казалось бы, указывало на интерес мальчика к естественным наукам. Но с тех пор как вместе со своими друзьями Вильгельмом Шёне и Васей Лореком он начал регулярно посещать Училище технического рисования, его пристрастия резко изменились. В своих воспоминаниях Шмидт называет профессоров Людвига Маршнера и выходца из Эстонии Иоганнеса (Ивана Андреевича) Гальнбека как людей, оказавших на него огромное влияние и пробудивших в нем особый интерес к архитектуре. Они были выпускниками Академии художеств, как и другие преподаватели училища, а также вели вечерний курс, по окончании которого выдавался специальный сертификат. Спустя годы и Карла удостоят почетного звания художника-прикладника как выпускника Училища технического рисования. Обширнейшая библиотека с великолепными трудами всех времен по изобразительному и прикладному искусству открывала перед учеником новые области, целые миры, доселе ему неизвестные. От соприкосновения с красотой классических зданий и орнаментов он чувствовал радость. Еще до завершения учебы в гимназии Петришуле у него созрело твердое и окончательное решение — посвятить себя архитектуре.

К этому решению Карл Шмидт подошел очень ответственно, ведь оно касалось его профессионального будущего. Однако именно на этой почве в семье неожиданно разгорелся конфликт. С одной стороны, отец не имел ничего против того, чтобы сын стал архитектором, с другой — категорически восстал против учебы отпрыска в Санкт-Петербурге. Наверное, в своих мечтах он видел сына студентом известного университета, причем обязательно немецкого. Поклонник Бисмарка и страстный патриот Германии, он всеми силами восстал против решения Карла учиться в российской Академии художеств. Но сын на этот счет имел свое мнение. Он хорошо понимал, что его учеба в Германии будет стоить немалых денег. Для семьи такая ноша могла оказаться непосильной, а найти юноше заработок за границей достаточно проблематично. В отличие от Германии, для учебы в Санкт-

Петербурге не требовалось таких больших затрат. Покрыть насущные ежедневные расходы молодой человек смог бы за счет репетиторства, чем он, кстати, уже занимался. Но отец не хотел считаться с разумными доводами сына. Разразился конфликт, в котором обе стороны непримиримо настаивали на своем. В семейных отношениях наступил ледниковый период, длившийся вплоть до зимы 1886/87 годов.

Кроме того, Карл нанес еще один удар по самолюбию отца: он решил принять российское гражданство и сам разузнал, что для этого нужно. Карл хотел стать архитектором в России, а юридически право на постройку больших объектов выдавалось только российским подданным. Разрыв с отцом стал принимать угрожающий характер. Стороны примирились только тогда, когда отца в германском консульстве заверили, что за сыном будет оставлено германское гражданство даже после принятия им гражданства российского. Уже будучи студентом третьего семестра, Карл дал присягу и стал подданным России. При этом его зарегистрировали сначала как гражданина Колпина — городка на юге Санкт-Петербурга. После завершения учебы в Академии художеств с Карла Шмидта было снято звание рядового жителя Колпина. Он стал гражданином Санкт-Петербурга, и ему было пожаловано личное дворянство.

В конце концов сын сумел убедить отца, доказав свою правоту целеустремленностью и точными финансовыми расчетами, касавшимися затрат на его будущее обучение. Последующие успехи лишь подтвердили правильность сделанного им выбора.

Родители следили за тем, с какой уверенностью Карл шел по избранному им пути, с возрастающей радостью. От напряженной обстановки, достаточно долгое время господствовавшей в семье, скоро не осталось и следа.

Учеба в Академии художеств

Но время ушло. Истек срок для сдачи вступительных экзаменов на зачисление не только в Академию художеств на 1886/87 год, но и в Институт гражданских инженеров, куда Карл решил поступать в случае провала при приеме в Академию. Чтобы не терять времени, осенью 1886 года он поступил на математический факультет Санкт-Петербургского университета. Он решил, что занятия математикой не будут лишними для будущих архитектурных расчетов. Наряду с математическими дисциплинами, он слушал лекции по истории,

философии, праву, агрономии. Карл стал посещать студенческое товарищество «Невания», где его привлекала царившая там атмосфера непринужденности. Кроме того, он стал регулярно посещать уроки фехтования, а по вечерам — кабаки. Однако ночные бодрствования и обильные выпивки не увлекли его. К Рождеству 1886 года он покинул университет и прекратил связь с «Неванией», чтобы целиком посвятить себя серьезной подготовке к вступительным экзаменам в Академию художеств. Очень помогло Карлу и прилежное посещение Училища технического рисования, которое он не прерывал все это время. От своего дяди Карла Венига, профессора Академии художеств, он узнавал секреты ремесла, учась срисовывать головы с гипсовых моделей. Эти знания пригодились ему в первые месяцы учебы в Академии. Тогда же он возобновил уроки игры на фортепиано. С другом Густавом Гуммертом Карл бывал на генеральных репетициях симфонического оркестра и вечерах камерной музыки.

В своих воспоминаниях Шмидт детально описывает нелегкие вступительные испытания при поступлении в Академию художеств и различные внутрисеместровые экзамены. Карл Шмидт хорошо помнил подробности отдельных экзаменационных сессий.

Каждый год, как правило, число претендентов, подающих заявления на прием в Академию художеств, в несколько раз превышало количество учебных мест. На новый 1887/88 учебный год число кандидатов колебалось от 300 до 400. На вместе взятые отделения живописи, скульптуры и ар-

Карл Вениг. 1900-е

хитектуры могли быть приняты только 150 человек. Залы рисования не могли вместить всех желающих. Обучение оставалось бесплатным для всех без исключения, несмотря на высокие требования и компетентное преподавание.

Важным этапом вступительных экзаменов считался рисунок гипсовой головы, который надо было выполнить в течение определенного времени. Только 150 человек, выбранные из тех, кто лучшим образом справился с заданием, допускались к последующим испытаниям. Будущим архитекторам предстоял экзамен по математическим дисциплинам. Наличие аттестата зрелости являлось *eo ipso* — само собой разумеющимся обязательным условием.

Карл Шмидт выдержал все экзамены без труда. О поступлении в Институт гражданских инженеров вопрос уже не стоял, хотя именно к технической стороне строительного искусства Шмидт чувствовал особую тягу. Впоследствии он признал, что даже сомневался в своих художественных способностях. «К моему собственному изумлению, я, как потом выяснилось, заблуждался; все вышло совсем иначе, чем я предполагал».

Скоро студент привлек к себе особое внимание профессоров. Более того, он встретил покровителей, внимательно следивших за его успехами. Наставникам нравились точность и тщательность, с которыми Карл выполнял свои рисунки. Их оставляли в карандаше — обычно студенты должны были обводить карандашные контуры тушью, но рисунки Карла сразу наклеивались на картон и лакировались, чтобы в дальнейшем служить образцами для других студентов. За успехами Шмидта следил и профессор Владимир (Роберт Вольдемар) Андреевич Шрейбер, прославившийся успехами в проектировании внутреннего убранства Исаакиевского собора под руководством Огюста Монферрана в 1843–1847 годах.

Карл Шмидт подробно описывает учебу: «Наш распорядок дня был следующим: с 9 до 12 часов проводились лекции, с 12 до 3 часов пополудни — архитектурное проектирование, позднее — композиция; с 5 до 7 часов вечера — срисовывание гипсовых голов, а позднее — фигур или живых позирующих моделей. На выполнение каждого рисунка отводился месяц. Ежемесячно сменялся руководивший работами профессор. Работы в зависимости от их качества получали от коллегии профессоров определенный балл (от 1 до 150). Окончившим класс считался лишь тот, определенное количество работ которого было среди

25 лучших. Конкуренция была жесткой, некоторым студентам требовалось до десяти лет, чтобы перейти из одного класса в другой. Научные лекции были распределены на 8 семестров. Каждое полугодие можно было сдавать соответствующий экзамен. В классе архитектуры допуск к композиционным работам осуществлялся по решению профессоров, то есть по успехам в рисовании и черчении, обычно после завершения четырех семестров. По классу композиции требовалось подготовить и сдать по крайней мере 15 проектов, которые ежемесячно задавались разными профессорами. Среди этих проектов должны были находиться работы, отмеченные малой и большой серебряными медалями.

Для получения права на производство строительных работ требовалось следующее:

- 1) завершение обоих классов, по рисованию голов и фигур с гипсовых моделей, при совместном обучении художников, скульпторов и архитекторов;
- 2) восемь семестров лекций;
- 3) малая и большая серебряные медали за композицию.

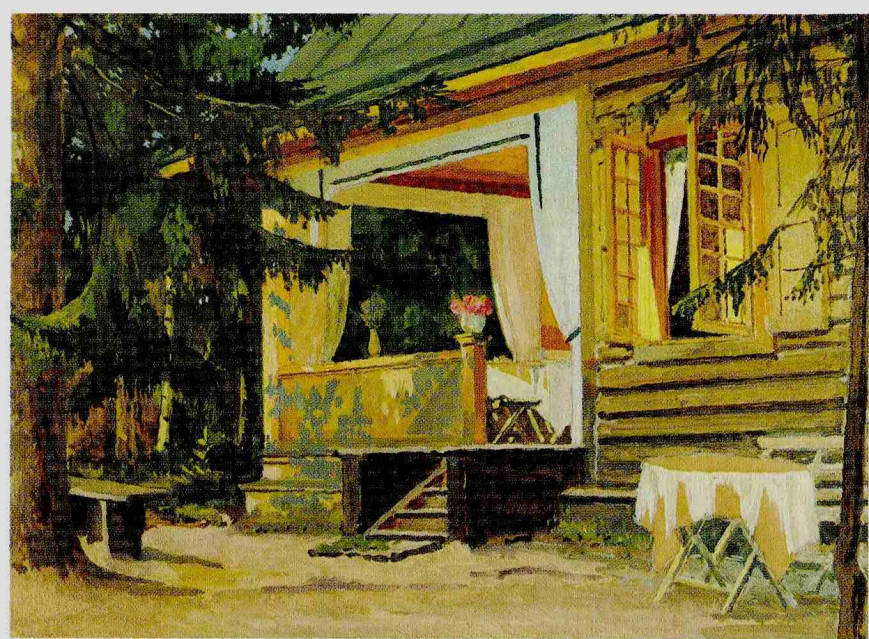
Срок для выполнения этих условий не устанавливался. Нередко случалось, что бородатые отцы семейств, в течение нескольких лет работавшие подручными у архитекторов, снова и снова пытались сдавать экзамены или успешно выдержать конкурсы по классу композиции, чтобы заполучить права, необходимые для дальнейшей самостоятельной деятельности в качестве архитектора. Если же в напрасных усилиях проходило десять или более лет, то они вынуждены были покидать Академию художеств с дипломом учителя рисования в обычной школе».

Карла Шмидта подобная участь миновала. Более того, первые два из перечисленных условий ему удалось успешно выполнить в течение трех лет, так что на четвертый год обучения он посещал только лекции и классы рисования живых моделей для художников, которые, впрочем, были необязательными. Здесь же он получил серебряную медаль. За акварели и рисунки, которые он выполнил во время летних каникул, а также за предъявленные им строительные чертежи и отчеты о практике он был удостоен двух специальных медалей — малой и большой поощрительных.

Имена профессоров, чья забота сопровождала Карла Шмидта на протяжении всего учения и о которых он вспоминает с благодарностью, можно найти в уже упомянутой книге Б. М. Кирикова и

К. Шмидт. Летний домик в Келломяках. Акварель. 1910-е

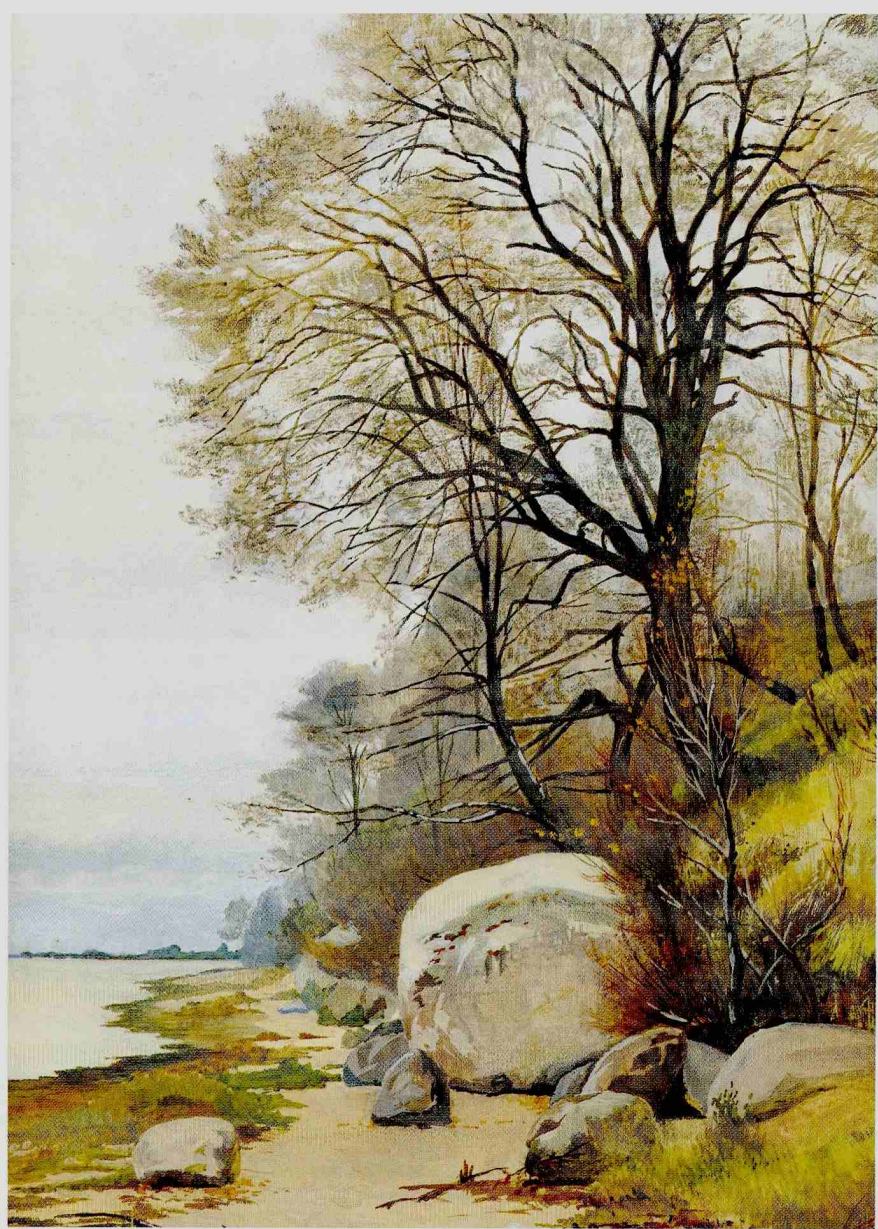
К. Шмидт. Летний домик, окруженный дремучим лесом. Акварель. 1910-е

К. Шмидт. Внутреннее убранство летнего домика. Акварель. 1910-е

Шмидт. Вилла Шмидтов. Акварель. 1917. Осенью 1917 года, которую шмидты провели в Деревянном доме, Карл Шмидт нарисовал для каждого из ней виллу—их отчий дом

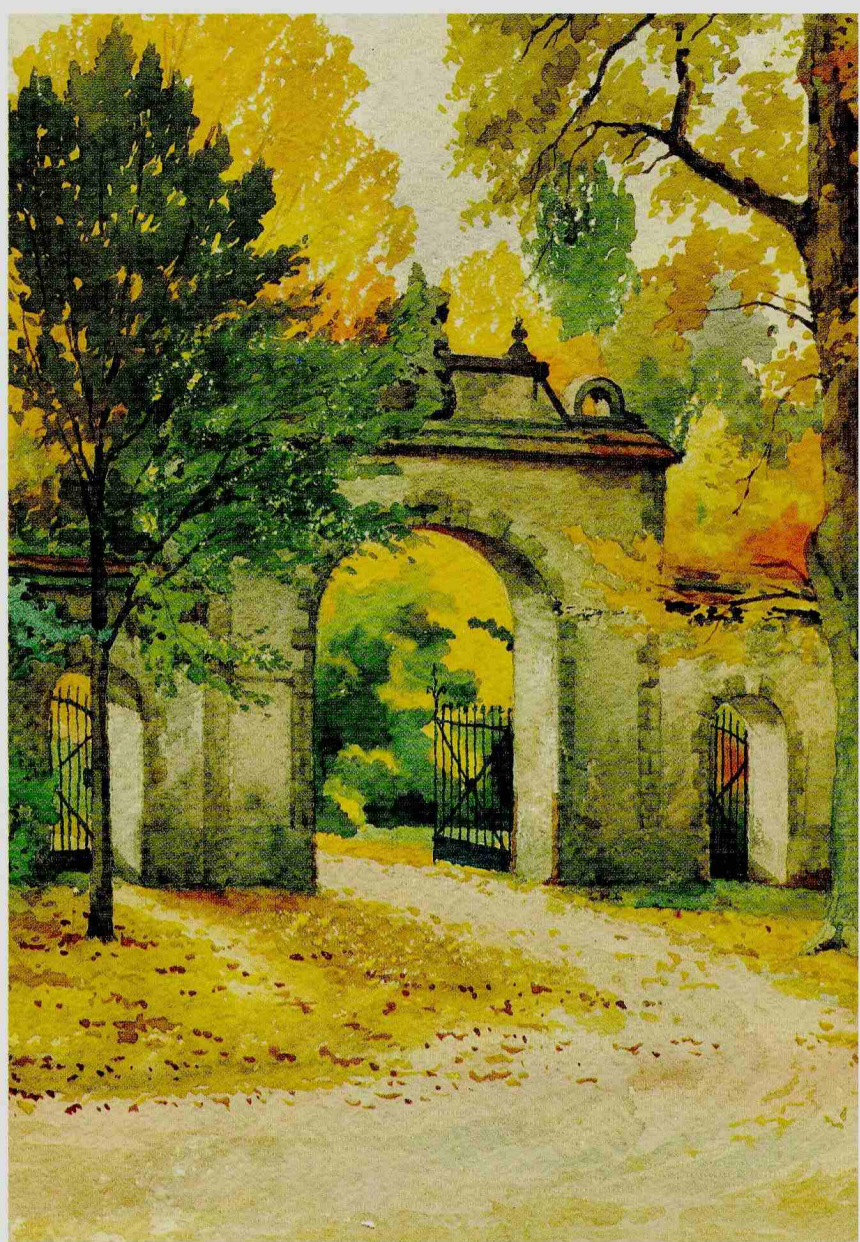
*К. Шмидт. Камень на берегу озера. Акварель. 1918.
Шмидт изобразил излюбленное детьми место для чтения*

К. Шмидт. Эстония. Усадьба Тамменгоф. Акварель. 1918

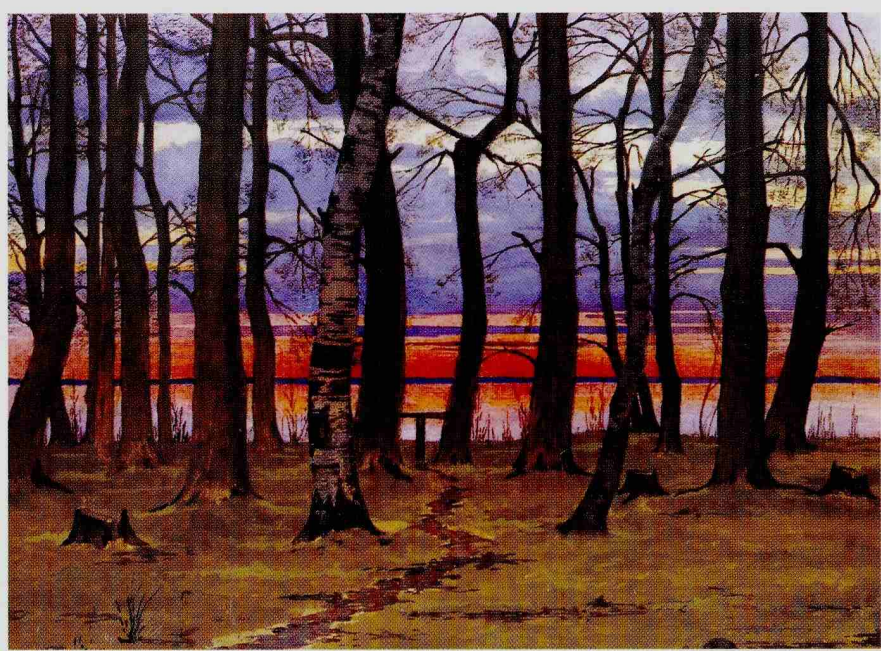
К. Шмидт. Балтийская коса. Кальберг-лип. Акварель. 1932

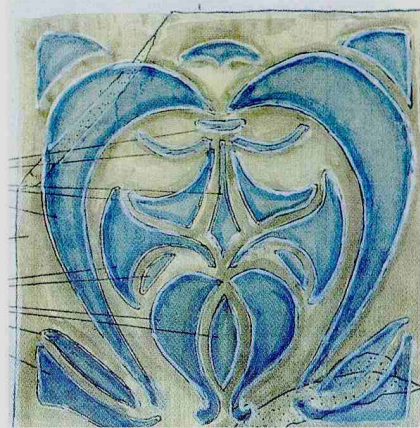
К. Шмидт. Ворота у крепости Хакебург в Кляйнмахнове. Акварель. 1938

*К. Шмидт. Католическая церковь в Кунцендорфе под Данцигом. Акварель. 1936.
В соседнем поселке служил пастором сын Карла, Эрик*

К. Шмидт. Закат солнца. Усадьба Тамменгоф. Акварель. 1919

К. Шмидт. Кафельные изразцы для столовой (слева) и вестибюля (справа) виллы Шмидтов. Эскизы. 1902–1903

М. С. Штигиц о немецких архитекторах Санкт-Петербурга — по крайней мере, немцев по происхождению. Ректором Академии художеств в то время был архитектор Д. И. Гримм. Профессорами архитектуры были названный выше В. А. Шрейбер, а также Р. А. Гёдике, А. И. Кракау, И. А. Стефаниц, чех А. О. Томишко и Л. Н. Бенуа.

Карл Шмидт слушал лекции профессоров Алексея Трамбицкого, Григория Котова, Александра Померанцева и Александра Векшинского — все они обладали большими золотыми медалями и в свое время были заграничными стипендиатами Академии. Живые и интересные лекции по истории искусства читал Сабаневич,* автор множества публикаций, который, по словам Карла Шмидта, как и профессор Сакетти, связывал архитектуру с музыкой и поэзией и с воодушевлением делился со студентами своими мыслями по сравнительной эстетике. Оба ученых способствовали развитию художественного дарования молодого Карла Шмидта.

В своих воспоминаниях, на которые я все время опираюсь, мой дедушка пишет об учебе в Академии художеств как о счастливом периоде жизни: «Должен признаться, что я учился с большим воодушевлением и глубокой любовью, возраставшими по мере того, как я все более подробно знакомился с классическими формами архитектуры и принимал их. Я чувствовал себя в своей стихии, постоянно поощряемый, благодаря признанию моих достижений профессорами, к более высоким результатам. Меня захватывало не только архитектурное искусство, но и его техническая сторона; самый большой интерес вызывали во мне конструкции и расчеты».

Все экзамены за восемь семестров Карл сдал без особого труда, и у него даже появилось время для кое-каких подработок, которые профессора не считали для себя привлекательными и с удовольствием перепоручали способным студентам. Для Шмидта и других одаренных молодых людей это было желанной возможностью подзаработать. Как правило, речь зачастую шла о незначительных перестройках в частных домах.

Словом, период учебы оказался очень насыщенным. Мой дедушка, тем не менее, продолжал репетиторствовать у Лореков, а сам не прекращал брать уроки игры на фортепиано у Гуммерта. Свободными оставались только воскресенья, когда он выполнял еженедельные

* Так у Шмидта; предположительно Евгений Сабанеев.—Э. Ф.

задания по композиции или наброскам, в том числе эскизы промышленных объектов или частей внутреннего убранства.

В один прекрасный день профессор Шрейбер сам вызвался помочь Карлу и попросил показать ему эскиз заранее. Но тот ответил, что выполняет задания только по воскресеньям, ибо на неделе вынужден зарабатывать деньги. Шрейбер промолчал, а через несколько дней сообщил своему подопечному, что выхлопотал для него ежемесячную стипендию Его Императорского Величества в 30 рублей. На последнем году обучения к этой стипендии добавились еще 25 рублей за участие в конкурсах на малую и на большую золотые медали.

Практика в Москве

Наконец-то важные этапы учебы были завершены. Программой учебного курса предусматривалось, что в течение двух строительных сезонов, проводившихся в России обычно с мая по октябрь, студенты обязательно должны или принять участие в большом строительном проекте, или отработать в мастерской у кого-то из видных архитекторов. По окончании практики необходимо было предоставить в учебную часть Академии отчет о проведенной работе с приложением рисунков, чертежей и расчетов. Профессор А. Н. Померанцев, действительный член Академии художеств, в этот период проектировал Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве, возведение которых он позже сам и возглавил. Это здание, хорошо известное как ГУМ — Государственный универсальный магазин, притягивает жителей и гостей Москвы до сегодняшнего дня.

Карл Шмидт, посещавший лекции Померанцева, с удовольствием принял предложение поработать помощником у профессора как в мастерской, так и на строительстве. Два строительных сезона — 1890-го и 1891 годов — он провел в Москве. Карл снял комнату в пятиэтажном доме на Тверской улице, в десяти минутах ходьбы от места работы. Вместе с шестью другими подручными он, главным образом, занимался исполнением чертежей и шаблонов. После работы он отправлялся в так называемую «Нормальную кухню», находившуюся под медицинским надзором. Для каждого блюда там указывалось количество калорий. Однако это не сильно влияло на вкус дешевой снеди. Если обед был очень скуден, Карл шел на Тверской бульвар,

где была небольшая молочная, и ел там варенец, свое любимое блюдо. По вечерам он трудился над чертежами для итогового академического отчета.

В выходные дни Карл вместе с другом-художником выезжал на природу — в красивые пригороды Москвы. Они готовили эскизы, которые следовало предъявить вместе с отчетом о проведенной работе. Излюбленным местом была Троице-Сергиева лавра: «Сам монастырь с многочисленными церквями и другими зданиями был окружен высокой и широкой стеной, по форме напоминающей крепостную. Большая свободная площадь перед монастырем с постоянно колышущейся людской массой, по кругу застроенная трактирами и подворьями для многочисленных паломников, всегда была заполнена ларьками и крестьянскими подводами, с которых торговали всем, что душе угодно. Мы остановились в монастырской гостинице, обслуживаемой монахами. Постные блюда были обильными и очень вкусными. Живописное расположение монастыря на высоком берегу маленькой речки побудило нас к созданию большого числа акварелей, которые впоследствии, к сожалению, были оставлены в России». Оба друга-художника посетили и расположенный неподалеку скит отшельника.

В свободные часы Карл Шмидт навещал своих родственников. Окончивший консерваторию Густав Вениг, родной брат его матери, преподавал в одной из московских женских гимназий. Карл с удовольствием совершал с дядей воскресные прогулки по окрестностям. Особенно привлекательными были поездки на толкучку у Сухаревской башни, работавшую лишь в воскресные дни с раннего утра и до полудня. Чтобы заполучить желаемые вещи, приходилось выезжать очень рано. Там можно было найти старое серебро и монеты, которые коллекционировал дядя Густав, старинные полотна и многое другое. Карл очень интересовался почтовыми знаками, и ему удалось разыскать на Сухаревке отличного качества марку Кадниковской земской почты № 7 и приобрести ее за три рубля. Много лет спустя он включил эту находку в большую коллекцию, которую в 1933 году передал в Берлинский музей почты.

Густав Вениг был знатоком и коллекционером почтовых знаков российских земств. Карл, правда, уже давно начал собирать марки, но не так целенаправленно, как его дядя. Густав посоветовал сосредоточиться на какой-нибудь конкретной области коллекционирования. Карл

последовал его совету, став впоследствии одним из самых знаменитых коллекционеров российских земских почтовых знаков.

Во время практики в Москве Карл Шмидт получил возможность познакомиться с представителями купечества. Поводом стала закладка фундамента при строительстве Верхних торговых рядов на Красной площади. Событие отмечалось с размахом: после обильного обеда в одном из изысканных заведений города, порядком разгоряченные гости продолжили празднование в пригородном ресторане с цыганами. Карл, однако, распростился со всеми сразу после окончания обеда и уехал домой.

По окончании обязательной практики Карл Шмидт получил у профессора доброжелательную характеристику:

«Сим удостоверяю, что академик Карл Карлович Шмит был у меня на практических занятиях летом 90 и 91 годов и возложенные на него поручения исполнял добросовестно и с знанием дела.

Академик архитектуры А. Померанцев».

Примечательно, что, несмотря на все превратности судьбы, это свидетельство хранится среди документов Карла Шмидта до сих пор, уже более сотни лет. Видимо, для «академиста Карла Карловича Шмидта» оценка профессора была очень важна, а его наследники это понимали и уважали.

СТРОИТЕЛЬ
ВЕРХНИХЪ ТОРГОВЫХЪ
РЯДОВЪ
ВЪ МОСКВѢ

~~Проектъ Верхнихъ торговыхъ рядовъ~~

~~въ Москвѣ~~

Августъ 28 июля 1891 г.

116

Симъ удостоверяю, что академикъ Карлъ Карловичъ Шмитъ былъ у меня на практическихъ занятияхъ летомъ 90 и 91 годовъ и возложенное на него порученіе исполнилъ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла

Академикъ архитектуры А. Померанцевъ

Свидетельство о прохождении практики

В течение многих лет отец Карла безуспешно искал постоянную работу, которая приносила бы хороший заработок. В 1890 году ему наконец повезло: Карл Фридрих Шмидт получил должность директора управления тверских газо- и водопроводов. Через год, когда он смог обустроиться в подходящей квартире в Твери, туда переехали и жена Ольга с дочерью Лонни. Отступили материальные заботы, и маленькое семейство обрело покой. Студент Карл остался в Санкт-Петербурге, где о нем заботилась его теть Мария Адлер.

Из воспоминаний следующего поколения Шмидтов становится понятным, какое важное место занимала Мария Адлер в семье. Рано овдовев, она жила в Санкт-Петербурге со своей матерью Эмилией Агатовой Вениг. После того как сестра Ольга переселилась в Тверь, Мария взяла к себе племянника Карла.

Шесть лет, проведенные у своей тети, протекли очень гармонично. «Я принимал всё близко к сердцу и уже тогда поставил перед собой цель — при первой возможности воздать ей за всю ее заботу и любовь. И судьба предоставила мне такой случай». Карл сдержал данное себе обещание уже будучи архитектором, когда он выстроил для своей семьи дом в Павловске. В нем нашлось место и для тети Марии — она занимала на вилле Шмидтов отдельную квартиру: гостиную, спальню и маленькую кухню, где готовила себе кофе. В гостиной висела копия картины К. П. Брюллова «Девушка с виноградом».* Моя мама вспоминала: «Она любила говорить с нами, детьми. Однажды маленький Эрик спросил ее: „Скажи, пожалуйста, тетя Мария, есть ли Бог?“ И она ответила: „Дорогой мой, я не знаю. Но я знаю, что надо делать добро.“ Сама она всю жизнь только это и делала, за что была почитаема всеми, кто ее знал». Жители Павловска уважали Марию Адлер за ее помощь больным и нуждающимся.

Переезд родителей в Тверь имел для Карла далеко идущие последствия. В доме лютеранского пастора Эдуарда Генриха Иоганзена Карл обретет счастье своей жизни — Эрику, дочь пастора. Поэтому я хотела бы коротко остановиться на описании членов семьи тверского пастора и их жизни.

По данным известного немецкого путеводителя Бедекера, в 1912 году в Твери насчитывалось 60 тысяч жителей — значительно больше, чем

* Видимо, речь идет о картине «Итальянский полдень». — *Ред.*

три десятилетия назад. На экономическое развитие города огромное влияние оказывал тот факт, что Тверь располагалась на берегах Волги. Наличие водных путей сделало город привлекательным местом торговли. Так как Тверь находилась далеко и от Санкт-Петербурга, и от Москвы, жителям города было трудно принимать участие в хозяйственной и культурной жизни обеих российских столиц. Чтобы в конце XIX века добраться до Москвы, надо было сначала доехать на извозчике до вокзала, а затем 4 часа ехать на поезде. Поэтому тверичи жили сами по себе, а торговые связи города с югом и востоком страны обеспечивала Волга. В городе было 40 православных церквей, мужской и женский монастыри, католическая церковь, еврейский молитвенный дом, а с 1853 года и лютеранская кирха. С тех пор как в 1870 году Эдуард Генрих Иоганзен вступил в должность тверского пастора, его дом стал местом притяжения лютеран, прежде всего немцев, направлявшихся из Прибалтики и Санкт-Петербурга в Москву и дальше — в южные и восточные провинции России. Немцы, приехавшие из Германии, появлялись в Твери гораздо реже.

Речные грузовые и транспортные перевозки находились в руках компании «Самолет». Ее сотрудники — директор, конторские служащие, капитаны, штурманы, машинисты и ремесленники, а также члены их семей принадлежали к лютеранской общине города. Кроме того, в Твери было немало мастеровых, купцов, служащих, врачей и аптекарей и даже несколько военных протестантского вероисповедания. Члены прихода были разных национальностей.

Подчинявшаяся Эдуарду Иоганзену епархия включала в себя не только город, но и всю Тверскую губернию. Здесь, в малых городах и деревнях, проживали шведы, финны, эстонцы, латыши и французы. Случалось, пастора вызывали в самые отдаленные места. До переезда в Тверь Иоганзен более семи лет опекал лютеран в Сибири. Он, как и другие мои предки, был государственным стипендиатом и во время учебы в Дерпте ежегодно получал 300 рублей. Завершив в 1859 году обучение, он был обязан отслужить три года пастором в Тобольске и Омске.

Первая лютеранская община ссыльных возникла в Сибири еще в 1819 году. Тогда епархия молодого пастора распространялась на всю Тобольскую губернию вплоть до киргизских степей. Его деятельность не ограничивалась непосредственной работой за конторским столом или проведением служб. Прибывшие из западных и центральных регионов Российской империи лютеране были преимущественно ссыльными эстонцами, латышами и финнами. Задача пастора состояла в том, чтобы

помочь приезжим освоиться в чуждой им среде. Эстонским языком Эдуард Иоганзен владел с детства, а финский изучил во время первого пробного 1859/60 года службы у пастора Корнелиуса Лааланда в Санкт-Петербурге, то есть незадолго до своего отъезда в Сибирь. Иоганзен оставил живые подробные воспоминания о жизни в Сибири с 1860-го до 1868 года. В семье самого пастора говорили, конечно, на немецком языке.

Обитатели пасторского дома

Инженер Карл Фридрих Шмидт появился в доме пастора сразу же после того, как в 1890 году заступил на пост директора управления тверских газо- и водопроводов. Его тепло приняли у Иоганзенов. В гостеприимном доме пастора часто останавливались гости из Санкт-Петербурга и прибалтийских городов, чаще всего из Дерпта. Скоро стали наезжать и жена инженера Ольга с дочерью Лонни.

Особенно притягивала гостей интеллектуальная атмосфера, царившая в доме Иоганзенов: светские беседы о литературе, музыке и искусстве, в которых находилось место юмору и веселью.

У пастора Эдуарда Иоганзена и его жены Маргот было шестеро детей. Маргот была дочерью Эдуарда Генриха фон Буша, учителя сыновей Великого князя Константина Константиновича. В 1872 году Бушу было пожаловано потомственное дворянство.

Когда в 1885 году от менингита скончалась старшая дочь Гедвига, а спустя несколько месяцев от чахотки — Маргот, место матери

*Пастор Эдуард Иоганзен с женой
Маргот (урожд. фон Буш)*

в семействе пастора заняла Луиза Карблом. Она была двоюродной сестрой умершей Маргот. Ее отцом был профессор теологии Андреас Каспар Фридрих Буш из Дерпта, брат Эдуарда Генриха фон Буша. В 1870 году, после смерти мужа, генерал-суперинтенданта Московской лютеранской консистории Вильгельма Карблома, Луиза вернулась из Москвы в Дерпт и прочно обосновалась в среде университетского города. У нее было много друзей среди университетских профессоров, а также из прилегающих к Дерпту поместий. После смерти Маргот, по просьбе пастора Луиза покинула родной город и переехала в Тверь. Для нее это стало серьезным испытанием.

По сравнению с Дерптом, с его пульсирующей интеллектуальной жизнью, Тверь с полным правом можно было считать провинцией, даже глухоманью. Поселившись в пасторском доме, Луиза постаралась добротой и теплом заменить детям мать. В то время ей было 58 лет и, будучи на 4 года старше пастора и на 15 лет старше своей покойной двоюродной сестры, она годилась племянникам в бабушки. До самой своей смерти в 1905 году — в течение целых двадцати лет! — она вела домашнее хозяйство, участвуя в развитии и становлении каждого из

Ansicht d. Pfarrhaus in Omsk, mit dem gegenüber liegenden Kirchengebäude

Э. Г. Иоганзен. Церковь и пасторский дом Эдуарда Иоганзена в Омске.
Карандашный рисунок из собрания Татьяны Иоганзен-Рюбке

Пасторский дом в Твери. Фотография конца XIX века

пятерых детей пастора. Правда, к моменту ее переезда к Иоганзенам старшему сыну Герману было уже 19 лет. Анне Луизе, или, как ее называли в доме, Лили — 13, Алине — 12, Эрике, моей будущей бабушке, — 10 лет, а Вальтер был совсем маленьким — ему было всего 5 лет.

С ними же в доме жили шведы Августа и Адольф Хельгрены. На пути из Санкт-Петербурга драматические обстоятельства заставили отца с дочерью задержаться в пасторском доме, где они и остались жить. Тетя Густель, как называли ее внуки Иоганзенов, была лишь на 10 лет старше Эрики и стала равноправным членом пасторской семьи. В этом месте я с удовольствием процитирую несколько строк из воспоминаний Эрики Иоганзен, в которых она рассказывает о «старом шведе».

Адольф Хельгрэн был искусным столяром. В большом пасторском доме для его мастерства всегда было достаточно работы. Но самым страстным увлечением «господина профессора», как его называли, была совсем другая область: «„Господин профессор“ был книгочей. Вечерами, при свете керосиновой лампы, он часами читал, лежа в постели.

Он проштудировал исторические труды немецкого историка Ранке, а также произведения Гёте и Шиллера и многих других. Несмотря на открытую улыбку этого старого шведа, на его лице можно было прочесть, насколько ему жаль, что в годы своей юности в университетском городе Упсала он только „рассаживал вокруг университета“, но так и не смог попасть внутрь. Хельгрэн стал, тем не менее, знающим, даже ученым человеком благодаря тому, что на протяжении всей своей долгой жизни самостоятельно изучал науки, мимо которых ему волей обстоятельств суждено было пройти в юности. Его интересовало естествознание. У нас его считали вольнодумцем. С запоздалой гордостью я должна подчеркнуть, — вспоминает Эрика Шмидт уже в 1952 году, — что это никого из нас — в пасторском доме — не сердило. Он был вольнодумцем, который считал, что „рай“ расположен, „собственно говоря“, в

Швеции. Мой брат Герман, чья комнатка в пасторском доме находилась рядом со столярной мастерской, беседовал с ним часами. Старик строгал и полировал, а между ними шли непрерывные дискуссии, главным образом касающиеся естествознания. Здесь Герман мог свободнее выражать свое безграничное восхищение трудами Дарвина и Геккеля, нежели за семейным столом. Мирозрение Германа значительно отличалось от взглядов нашего отца — это было единственным поводом для ссор в нашем доме. В столярной же мастерской Герман мог выражать любые мысли».

Судьба распорядилась так, что сначала Иоганзены спасли Хельгренов от верной смерти, а потом Августа,

Луиза Карблом в Дерпте. 1870-е

дочь столяра, принесла свою судьбу в жертву семье Шмидтов—Иоганzenов: собственной семье она так и не завела.

Отношения двух родственников-вдовцов, пастора Эдуарда и Луизы Карлблом, были на редкость гармоничными. «Если требовалось принимать решение, они всегда были одного мнения,—вспоминает дочь пастора Эрика.—В доме царила добрая, радостная атмосфера. Между ними исключались разлады и недовольства. При этом каждый из них в воспоминаниях то и дело возвращался к ушедшему счастью. Когда я сегодня думаю о тех временах, мне кажется это

Тесть Эдуарда Иоганzenа Эдуард Генрих фон Буи со своей второй женой Матильдой (урожд. Мехмерсхаузен)

чудом. Под присмотром тети Луизы мы шли по тому пути, который избрала бы нам мама. Наша жизнь протекала прекрасно и мирно. Лютеранская вера принесла глубокое чувство защищенности моему отцу и тете Луизе и связало их самым трогательным образом».

Луиза, сама детей не имевшая, великолепно справлялась с ролью хозяйки и вела дом в духе покойной жены—у прислуги даже было чувство, что с приходом новой госпожи в этом гостеприимном доме ничего не изменилось!

Уроженка Дерпта с трудом понимала русский язык, что, впрочем, в Прибалтике не было редкостью. В кругу семьи и друзей говорили на немецком или французском языках. Дочери пастора помогали Луизе общаться с прислугой и торговцами.

«Нам было хорошо с ней,— запишет в своем блокноте Эрика в 1952 году.— Тетя Луиза на всю жизнь осталась для нас образцом для подражания».

Будни и праздники семьи Иоганzenов

В провинциальной Твери Луиза старалась поддерживать связь со старыми друзьями. Гостей из Дерпта всегда принимали особенно радушно. Но если некоторые гости надолго задерживались у Иоганzenов— Карлблом, положение становилось сложным. Хозяйка дома должна была заботиться о том, чтобы прокормить не только свою семью, но и большое число гостей в течение нескольких недель, а иногда и целого лета. Доход пастора в то время был не очень большим и зависел от

количества членов прихода. Поэтому Эдуард Иоганzen, наряду со своими церковными обязанностями, занимался преподавательской деятельностью: давал уроки немецкого языка и религии в тверской женской гимназии.

Спустя много лет Эрика удивлялась, вспоминая подробности повседневной жизни в Твери: «Сейчас меня поражает, как в то время, о котором я вспоминаю, каждая из двух прислуживающих нам в доме девиц ежедневно могла получать кусок мяса весом от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ фунта, а кухарка варить аппетитные супы. Мясо стоило тогда 13 копеек фунт. Оно не было высокосортным и потому называлось „народным мясом,“ но, как мне казалось, было очень

*Старший сын Герман Иоганzen,
студент дерптского университета*

хорошим. На второе подавалась густая пшеничная или гречневая каша с молоком, или, во время постов, с подсолнечным маслом. Мы просили эту вкусную кашу, если она долго не появлялась на столе».

Дочери пастора всегда радовались, когда прибывали гости из Дерпта. Приезжали друзья из семейств фон Эттинген, фон Энгельгардт, фон Шренк, фон Игельстрём, а также фон Иксюль и вдова генерала госпожа фон Депп — все они останавливались в пасторском доме. Девочки с удовольствием беседовали с гостями, а те всегда были с ними очень милы. Эрика Шмидт пишет: «Мы замечали, что гости из Прибалтики очень удивлялись тому, какими приятными людьми были русские. Любезными и достойными любви. И если бы российское правительство с большей мудростью и любовью, и в допустимых, разумеется, границах проводило политику русификации этих провинций, то рано или поздно балтийцы поддались бы этому процессу. Но для этого ни мудрости, ни любви не хватало».

По вечерам в доме пастора читали *St. Petersburger Zeitung* — «Санкт-Петербургскую газету», и журнал *Daheim* («Дома»), который выписывали из Германии. Совместные семейные чтения давно забытых сегодня, но популярных в то время книг проходили не только длинными зимними вечерами. Прочитаны были Чарльз Диккенс, Вальтер Скотт, Фридрих де ла Мотт Фуке, а также Густав Фрейтаг и, разумеется, Клейст и Шиллер. При этом дети ярко и с большим

Адольф Хельгрен,
столяр из Швеции. 1891

Луиза Карлблом в доме пастора. 1890-е

чувством разыгрывали драмы и баллады. Девочкам была знакома и книжка Йоханны Спири «Хайди», вышедшая в свет в 1879 году. В наше время эта забытая прежде книга вновь обретает популярность по всему миру. Вероятно, дочки пастора были одними из первых читательниц швейцарской писательницы, по крайней мере, в России. В распоряжении пасторского дома была богатая библиотека на немецком языке. Она располагалась в коридоре, в большом шкафу перед рабочим кабинетом пастора, и тот очень радовался, когда кто-нибудь ею пользовался.

Эрика Шмидт отмечает, что она, вместе со своими сестрами, была ответственна за выдачу книг читателям церковного

прихода. Генеральная консистория Евангелической церкви России, располагавшаяся в Санкт-Петербурге, обеспечивала лютеранские общины новинками немецких издательств, преимущественно из Берлина, Франкфурта-на-Майне и Лейпцига. Например, таким путем попали в Тверь опубликованные в 1886 году воспоминания художника Людвиг Рихтера, умершего двумя годами раньше. Луиза Карлблом получила эту книгу в подарок на Рождество 1886 года; теперь она хранится в моем книжном шкафу в Берлине. В совместных чтениях с удовольствием принимал участие и переехавший из Санкт-Петербурга инженер Карл Фридрих Шмидт. Он любил Фрица Рейтера, писателя с севера Германии,— быть может потому, что в книгах Рейтера шла речь о его родной Померании.

Эрика Иоганзен училась в тверской женской гимназии и успешно ее закончила. Именно там впервые проявился ее интерес к русской литературе. Первое соприкосновение с русскими книгами произо-

шло благодаря французскому писателю Жюль Верну. В школьной библиотеке Эрика обнаружила «Таинственный остров» в переводе на русский язык и другие произведения того же автора. Она была ими очарована и сразу взялась за книги на русском языке, среди которых были и издания русских писателей. Так Жюль Верн оказался «виноватым» в том, что А. К. Толстой, Пушкин, Иван Никитин и другие русские писатели и поэты сопровождали Эрику на протяжении всей жизни. Она описывает эту ситуацию таким образом:

«Как многоводная река питала меня эта литература на протяжении последующих лет. Пушкин, Никитин, Некрасов (с его состраданием народу), Лермонтов (его язык — музыка) и еще многие другие, каждый со своим видением мира. Именно от Пушкина, которого мы много изучали в школе, я восприняла следующее: эта земля — твоя родина! Не Россия как государство, как отчизна — нет. Только сама земля, природа, народ. Эта мысль озарила меня впервые благодаря ему.

Когда я в 17 лет хотела взяться за „Анну Каренину“ Толстого, тетя Луиза воспротивилась. В странах Балтики к этому роману относились с подозрением. Девочкам до двадцатилетнего возраста читать его не позволялось.

Но с тетей Луизой можно было договориться, она всегда нас выслушивала. На возражение, что нечто подобное мы уже читали, что мы

Пасторские дети: Эрика, Алина, Лили и Вальтер

уже знаем „Фауста“, она отвечала: „Да, Гёте держит в хрустальной чаше яд, но тот из нее не брызжет!“ Дорогая тетя Луиза! Потом она все-таки поняла, что великий писатель и убежденный христианин Толстой держал в крепких надежных руках тот яд, который он хотел обнаружить перед читателем; и что он, как никто другой, умел показать без утайки всю пагубность и безнравственность происходящего».

И Эрика добавляет: «Мы, подростки, уже тогда увидели, что при переводе на другой язык произведение теряет ценность не только в художественном, но и в нравственном, этическом смысле. Во всяком случае, это относилось к текстам на русском языке. Тетя Луиза как раз читала „Евгения Онегина“ в переводе на французский. Эта поэма Пушкина, выдержанная в духе времени, без сомнения, является произведением искусства и при всей своей простоте с неподражаемой яркостью передает образ страны и душу народа, а в переводе она стала чем-то совершенно банальным и неполноценным. Так узнавали мы внутреннюю связь между языком и душой народа, и чем глубже мы узнавали язык, тем больше начинали любить его».

Спор

Столкновения среди собиравшихся в пасторском доме молодых людей редко, но все же случались. Отношение дочерей к русской литературе — произведениям Толстого, Тургенева, Пушкина и Лермонтова — отличалось от оценок гостей из Балтики, не желавших ставить никого в один ряд с Гёте и Шиллером. Разгорались горячие диспуты как о литературе, так и о жизни вообще. Большую роль при встречах играла музыка — все присутствовавшие музицировали на фортепиано. Среди частых посетителей дома был молодой Эмиль Маттизен, будущий композитор и философ.

Шли 1890-е годы. В столичном Санкт-Петербурге и других городах, в том числе и прибалтийских, люди чувствовали давление политики русификации, навязываемой правительственными кругами. Молодежь горячо спорила о насущных проблемах. Одну из таких дискуссий Эрика описала в своих воспоминаниях.

Однажды в разговоре молодой лейтенант фон Депп, служивший, как и его отец, в русской армии в Дерпте, темпераментно и остро отозвался о прусских офицерах и неблагоприятно заявил, что, мол, если

понадобится, то он с друзьями готов быстро разделаться с ними. Пастор, услышав такое заявление, содрогнулся. Эта тема не давала ему покоя всю жизнь, это вечное неразрешимое состояние душевного разлада—быть немцем, воспитанным в лютеранской вере, и одновременно российским подданным.

А сколько новобранцев своей же, лютеранской, веры—молодых немцев, эстонцев, латышей, финнов—он ежегодно приводил к присяге! Перед распятием в его руках они клялись в верности, выражали готовность умереть в борьбе против любого врага за Бога, Царя и Отечество. Но война против Германии—это было чем-то совершенно невозможным для лютеранского пастора! Как должен был он реагировать на высказывание молодого человека, тем более произнесенное в пасторском доме? Лейтенант был жизнерадостен и уверен в победе, вел себя добродушно и без тени внутреннего сомнения. Следовало ли пастору возражать темпераментному офицеру? Способен ли был убежденный лютеранин с богатым жизненным опытом за плечами объяснить молодому человеку сложность всех внутренних противоречий, которые на протяжении многих и многих лет раздирали его душу на части? Дочь Эрика наблюдала за поведением отца. Он был рассержен, слова молодого фон Демпа расстроили его. Пастор не хотел говорить о возможной войне с Германией, но более всего не желал обращать внимание на слова, брошенные с такой легкостью. «Надо надеяться, что нам и вам удастся избежать повода воевать против Германии»,—завершил

Лили и Эрика Иогансен. 1891

он разговор на эту тему, оставив свои мысли при себе. Мог ли он рассчитывать, что молодые люди поймут его?

В воспоминаниях Эрика описывала продолжение разговора. Сестра Лили не хотела смириться с таким окончанием спора: «Но, папа, если тебе все время не дает покоя вопрос о жизни в России, то почему ты до сих пор не перебрался в Германию?» Пастор вздохнул: «Если бы это было возможно!..» И он рассказал о своем детстве в эстонской деревне. Его отец был управляющим имения, мать рано умерла, он — самый младший из двенадцати детей; тем не менее, вторая жена отца дала ему возможность выучиться. Затем он стал рассказывать о Сибири. Генеральша фон Депп прервала его: «Но, господин пастор, вы говорите о Сибири, которая, как известно, слишком далека и от царя, и от Бога, вы описываете этот страшный край ссыльных и каторжан как рай: вызревающие арбузы, яркая свободная жизнь... Звучит это так, будто мы здесь, между Москвой и Санкт-Петербургом, живем хуже, чем вы там». «Да,— ответил Иогансен,— так свободно, как там, нигде невозможно заниматься хозяйством, распорядиться им по своему усмотрению — если, конечно, ты в хороших отношениях с губернатором!» И Эрика заметила, как по лицу отца пробежала тень воспоминания. Но он не захотел выдавать сокровенное и к дальнейшему разговору интерес потерял. «Главное — твердо следовать лютеранской вере, неважно, здесь или в Германии», — такими словами пастор закончил спор.

В 1906 году, после 36 лет своей пасторской деятельности, Эдуард Иогансен завершит службу в Твери и переберется в Павловск, в дом своего зятя Карла Шмидта и дочери Эрики. Однако Иогансен не станет запира́ть себя в четырех стенах, решив во что бы то ни стало осуществить мечту своей жизни. 22 июля 1907 года вместе с Августой Хельгрэн он направится в Германию. «Наконец-то на 76-м году жизни исполнилась моя заветная мечта, наполнявшая мое сердце с ранней юности: я могу увидеть свою духовную родину Германию, колыбель нового времени, страну Лютера!» Это было путешествие по следам Мартина Лютера. За четыре недели они посетили 18 городов. «10 августа мы снова были в Павловске. Я благодарю Господа за исполнение моей юношеской мечты и за утоление моей страстной тоски по родине».

На следующий год Эдуард Иогансен съездил в Швецию на могилу «своего короля» Густава Адольфа и, наконец, в Эстонию, на

могилу родителей. Скончался пастор Иоганзен в 1912 году и был похоронен на кладбище Павловска в семейном склепе Шмидтов. «В его честь я учредил три стипендии для неимущих учеников нашей церковно-приходской школы»,— записал в своих воспоминаниях Карл Шмидт.

Завершение Академии художеств

Осенью 1891 года, пока родители переезжали в Тверь, студент Карл усердно готовился к заключительным испытаниям в Академии художеств. Он сдал последние экзамены по теоретическим дисциплинам и получил юридическое право на строительство. В следующие после практики у Померанцева строительные сезоны Шмидт работал у архитектора Фридриха (Павла Васильевича) Алиша, исполняя чертежи для постройки православной церкви на территории Крейгольмской мануфактуры близ Нарвы. После сдачи заключительных экзаменов Карл записался на участие в конкурсе на малую золотую медаль. Ему удалось выполнить все предварительные условия и в январе 1892 года получить приглашение на участие в конкурсе. С этого момента события стали разворачиваться стремительным образом. Вот как описывает их сам Карл Шмидт:

«Мы собрались в 9 часов утра, вооружившись не только необходимыми инструментами для черчения и бумагой, но и подушками с одеялами, ибо должны были провести в Академии художеств целую ночь. Руководивший конкурсом профессор продиктовал нам задание, после чего нас развели по отдельным студиям, где мы имели возможность плодотворно работать. Задание было следующим: разработать макет здания концертного зала с прилегающей к нему музыкальной школой при условии наличия свободной проектируемой площади. Свои эскизы мы должны были предоставить к вечеру следующего дня. После оценки наших работ коллегией профессоров, насколько я помню, из общего числа участников были отобраны лучшие 15 человек. Последующие чертежи должны были быть подготовлены в течение лета и предъявлены профессору, руководившему работами. Осенью начиналась их непосредственная разработка. Проекты требовалось завершить к 4-му ноября — дню ежегодного собрания Академии художеств и приуроченной к этому событию выставке. В течение всего периода проведения конкурса каждый участник ежемесячно получал 25 рублей. В последние месяцы каждому помогали молодые студенты.

Они, к примеру, безвозмездно или за низкую плату брали на себя чисто механическую работу при изготовлении больших чертежей длиной от трех до четырех метров. Необходимые рамы мы получали в самой Академии, а наклеиванием чертежной бумаги на картон занимался служебный персонал Академии. В завершающие дни работа кипела не только днем, но и ночью, вплоть до самого последнего момента, ибо всегда оставалось что-то, что можно было изменить или улучшить. По очереди кто-нибудь из нас ложился спать на стоявшую в студии кушетку, а через три часа его будили и при помощи крепкого кофе приводили в бодрое состояние. В нашем распоряжении была также и кухня, располагавшаяся поблизости. Незадолго до сдачи проектов приглашали студентов по классу живописи. Они заполняли чертежи фасадов и профилей фигурами людей, лошадьми и каретами, необходимыми для того, чтобы показать масштаб здания. После этого чертежи чистили, служащие Академии оклеивали их края обоей бумагой нейтрального цвета и выносили из ателье. Вывешивали их в выставочных залах Академии». В путеводителе Бедекера 1912 года «Россия—Санкт-Петербург» гостям северной столицы рекомендовалось посетить эти выставочные залы.

Далее Карл Шмидт пишет: «Это было одним из торжественных моментов, приводивших в возбуждение даже ту часть студенческого братства, которая не принимала участия в конкурсе. Участники подробно рассматривали проекты конкурентов, пытаясь составить собственное мнение о том, насколько высоко при подведении итогов могут быть оценены их собственные работы. Я оказался в числе семи счастливицов, получивших малую золотую медаль, благодаря чему был допущен к участию в конкурсе на большую золотую медаль».

Окончание курса в Академии художеств было самым большим ежегодным событием и торжественно отмечалось в купольном зале. Само мероприятие явно впечатлило Карла Шмидта: «Обычно с одной стороны полукругом сидели профессора, в середине — президент Академии, великий князь Владимир Александрович, который в тот год пребывал в Париже и потому отсутствовал, рядом с ним вице-президент академии граф И. И. Толстой и ректор. С другой стороны располагались выпускники, впереди сидели обладатели малых золотых медалей. Вверху на хорах играл военный оркестр. При появлении президента и профессоров звучал марш, а позже при вручении малых золотых медалей исполнялся туш для каждого награжденного. Выпускникам,

не удостоенным медалей, присваивалось звание „классный художник I или II степени“, которое не только давало право на производство строительных работ, но и учитывалось на протяжении служебной карьеры при получении очередного чина по табели о рангах. Но участвовать в конкурсе на большую золотую медаль они не могли».

Процедура повторилась в следующем 1893 году, но на этот раз речь шла о получении большой золотой медали, на которую мог претендовать лишь один участник конкурса в каждом из трех классов — живописи, скульптуры и архитектуры. К этой награде стремились особо, поскольку вместе с ней давалось право на учебу за границей с ежегодной стипендией в 1000 рублей золотом. После двухгодичного пребывания за границей стипендиат должен был предоставить в Академию художеств отчет, и если таковой оценивался удовлетворительно, то срок заграничной учебной командировки продлевался еще на два года. Но поскольку отчеты почти всегда были превосходными, продление командировок считалось само собой разумеющимся. Все остальные участники конкурса, которые не смогли добиться большой золотой медали, получали звание «классный художник I степени» и IX ступень служебной карьеры — чин титулярного советника.

Все семь победителей 1892 года были допущены к участию в конкурсе 1893 года. На этот раз задание состояло в том, чтобы спроектировать для большого города люкс-отель с многочисленными просторными помещениями, предназначенными для проведения празднеств и совещаний. Требования были высоки, но и цель — желанна. Предстояло максимально использовать время до ноября. Карл уехал в Глазово — там царил атмосфера спокойствия, столь необходимая для серьезной подготовки к конкурсу. Как мы помним, летом в этом небольшом местечке проживали тетя Мария и многочисленные знакомые семьи. Днем Карл углубленно работал над эскизами для конкурса, а вечерами посещал концерты в Павловском вокзале.

«Хотя концерты проводились там ежедневно, мы бывали на них преимущественно по вторникам и пятницам, поскольку именно в эти дни исполнялись симфонии и выступали солисты, по вторникам всегда русские, по пятницам — иностранные. Регулярное посещение летних концертов в течение многих лет способствовало развитию у меня довольно обширных знаний в области музыкальной литературы».

Наконец в ноябре 1893 года проекты кандидатов на большую золотую медаль были вывешены в выставочных залах Академии художеств.

Претенденты на медаль жили в напряженном ожидании. «Коллегия профессоров приняла решение только вечером. На следующее утро около шести часов, когда мы все еще спали, в дверь позвонили. Вошел мой дядя профессор Карл Вениг и сообщил, что мой проект отмечен большой золотой медалью. Я был поражен, ибо на это совсем не рассчитывал. Я немедленно отправился на телеграф, чтобы сообщить моим родителям радостную и неожиданную новость. Последовательность дальнейших событий точно не зафиксировалась в моей памяти, я только могу сказать, что все развивалось совсем не так, как ожидалось».

Описанные выше условия для получения главной награды Академии художеств были неизменны для нескольких поколений выпускников. Но времена изменились. Последствия политики русификации распространились не только на прибалтийские города, но и на всю Россию, в том числе и на столичные учреждения. Не явилась исключением и Академия художеств Санкт-Петербурга. Карл Шмидт описал весь ход событий, коснувшийся лично его. Я сообщу лишь основные факты.

Именно в это время вице-президентом Академии художеств был граф И. И. Толстой. С целью «модернизации» учебного процесса он планировал проведение в Академии реформ по своему собственному усмотрению. До сих пор учебный план во всех трех отделениях Академии опирался на парижский образец, стержнем которого считалось изучение классических основ искусства. Теперь же все должно было пойти по-другому. Каждому профессору было предложено высказать свои соображения по модернизации обучения. Естественно, что большинство преподавательского состава считало, что основой и началом обучения должны оставаться образцы классического искусства. Разгорелся конфликт, закончившийся увольнением всех профессоров и аннулированием их решений, включая и постановления о присуждении премий. Классическое искусство было изъято из курса: студенты сразу же начинали с композиций по собственным инспирациям.

Можно себе представить моральное состояние профессоров: лишь немногие подчинились приказу вице-президента Академии графа Толстого. В этой ситуации пострадали и награжденные в 1893 году, о чем разочарованно сообщает Карл Шмидт. Рушились его надежды на стипендию для заграничной поездки — в тот год никто не получил золотой медали. Неслыханный случай за всю долгую историю существования Академии художеств!

Тем не менее семья Шмидтов нашла выход. Отец предложил сыну деньги, которые он в течение многих лет копил для добровольной годичной службы сына в Германии. Остальную сумму добавила тетя Мария Адлер. Так, благодаря родным, молодой человек получил возможность отправиться 4 января 1894 года в путешествие и изучать сокровища классического искусства, хоть и не четыре года, а только один. Основательная подготовка Карла к поездке позволила ему за короткий срок посетить множество мест.

В поезде из Санкт-Петербурга в Варшаву Карл встретил профессора Леонтия Бенуа, у которого слушал лекции. Бенуа рассказал Шмидту, что возводит в Варшаве православный собор Александра Невского и поинтересовался, нет ли у Карла желания эту постройку осмотреть, заметив при этом, что Карл мог бы у него же и остановиться. Молодой архитектор с удовольствием принял предложение коллеги. Но в своих воспоминаниях он, к сожалению, не оставил никаких комментариев ни о посещении семьи Бенуа, ни о возводимшемся соборе. Через несколько дней Карл отправился в Италию, которую давно и страстно желал посетить. Он прибыл в Рим, где встретил немало друзей по учебе. Большинство преподавателей проводило многие годы в Риме в качестве стипендиатов Академии художеств. Некоторые выдающиеся произведения искусства возникали именно здесь.

Дядя Карла Шмидта, Карл Вениг, в 1854 году был удостоен большой золотой медали и связанной с ее получением поездки в Рим. Шесть лет прожил он в «Мекке любителей искусства и художников». Там Вениг создал свои значительнейшие произведения, в том числе большое (5×3 м) полотно «Прощание Товита», которым Карл Шмидт имел возможность любоваться в московском музее. Копию картины «Папа Иннокентий X» Вениг подарил своему племяннику Карлу, когда тот уже получил общественное признание как архитектор; сегодня эта картина находится у Гаральда Шмидта, одного из потомков Карла.

В ежедневных письмах родителям Карл подробно описывал свои впечатления. К сожалению, эти письма не сохранились — при отъезде в Германию семья не смогла взять их с собой. В своих же воспоминаниях Карл останавливается только на самых важных событиях:

«В Вене я задержался почти на две недели, осмотрел все достопримечательности, изучил сокровищницы музеев и отправился дальше

через Земмеринг, Грац и Люблянну в Триест, а из Триеста пароходом в Венецию. Так я оказался в стране своей мечты и своих устремлений. Из Венеции я поехал через Феррару в Равенну, а оттуда через Болонью во Флоренцию, где имел счастье наслаждаться благоухающей итальянской весной и великолепным цветением фруктовых деревьев.

После длительного пребывания во Флоренции мой дальнейший путь в Рим пролегал через Перуджу, Фолиньо и Сполето, при этом часть расстояния я преодолевал пешком. Здесь я нашел пристанище в частной квартире очень любезной итальянской семьи. В Венеции я неожиданно встретился с товарищем по учебе Максом Китнером, а в Риме в первые же дни столкнулся с коллегами Густавом фон Голи и стипендиатом Академии Германом Гриммом, сыном предыдущего ректора. Благодаря им я попал в круг русских художников, скульпторов и архитекторов, которые ежедневно собирались в знаменитом кафе „Греко“ на виа Кондотти. Сюда же в 1850-х годах хаживал и мой дядя профессор Карл Вениг. Мировые знаменитости всех национальностей были постоянными посетителями этого кафе, о чем свидетельствуют картины на его стенах. У русских, большинство которых проживало в Риме уже долгие годы, так же как, например, у итальянцев, французов и немцев, в этом кафе был свой столик.

Поскольку я хотел максимально полезно использовать время, я через несколько дней покинул это общество и предпринял вылазки в Тиволи и совершал пешие прогулки в окрестные горы. Несмотря на то, что все предобеденное время я тратил на изучение искусства, мне удалось посетить и ряд местечек в окрестностях Рима.

Через две недели я отправился в Неаполь. Я осмотрел руины городов Геркуланум и Помпеи, по серпантинной дорожке поднялся на Везувий, а обратно спустился по склону напрямик — по лавинной осыпи; в результате мои сапоги полностью развалились. После Неаполя я осмотрел хорошо сохранившиеся руины храмов Пестума и через Салерно пешком по великолепной дороге вдоль побережья добрался до Амальфи. От Амальфи на паруснике я достиг Капри, а оттуда через Сорренто снова вернулся в Неаполь. Если бы я захотел описать все, что впитал в себя здесь от красоты и искусства, то получилась бы целая книга.

От Неаполя я поплыл на пароходе в Палермо. В пути сильно штормило. Почти все пассажиры страдали морской болезнью, а я впервые смог убедиться в том, что превосходно выдерживаю качку. Проведя

в Сицилии более месяца — с перерывом на предпринятую поездку в Африку, — я с большим трудом распростился с прекрасным уголком Италии. Из красивейшего Палермо пешком пересек Сицилию в южном направлении, осмотрел руины храмов Джирдженти (древний Агригент, ныне Агридженто) и достиг наконец на южном берегу руин Селинунта, пострадавшего в старые времена от землетрясения. На развалинах познакомился с Беллином, представителем фирмы, производящей фотоаппараты в Эрфурте. Мы договорились о совместной поездке в Тунис: по железной дороге до Марсалы, а оттуда на пароходе через остров Пантеллерия до Туниса — вместе всего несколько дней. Мы выбрались пешком в старинный Карфаген, где в маленьком музее хранились остатки былой роскоши старого города. На поезде добрались вглубь страны до городка Хаммам-Лиф и дальше — до голых коричнево-красных гор и границы с пустыней. Когда мы вернулись назад, в кафе к нам подсади два итальянца — капитан и морской офицер итальянского грузового парохода. Их судно должно было на сле-

дующее утро выйти в море и пройти вдоль всего побережья до Триполи. Они предложили присоединиться к ним. Так утром мы оказались на борту. Морское путешествие продолжалось около двух недель с причаливанием в Монастире, Сфаксе, Габесе и на острове Джерба. В каждом месте пароход останавливался на пару

*Карл Вениг. Копия
картины «Папа
Иннокентий X»
Диего Веласкеса.
1850-е*

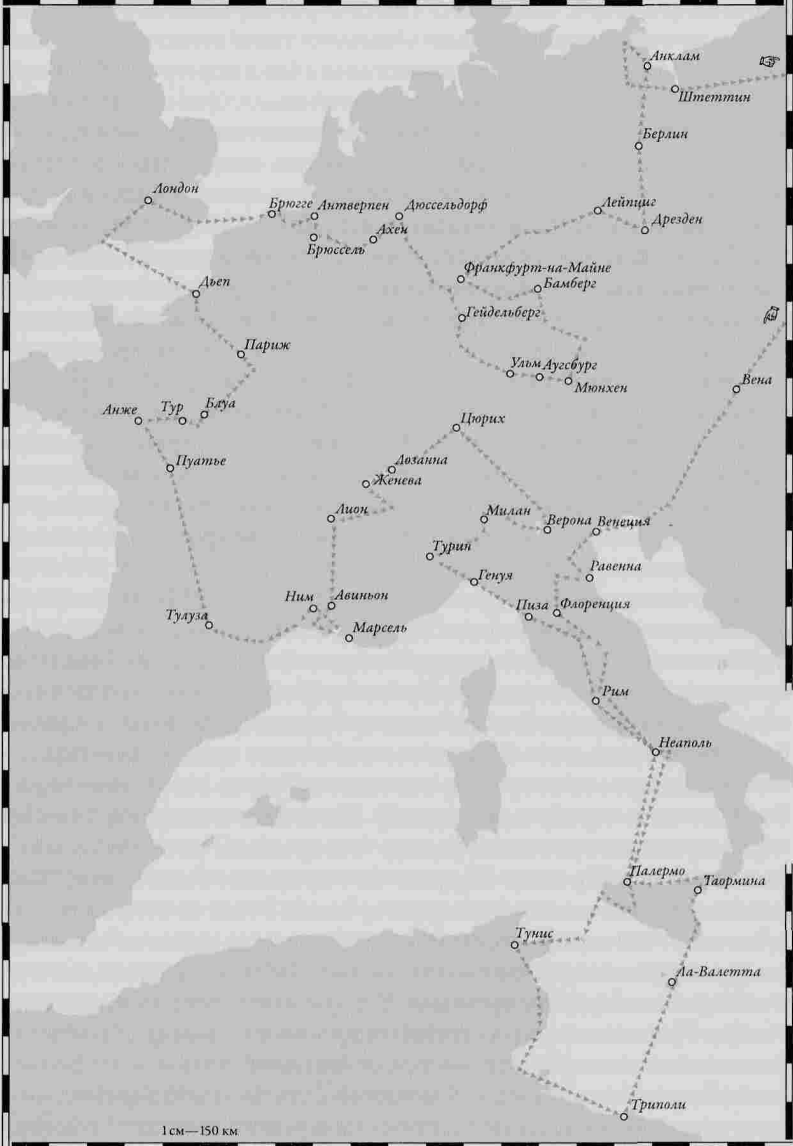
дней, чтобы разгрузить одни товары и загрузить другие. Из-за мелководья капитан вынужден был ставить судно на якорь далеко от гавани. Людей и товары переправляли на берег на лодках и плотках. Мы использовали это время для знакомства со страной и людьми. На пути от Триполи, который в то время был еще турецким городом, до Мальты мы попали в шторм. На сей раз судно было без груза, в качестве балласта в трюме лежали лишь стальные балки, которые из-за сильной качки с грохотом перекатывались. Несмотря на то, что высокие волны хлестали через борт, я оставался наверху на капитанском мостике до самого заката солнца. Я промок до нитки, но было тепло, и это меня не тяготило. Неприятные последствия обнаружились потом, когда я заметил, что мои брюки стали неестественно короткими, а пиджак оказался настолько пропитанным солью, что любое прикосновение к нему оставляло белое пятно.

На Мальте мы осмотрели столицу Ла-Валлетта и ее окрестности: углубляться дальше запрещалось. Когда мы немного удалились от города, то натолкнулись на скрытые бастионы и батареи, где английский солдат (их называли „Томми“) в короткой шотландской юбке с ружьем наперевес преградил нам дальнейший путь. Скалистый остров не отличается красотами природы, зато в самом городе можно было увидеть многочисленные следы пережитых им беспокойных времен.

Дальше я отправился на английском пароходе в Сиракузы, а оттуда поэтапно, через Катанию и Таормину, в Мессину. Таормина произвела на меня такое неопишное впечатление, что уже тогда я решил провести будущее свадебное путешествие именно здесь. Из Мессины поплыл на пароходе в Чефалу — небольшое местечко с многочисленными следами норманнской эпохи. Прибыл туда в полночь. Город и пляж были погружены во мрак. Но, благодаря плану в путеводителе Бедекера, сумел сориентироваться и, несмотря на полную темноту, быстро разыскал отель.

Посетив кафедральный собор и осмотрев другие памятники норманнского периода, я вернулся поездом в Палермо. На этом закончилась сицилийская глава моего путешествия, одна из прекраснейших и доставивших мне истинное наслаждение. Воспоминания о Сицилии сопровождали меня на протяжении всей моей последующей жизни.

Прибыв пароходом в Неаполь, я тут же отправился на поезде в Рим, где меня ждала моя уютная комната. Прямо в гавани Неаполя

произошла интересная встреча. Пассажиров парохода доставляли на берег с помощью гребных лодок. Оказались там и русские люди — мать с дочерью. Из-за того что очередная лодка была перегружена, дочери пришлось добираться до берега на другой лодке. Она отчаянно звала мать — у девушки не было при себе денег и поэтому ей нечем было заплатить боцману при посадке. Она удивилась, когда я заговорил с ней по-русски и предложил дать ей необходимую сумму. Оказалось, мать с дочерью прибыли сюда именно из Твери!

В Риме в течение нескольких недель я продолжал исследования, умышленно избегая общения с коллегами и единомышленниками, чтобы не растрачивать ни время, ни деньги. Для разнообразия снова побывал в Тиволи, на озере Неми, и совершал пешие прогулки по близлежащим горам. Возвращаясь из Италии, я избрал маршрут через Орвието, Кортону, Пизу, Геную, Турин, Павию, Милан, Комо, Бергамо, Брешу, Верону и через озеро Гарда в Риву. Во всех этих городах я задерживался ровно настолько, насколько мне это было необходимо для знакомства с архитектурой и сокровищами искусства, кратких записей и зарисовок. С особым интересом и пристрастием я повсюду изучал кирпичную архитектуру.

Уж не помню, каким именно путем я прибыл из Италии в Швейцарию, только знаю, что был в Цюрихе, а оттуда приехал через Берн на Женевское озеро, в Лозанну. Поездка по Швейцарии была больше удовольствием, нежели учебой, но эта смена впечатлений после обильного наслаждения итальянским искусством произвела на меня благотворное влияние. Писать что-либо еще о красоте Швейцарии бессмысленно; это все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром. От Женевы я перебрался в долину Шамони к подножию Монблана, поднялся на ледник Ла-Флежер и отправился поездом дальше в Лион и на юг в Прованс. Вдруг ко мне присоединился незнакомый господин и начал допытывать меня вопросами. Когда он откровенно надавил мне своей назойливостью, то представился „агентом полиции“ и попросил меня предъявить документы. Оказывается, незадолго до моего приезда был убит президент С. Карно, а потому повсюду искали убийцу. После того как полицейский просмотрел мои документы, он извинился и исчез. Я посетил города Авиньон, Арль и на несколько дней задержался в Марселе. Я остановился в частной квартире, но и здесь утром следующего дня появились сотрудник уголовной полиции

с двумя полицейскими и потребовали предъявить мой заграничный паспорт. Они также быстро убедились в моей непричастности к убийству. Из Марсея я проехал дальше через Ним, Монпелье, Нарбонну и Каркассон в Тулузу. Собственно, именно здесь началось для меня изучение французского ренессанса. Дальнейший путь не отложился в моей памяти, помню лишь, что я добрался до Анже через Пуатье. В этой части Франции я изучал красивейшие старинные постройки городов Тур и Блуа. Находясь там, я преодолел пешком путь до замков Шамбор и Шенонсо. Хозяин отеля рассказал мне о событиях франко-прусской войны 1870—1871 гг., которые разыгрались вблизи Шамбора и во время которых „пруссаки“ тщательно старались избежать повреждения замка.

Из Орлеана я уехал в Париж, где пробыл целый месяц. Я снял комнату в мансарде седьмого этажа на бульваре Сен-Мишель, напротив парка Люксембургского дворца. Отсюда было видно, как много всего мне нужно посетить и узнать, и я понял, что мое пребывание в Париже потребует времени. Красота города и многочисленные классические строения, известные мне во всех тонкостях и подробностях со времен изучения истории искусства, вживую произвели на меня огромное впечатление. После того как я основательно ознакомился с архитектурой города и „пропустил через себя“ его внешний облик, началось изучение и постижение красот его внутреннего убранства и неизмеримых музейных сокровищ. Кроме того, я неоднократно посещал дворцы парижских пригородов — Версаль, Фонтенбло и Сен-Жермен.

Следующей целью моего путешествия был Лондон. Через Руан я добрался до Дьепа, где впервые увидел смешанный пляж — совместно купающихся мужчин и женщин. Сегодня, как известно, такими пляжами не удивишь. От Дьепа мой путь пролегал через канал на Саутгемптон и оттуда без задержки в Лондон. Во время этого путешествия мне было немного не по себе, ибо я не понимал ни слова по-английски. При мне был адрес немецкой гостиницы, который я написал на бумажке и протянул кучеру кеба. Он, по всей видимости, принял меня за глухонемого. Добравшись до отеля, я попросил портье, говорящего по-немецки, заплатить извозчику и почувствовал на некоторое время облегчение. Следующим моим шагом было получение пачки писем, ожидавшей меня на почте. Будучи еще в Париже, я попросил Эрнста Шуберта, отвечавшего за мои финансовые дела, перевести мне деньги

в Лондон. Но, к сожалению, это письмо пропало. Так в чужом городе я оказался практически без копейки. Через два дня ожиданий я телеграфировал: „Лондон без денег.“ Вскоре деньги прибыли.

В Лондоне я провел почти три недели. Молчаливо-немое пребывание показалось мне поистине странным, поэтому я обрадовался, обнаружив в одном ресторане кельнера-итальянца, с которым я смог к обоюдной радости немного поговорить по-итальянски. Завтракал я всегда в гостинице, так как цена номера обязательно включала эту услугу. Каждый день подавали геркулесовую кашу, жареную камбалу, яичницу с беконом или бифштекс, кофе или чай с хлебом, масло, сыр или джем.

Кроме запланированных посещений музеев в центре Лондона и в Кенсингтон-энд-Челси, я осмотрел еще Гринвич и Виндзор, куда добрался на пароходе вверх по течению Темзы. Я заказал себе пошив нового костюма, а в магазине „Виндзор и Ньютон“ купил коробку акварельных красок и бачок для воды, чтобы их смешивать. Между прочим, этим бачком я пользуюсь до сих пор. На этом я завершил свое пребывание в Англии. Через Дувр прибыл в Бельгию — в Остенде.

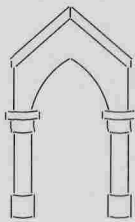
Сначала я осмотрел старый уютный городок Брюгге, а затем отправился через Гент в Антверпен. Именно в это время там открывалась большая выставка искусств и ремесел. Из Антверпена я поехал в Брюссель, а после короткого пребывания в городах Лёвен и Люттих прибыл в Ахен и очутился в Германии — на родине моих предков. Из Ахена я направился в Дюссельдорф, чтобы оттуда на пароходе совершить путешествие по Рейну. Через Бонн, Кобленц, Бинген, Висбаден, Майнц, Вормс и Мангейм я прибыл в Гейдельберг. Время пребывания на каждой из остановок было распланировано так, чтобы можно было подробно ознакомиться с имеющимися там памятниками архитектуры и искусства. В красивейшем Гейдельберге я не смог удержаться от соблазна и прогулялся по берегу Неккара почти до его устья. Из Гейдельберга я отправился через Карлсруэ в Штутгарт. От Штутгарта мой путь пролегал в Мюнхен через города Ульм и Аугсбург. Здесь я задержался на целую неделю в связи с подробным осмотром местных достопримечательностей. Кроме того, я разыскал своего старого приятеля Мецлера, а он в свою очередь познакомил меня с художником Ф. Морицом. Втроем мы провели немало веселых и приятных часов.

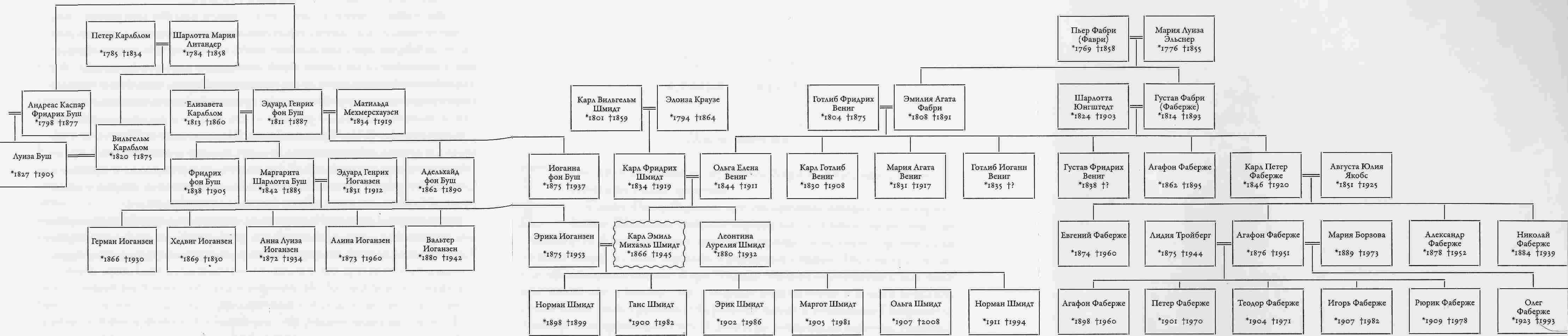
Далее через Регенсбург, Нюрнберг, Бамберг, Вюрцбург я прибыл во Франкфурт-на-Майне. Во всех городах я в первую очередь осматривал

памятники архитектуры, а во вторую — музейные сокровища. Через Айзенах и Вартбург, Эрфурт и Лейпциг я добрался до Дрездена. Здесь я опять задержался на несколько дней, а завершить свое путешествие собирался длительным пребыванием в Берлине.

Собственно говоря, я уже давно должен был бы завершить свое путешествие, поскольку переданные мне отцом деньги закончилась. Но тетя Мария предложила мне взять у нее столько денег, сколько мне понадобится до конца моей поездки, а вернуть их позже. Я с радостью воспользовался ее великодушным предложением и потому смог продлить свое пребывание за границей еще на несколько месяцев. Я посетил Анклам — родину моего отца — и проживавших там родственников. В Нойбранденбурге, Штральзунде и Штеттине я навестил и других родственников, и через Данциг и пограничный пункт Эйдткунен вернулся домой. С тремя рублями в кармане я прибыл в Санкт-Петербург, где меня на вокзале встретила тетя Мария с моей русской шубой, так как там уже был сильный мороз».

«Эта поездка дала мне невероятно много и оказала большое влияние на развитие моей личности и моего творчества в целом», — пишет Карл Шмидт в воспоминаниях, подводя итоги своей годичной поездки.

☞ КАРАБЛОМЫ ☞ ☞ БУШИ ☞ ☞ ИОГАНЗЕНЫ ☞

☞ ШМИДТЫ ☞ ☞ ВЕНИГИ ☞

☞ ФАБЕРЖЕ ☞

□□ ГЛАВА ВТОРАЯ □□
СЕМЬЯ И РАБОТА

Первые проекты

ГОРОДУ, в который возвратился Карл Шмидт, предстояло ответить на вызов времени.

Санкт-Петербург тех лет, по мнению немецкого историка Карла Шлегеля, занимал первое место в мире по количеству транспорта. Его огромные железнодорожные вокзалы пропускали потоки людей из всех городов и регионов страны. На улицах города еще преобладали конки (Карл Шмидт упоминал извозчика, который доставлял его в школу), но в первое десятилетие XX века лошадей стали вытеснять трамваи. На рубеже веков в гимназию Петришуле провели электрический свет. В 1910 году завершили мостить Невский проспект. Он был выложен большими восьмиугольными деревянными плашками — об этом рассказывал мой папа Манфред фон Буш, который родился в 1897 году в доме неподалеку от Невского, на Мойке. Город стремился соответствовать требованиям времени и ускоряющемуся темпу жизни. Открывались новые заводы, фабрики, филиалы иностранных компаний. Возрастало количество путей сообщения, увеличивалась их загруженность. Такие перемены были исключительно выгодны развернувшемуся строительству и, не в последнюю очередь — архитекторам. В книге «Санкт-Петербург немецких архитекторов: от барокко до авангарда» Б. М. Кириков и М. С. Штиглиц называют тех, кто в период с начала века до Первой мировой войны, следуя новым тенденциям в архитектуре, решительно повлиял на облик города. К их числу принадлежит и Карл Шмидт.

Возвратившись из Европы, он, вдохновленный увиденным, энергично и целеустремленно окунулся в работу, в которой год от года

достигал все новых высот. Здания, построенные им в этот период, и сейчас украшают Санкт-Петербург и другие города России. Это были самые насыщенные годы в его творческой жизни.

Непосредственно после поездки Карл Шмидт наслаждался уютной домашней атмосферой. Рождественские дни 1894 года он провел в Твери, общаясь с родителями и приятелями, с которыми был знаком еще по балам в местном дворянском собрании.

Конечно, он подробно рассказывал о путешествии и в пасторском доме Иоганzenов—там его слушали с огромным интересом. После праздников, к началу нового 1895 года, Карл вернулся в Санкт-Петербург. Сперва, чтобы войти в курс дела, он нанес визиты профессорам. А. Н. Померанцев предложил ему место в своем архитектурном бюро, и молодой архитектор немедленно приступил к работе. Карл Шмидт упоминает проекты городского дома в Ростове-на-Дону, собор Св. Александра Невского в Софии, впечатляющий мощью памятник в русско-византийском стиле, возводившийся в 1904–1912 годах, а также особняк Н. В. Спиридонова, постройку которого Шмидт возглавил летом 1896 года. В то время он жил в квартире дома № 58 на Фурштатской улице. Дом на Фурштатской снимал Померанцев, там же находилось его архитектурное бюро. Наряду с основными проектами, Шмидт занимался и небольшими заказами, среди которых он называет сырную фабрику и корпус молочной фермы.

Осенью 1896 года Карл Шмидт, по-прежнему работая в бюро Померанцева, получил заманчивый заказ от семейства Тисов. Речь шла о перестройке трехэтажного дома на Боровой улице. Этот жилой дом считается одним из первых сооружений молодого архитектора. Кроме того, заказчики попросили возвести двухэтажную постройку для здания своей конторы. Позже поступил еще один заказ на постройку особняка для семей братьев Тисов на Съезжинской улице, 3.

За время учебы Карл приобрел хорошую репутацию в преподавательской среде. Благодаря посредничеству профессора Роберта Гёдике Карл познакомился с Эмилией Павловной Шаффе. Ее ценили как интересную и на редкость умную женщину, обладавшую, наряду с другими достоинствами, организаторским и педагогическим талантом. Незамужняя и бездетная женщина основала в частной квартире женскую гимназию, которая со временем стала одной из лучших в городе. Ученицы уважали и высоко ценили строгую и справедливую

преподавательницу. Мадам Шаффе поручила Карлу Шмидту перестроить старое помещение гимназии. Во время работы архитектор познакомился с ее приемным сыном, Львом Ивановичем Шпергазе, который был в то время студентом Санкт-Петербургского электротехнического института. Шмидт описывает его как обаятельного и талантливого молодого человека. Они поддерживали дружеские и деловые отношения до самого отъезда Шмидта из России.

Карл Шмидт взял себе за правило браться за любой предложенный заказ, даже небольшой и неинтересный, и выполнять его наилучшим образом. Каждый выполненный заказ должен был демонстрировать высокое качество работы архитектора. Также Карл Шмидт никогда не выходил за рамки предварительно оговоренной сметы. Для России в то время это было явлением непривычным, но, тем не менее, Карл не изменял своим принципам до самого отъезда из страны. Очевидно, заказчики сознавали преимущества сотрудничества с таким архитектором и оставались верны ему на протяжении многих лет. В течение многих лет Шмидт работал с большими предприятиями — сам он, среди прочих, упоминает телефонный завод общества «Л. М. Эрикссон и К^о», часовую фабрику А. Эриксона, бумагопрядильную мануфактуру Л. Е. Кёнига, фирму К. Фаберже, большой больничный комплекс, носивший название Александринского женского приюта, а также товарищество «Братья Нобель».

Профессиональная деятельность архитекторов обычно начиналась с участия в конкурсах. Карл Шмидт тоже полагал, что именно таким путем он сможет быстрее завязать контакты с заказчиками. И когда был объявлен конкурс на проект детской больницы в Павловске, эскиз Шмидта не только получил первую премию, но и был опубликован в авторитетном журнале «Зодчий». Полученной премии Карлу хватило даже на то, чтобы вернуть тете Марии долг за недавнее путешествие. Больница по его проекту была построена в 1897 году.

Вскоре молодой архитектор вновь принял участие в конкурсе. На этот раз потребовалось разработать проект рабочего городка. Карл получил третий приз, но его проект не был осуществлен. Вскоре он понял, что ему не удастся совмещать работу у Померанцева с участием в конкурсах. Решив работать самостоятельно, он ушел из бюро. Скоро у Шмидта стало так много заказов, что из-за нехватки времени ему пришлось отказаться от участия в конкурсах. Благодаря глубокому

Карль Карловичъ
Шмидтъ

Архитекторъ.

Тел. 26-84.

Перекупной пер. 12.

Визитная карточка Карла Шмидта

знанию дела, усердию и умению Карла работать с людьми, вокруг него довольно быстро сформировался крепкий коллектив сотрудников и поставщиков. Заказчики охотно пользовались услугами Шмидта и поручали ему воплощение самых претенциозных замыслов.

Создание семьи

Прочный фундамент успешной профессиональной деятельности был заложен. Настало время подумать о собственной семье. Карл уже давно искал подходящую партию. Но ему было непросто сделать решающий шаг — он и здесь должен был справляться с застенчивостью, которая уже в годы учебы в гимназии и в Академии художеств давала о себе знать и не раз была помехой в установлении желаемых контактов и знакомств. Наконец выбор был сделан. Избранницей стала Эрика, одна из дочерей пастора Иоганзена, по словам Карла — «главный счастливый билет», который он вытянул в лотерее жизни.

К тому времени Эрика окончила Мариинскую женскую гимназию в Твери и получила свидетельство на звание домашней наставницы или учительницы в начальных классах. Не следует забывать, что для дочери немецкого пастора это не было чем-то само собой разумеющимся. Когда маленькая Эрика поступила во второй класс русской

Тверская Мариинская женская гимназия

гимназии, то обнаружилось, что она недостаточно хорошо знает русский язык. «Моя голова была набита только немецкими детскими сказками,— пишет она в воспоминаниях.— Я, конечно, общалась с русскими ровесниками, играла с крестьянскими детьми в деревне, но все мои друзья были немцами. И вдруг оказывается, что всё, о чем рассказывает преподавательница, звучит для меня совершенно непонятной тарабарщиной, и я не понимаю ровным счетом ничего». Эрика храбро преодолела все трудности, с которыми столкнулась в первое время в школе. Она вспоминала: «Я должна признать: ни учительницы, ни девочки, которые к тому времени уже проучились вместе целый год, не относились ко мне как к „новенькой“ или „немке“. Это, конечно, говорит в пользу русского народа, если среди пятидесяти детей не нашлось ни одного, кто пытался бы высмеять и посадить в лужу „новенького“, да еще „чужака“. Все были добры и милы. И учителя относились ко мне с большим терпением и пониманием».

Когда Карл Шмидт принял решение жениться на Эрике и приехал в Тверь, оказалось, что новоиспеченная выпускница гимназии уже уехала в Москву, где устроилась работать домашней наставницей в большой семье французского фабриканта А. Ф. Дютфуа. Целый год ее подопечными были пятеро детей в возрасте от восьми до шестнадцати лет — четыре девочки и мальчик, с которыми она занималась

Молодожены в доме жениха. 1897

свет издательством Эмиля Германа в Риге. Это роскошное и богато иллюстрированное издание можно увидеть на фотографии — книга лежит на столе, вокруг которого расположились молодожены, родители Карла Шмидта и его сестренка Лонни. Моя мама получила эту семейную реликвию ко дню свадьбы, а сейчас она стоит в моем книжном шкафу.

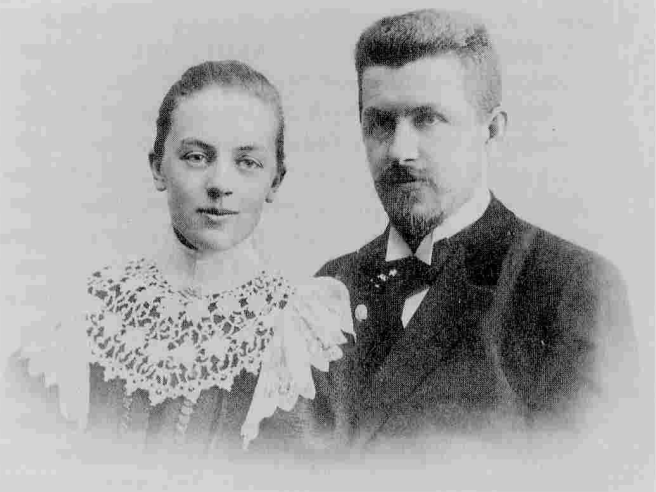
Александринский женский приют

Свадебное путешествие Карла и Эрика провели не на солнечном юге и даже не в столице Финляндии, Гельсингфорсе, куда они позже будут ездить часто и с удовольствием. Сразу же после свадьбы, вечером того же дня, молодожены уехали в Санкт-Петербург — Карла с головой был погружен в обдумывание большого и чрезвычайно важного проекта.

Незадолго до того архитектор П. В. Алиш, знакомый еще по учебе в Академии, попросил Шмидта о помощи. Речь шла о разработке про-

и проводила досуг. Примечательно, что дружбу с Софьей, старшей дочерью фабриканта, она сохранила на целых пятьдесят пять лет — на всю свою долгую жизнь!

7 ноября 1897 года отец невесты дал благословение молодым и обвенчал Карла и Эрику у себя дома в тесном семейном кругу. Почти 48 лет они прожили вместе, переживая как хорошие, так и тяжелые времена. Это были счастливые годы, полные любви и согласия. По старой лютеранской традиции старшему сыну передавалась семейная Библия. У пастора Иоганзена была двухтомная Библия, выпущенная в

Карл и Эрика после свадьбы. 1897

екта большого больничного комплекса в Санкт-Петербурге. Позже Алиш предложил Карлу взяться вместе и за строительство. После свадьбы Карл Шмидт пребывал в напряженном ожидании предстоящих переговоров с заказчиками.

Поскольку медицинское обслуживание в городе оставляло желать лучшего, что особенно отражалось на женщинах из низших слоев общества, некоторые лютеранские общины решили принять соответствующие меры. В декабре 1893 года по инициативе епископа Конрада Фрейфельда и доктора Карла Видемана, будущего главного врача и директора больничного комплекса, был создан комитет для сбора денег на постройку женской больницы и родильного дома. Предполагалось строительство именно такого учреждения, куда женщины могли бы обратиться за медицинской помощью независимо от их вероисповедания и финансового положения. В последующие месяцы поступали щедрые пожертвования. Год спустя, в январе 1895 года, со стороны городской администрации было получено разрешение на строительство задуманной больницы и организации врачебной практики. 8 ноября 1895 года она была открыта в помещении доходного дома № 34 на 7-й линии Васильевского острова. Немногим позже Попечительский совет больницы, который возглавлял тайный

советник А. А. фон Герке, приобрел участок на Большом проспекте Васильевского острова (ныне дом № 49). Среди бумаг Карла Шмидта сохранилась выполненная в 1915 году петербургским нотариусом машинописная копия договора о покупке этого участка. Императрица Александра Федоровна сооблаговолела разрешить назвать новую больницу в свою честь Александринским женским приютом. Через десять лет, в 1905 году, она приняла покровительство над приютом. В 1897 году, благодаря щедрым пожертвованиям, стало возможным расширить территорию будущей больницы, прикупив примыкающий к ней участок на Большом проспекте — сегодня это дом № 51. В архиве Карла Шмидта сохранилась копия и этого договора, также датированная 1915 годом.

Строительные работы по возведению Александринского женского приюта начались летом 1897 года — вот почему сразу после свадьбы, состоявшейся в ноябре, Карл спешил в Санкт-Петербург. Кураториум поручил ему возглавить строительство. Благодаря этому проекту Карл упрочил свою репутацию и со временем у него появилось большое количество состоятельных заказчиков.

В воспоминаниях Карл Шмидт хорошо отзывается о Леопольде Леопольдовиче Кёниге — одном из заказчиков и главных благодетелей больничного комплекса. Из требуемых на строительство 500 тысяч рублей основную часть внес именно он. Видимо, для такого шага с его стороны имелись личные причины. Л. А. Кёниг вошел в историю как «хлопковый король». Это была игра слов: *König* по-немецки значит «король». Позже Шмидт строил на его бумагопрядильной мануфактуре на набережной Екатерингофки, возводил для Кёнига заводские корпуса в Санкт-Петербурге и его окрестностях, а также отделял квартиры для многочисленных детей семьи Кёнигов.

По словам Карла, Кёниг был человеком, не чуждым радостей жизни. Он имел привычку обильную пищу запивать вином, чем в конце концов подорвал свое здоровье. Он выпивал по любому поводу, например, в поездках на маленьком пароходе в Екатерингоф, где под сиденьями всегда были наготове бутылки и бокалы. Во время завтраков на стройке или на деловых встречах, проходивших у Кёнига дома, на столе всегда красовались бутылки с его любимым сортом вина — «Цельтингер». Тем не менее Леопольд Кёниг был известен как очень строгий хозяин, державший подчиненных в ежовых рукавицах.

С архитектором он общался по-дружески и рекомендовал его другим заказчикам, например Г. А. Шульце, К. Г. Фаберже и И. А. Пастухову.

Отец А. А. Кёнига, Леопольд Егорович, «сахарный король», нажил капитал на юге России, хотя руководство делами осуществлял из собственной виллы в Бонне, построенной архитектором Людвигом Бонштедтом. Она сохранилась до наших дней и известна как вилла Хаммершмидт.

Другими спонсорами Александринского женского приюта были: Генрих ван Гильзе ван дер Пальс, Максимилиан Отмар-Нейшеллер, второе лицо русско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник»; Густав Шерникау, директор страхового общества «Русский Ллойд» (после смерти Августа фон Герке он возглавлял Попечительский совет больницы вплоть до начала Первой мировой войны, когда, как и многие немцы, был вынужден покинуть Россию); Эммануил Нобель, глава товарищества «Братьев Нобель», регулярно выписывавший кураториуму значительные суммы, а также Карл Фаберже. Многие люди, среди которых был и Карл Шмидт, оплачивали так называемые «свободные койки» для неимущих женщин.

Большие, отвечающие современным требованиям больничные корпуса возводились постепенно, вплоть до 1914 года. 7 марта 1899 года было освящено главное здание больничного комплекса, построенное Карлом Шмидтом. Но ни архитектор, ни его жена не смогли тогда присутствовать — они заболели дифтерией. Опасная болезнь длилась долго. Когда им стало лучше, они узнали, что их первенец Норман, трех месяцев от роду, скончался от той же болезни в день освящения приюта — 7 марта. Его похоронили в семейном склепе в Павловске. Боль этой утраты сохранилась на всю жизнь.

Карл Шмидт оставался связан с этим важным проектом практически до начала Первой мировой войны: его жена не раз пользовалась услугами врачей, оба они поддерживали благотворительные ярмарки, организованные Попечительским советом. Из переписки с президентом кураториума Густавом Шерникау видно, что Шмидт в мае 1901 года перевел в качестве пожертвования 2300 рублей; вне всякого сомнения, были и другие денежные переводы. В 1902 году Шмидт был единогласно избран членом кураториума, состоявшего из ведущих представителей лютеранской общественности Санкт-Петербурга. Будучи доверенным лицом Попечительского совета, он неизменно заботился о технической модернизации больничного комплекса. В 1912 году архитектор

вел переговоры о покупке дополнительного участка для расширения комплекса. Еще перед началом войны Шмидт получил от кураториума задание — оформить кредит для дополнительных построек.

Среди бумаг Карла Шмидта, скорее всего, был и полный перечень всех проектов и построек архитектора, но при выезде за границу многое пришлось оставить в России. На основании воспоминаний бабушки, которые он записывал через два с лишним десятка лет после Первой мировой войны (1943), я сделала неточный список. Карл Шмидт сам отмечал, что упомянул не все постройки и что они не всегда следуют в хронологическом порядке. Например, в его воспоминаниях ничего не говорится о впечатляющей скульптуре, выполненной по его эскизу в конце 1903 года фирмой Фаберже для подарка страхового общества «Русский Ллойд» к 25-летию Добровольного флота.

Члены правления «Русского Ллойда» — Густав Шерникау, родом из Гамбурга, и уроженец Швейцарии Максимилиан Отмар-Нейшеллер — возглавляли Попечительский совет (кураториум) Александринского приюта для женщин, то есть были хорошо знакомы с Карлом Шмидтом по совместной долголетней работе.

Карл Шмидт упомянул только о самых крупных или особенно важных для него постройках. После его смерти вдова архитектора составила по памяти свой перечень работ мужа. Ее список включает 20 пунктов и некоторые дополнительные сведения. Первой самостоятельной постройкой мужа Эрика называет «большую фабрику Морозова (хлопок, ткани) в Твери» и пишет по этому поводу следующее: «В первое время после нашей свадьбы *papa* ездил в Тверь сначала каждое, а затем почти каждое воскресенье», — наверняка для того, чтобы контролировать ход строительства. Возможно, речь идет о внушительном здании фабрики, изображенном на акциях фирмы Морозовых. Сам Карл Шмидт пишет о «товариществе Рождественской мануфактуры» П. В. Берга в Твери. Директором этой фабрики был англичанин Кук, знакомый отца Шмидта. В течение восьми лет — с 1897-го до революции 1905 года — архитектор работал на территории мануфактуры. Здесь он воплотил в жизнь настоящий комплекс построек. Хотя сам он не упоминает о других проектах в Твери, на территории мануфактуры им были возведены четыре жилых корпуса для рабочих на 2000 человек, административное здание, большая прядильня, ткацкая фабрика, котельная и библиотека для работников мануфактуры.

В семейных преданиях упоминается мост через Волгу, якобы построенный им в Твери. Сохранилась почтовая открытка тех времен, сделан-

*Каулинская фабрика
на р. Тьмаке в Твери
(Рождественская
мануфактура).
Фотография
С. М. Прокудина-
Горского. 1910*

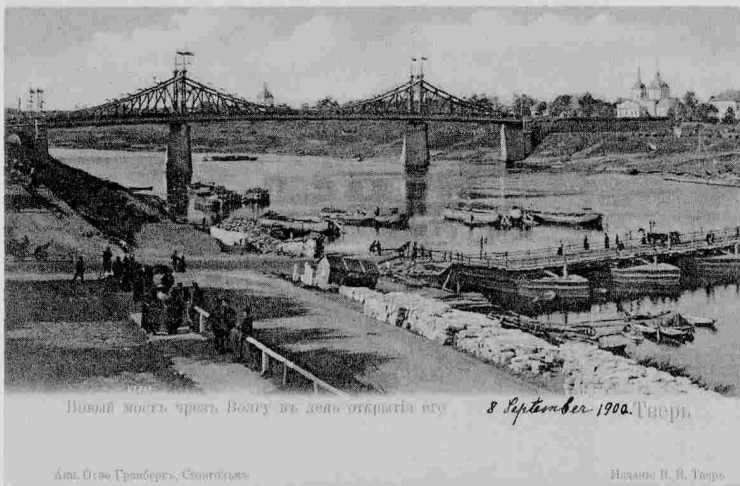

ная с фотографии, на которой рукой архитектора-строителя нанесена дата открытия этого моста. Открытка выпущена шведской фирмой. На протяжении восьми лет Карл Шмидт регулярно приезжал в Тверь, тем не менее, там у него не было своего жилья — он всегда останавливался у родителей.

Поездка в Стокгольм

Интересы Карла Шмидта, настоящего знатока своего дела, не ограничивались архитектурой — он был любознателен и любил путешествовать. И, несмотря на природную робость, он был веселым человеком. Об этом свидетельствует следующая история, описанная самим Шмидтом.

«В один прекрасный вечер я прочитал в газете, что в Стокгольм в последний раз в этом году отправляется финский пароход „Нордкюстен“. Полушутя я спросил Эрику, не хотела бы она поехать в Стокгольм — для этого как раз предоставляется возможность. Она сразу же согласилась. Мы немедленно обсудили наш путь и выяснили, что успеваем на пароход, если наутро первым поездом отправимся из Павловска». Так неожиданно в конце 1899 года состоялась поездка Шмидтов в Стокгольм.

Новый мостъ черезъ Волгу въ день открытия его

8 Сентября 1900. Тверь

Дип. О. 30 Граверь, Стогольмъ

Издано В. В. Тверь

В. Ф. Точиский и А. И. Машек. Староволжский мост в Твери. 1897–1900 гг. Почтовая открытка. Дата нанесена рукой Карла Шмидта

Разумеется, они оба хотели увидеть северный город, Гельсингфорс, находившийся ближе к Санкт-Петербургу, был уже знаком им по нескольким поездкам. Кроме того, архитектор по случаю навещался в Финляндию, где подыскивал сорта гранита, необходимые для его строительных проектов. В Швеции Шмидты еще не были. Правда, они знали часового фабриканта Александра Эриксона, а также владельца электро-телефонной фирмы Ларса Магнуса Эриксона, — оба они были заказчиками Карла. Как раз в эти дни в Санкт-Петербурге завершался важный этап строительных работ по заказу телефонного завода Эриксона. Фабрикант искал умелого инженера для нового предприятия. Приемный сын мадам Шаффе, Лев Шпергазе, недавно закончил Электротехнический институт. У Шмидта уже сложилось хорошее впечатление о молодом человеке, и он рекомендовал его Эриксону. Шпергазе произвел наилучшее впечатление и на руководство фирмы и вскоре стал главным инженером. Впоследствии он дослужился до директора фабрики. Хорошие отношения между Карлом Шмидтом и продвигающимся по службе Львом Шпергазе сохранялись. В течение десяти лет архитектор выполнял строительные заказы для фирмы Эриксона, которая постоянно расширялась и

уже довольно скоро снабжала своей продукцией всю Россию. Позже управление коммерческими делами фирмы возглавил родственник Шпергазе, швед Эрик Оскар Сандберг.

Карл и Эрика добрались на поезде до Гельсингфорса, а оттуда — на пароходе до Стокгольма. Остановились на самом берегу, в «Гранд-Отеле», из номера которого открывался прекрасный вид на гавань. Солнечный зимний день очень подходил для осмотра шведской «Северной Венеции». Сама собой возникла идея позвонить Ларсу Эриксону.

По словам Карла, Эриксон с большим радушием принял гостей и сразу же пригласил на вечер в оперу, в свою ложу. Шмидты впервые слушали «Летучего голландца» композитора Рихарда Вагнера. Но это было еще не всё: Эриксон предложил гостям провести предстоящие рождественские праздники в его имении в Альби. Вместе с ними поехали жена Эриксона и их дочь, обрученная с сыном часового фабриканта из Санкт-Петербурга, дальним родственником Эриксинов.

Шмидты были очарованы гостеприимством, с которым их встретили. В имении собралось довольно большое общество. Вечером наступила традиционная кульминация праздника — «юль-клапп» и рождественские подарки, а на следующее утро, еще перед завтраком, все присутствующие в имении отправились в церковь на санях, украшенных бубенцами. Было еще совсем темно, и дорогу через лес освещали фонарями, установленными на санях. Деревянная церковь была полна народу. Последовавший затем обильный завтрак продолжался с перерывами до самого вечера. На обратном пути в Россию супруги воспользовались случаем и посетили городок Упсала, где осмотрели старый университет, в котором так хотел учиться старый швед Хельгрен из Твери. А кафедральный собор святого Эрика настолько понравился гостям из Петербурга, что они решили своего следующего сына назвать Эриком. Православное Рождество они встречали уже в семейном кругу. И снова потекли будни.

Дом в Павловске

Когда Карл и Эрика приехали после свадьбы в Петербург, они поселились сперва на Васильевском острове, на углу 10-й линии и Большого проспекта в доходном доме Брейтфуса. В кругах филателистов

Фридрих Брейтфус был хорошо известен. Вполне возможно, что филателия и стала причиной знакомства Брейтфуса и Шмидта. Молодожены обустроились в квартире: переклеили обои, заказали мебель по собственным эскизам.

В 1898 году молодой архитектор приобрел в Павловске участок с так называемым Деревянным домом. У меня сложилось впечатление, что дедушка не представлял свою дальнейшую жизнь в большом городе. Там проходила его профессиональная деятельность — в конторе, на стройках, там он общался с заказчиками и с поставщиками, но, по его твердому убеждению, работа должна была быть отделена от семейной жизни. Для семьи ему хотелось создать «родовое гнездо», куда бы никто не допускался, кроме родственников и друзей. Для таких целей участок в Павловске казался идеальным. Он располагался на перекрестке двух улиц, носивших символические названия — Ясного Неба и Зверинецкая. Шмидты переехали туда в 1899 году.

Первые годы Карл, Эрика и их дети провели в деревянном двухэтажном здании, украшенном эркерами и таинственными башенками, которые должны были нравиться малышам. Именно здесь родились сыновья Норман, Ганс и Эрик. Правда, спустя некоторое время обнаружилось недостатки деревянного строения, особенно заметные в дождливое время и в зимние месяцы. Хотя дом был достаточно добротный, задуман он был все же как летний. Многочисленные попытки перестройки не дали желаемого результата.

Кроме того, произошло чрезвычайно неприятное событие, которое Карл Шмидт описывает следующим образом.

Летом у Шмидтов часто бывали гости — родственники и друзья, которые проводили время, наслаждаясь гостеприимством хозяев, великолепной природой, играя с маленькими детьми. «Мы были настолько беспечны, что даже не закрывали на ночь двери, ведущие в сад и на застекленную веранду. Однажды утром нашим взорам предстала неприятная картина: ящички и дверцы буфета, стоявшего в коридоре рядом со спальней, были раскрыты, все семейное серебро исчезло, из столовой были украдены все серебряные приборы, мой гардеробный шкаф был пуст и, наконец, вмонтированный в стене железный ящичек, в котором хранилась моя коллекция почтовых знаков, был взломан и оттуда пропали некоторые документы, в том числе мой паспорт. Воры, видимо, не разбирались в почтовых знаках

Деревянный дом в Павловске

и не имели понятия об их ценности, поэтому коллекция осталась нетронутой. Какое счастье, что моя жена тогда не встала греть детям молоко и не вышла в коридор, иначе столкновение с ворами могло бы иметь страшные последствия». Естественно, о происшедшем немедленно заявили в полицию, но «из украденных вещей ничего найдено не было».

Вилла Шмидтов

После этого хозяин дома принял решительные меры. Он купил у архитектора Роберта Марфельда соседний с домом участок, заросший лесом и граничивший с Павловским парком, а также заказал подготовку строительной площадки для нового дома. При этом была вырублена часть леса, а сам участок был целиком засыпан слоем пахотной земли и тем самым поднят примерно на полметра. Ранней весной 1902 года началось строительство каменного дома, а уже осенью его подвели под крышу. В течение зимы 1902/03 гг. мороз должен был «просушить» толстые стены. Перед тем как Шмидты вселились в новый дом, его

освятил православный священник — это был знак уважения по отношению к русской прислуге.

В марте 1904 года началось переселение в новый дом. Разумеется, что в Павловске уже велись разговоры о строящейся даче. Шмидт сообщает, что осенью незадолго до новоселья «посетила нас великая княгиня Мария Павловна с дочерью Еленой и греческим принцем Николаем и велела показать им внутренние помещения, которые, впрочем, не совсем были готовы. Столяры как раз занимались установкой книжных шкафов из красного дерева с фиолетовыми мозаиками из амарантового дерева». Обшивки и панели для стен были изготовлены из благородных древесных сортов в столярной мастерской Васильева по эскизам самого Карла Шмидта.

Большим преимуществом новой виллы стал тщательно продуманный и с размахом разбитый сад: с пристройками, в которых жили дворник и прислуга, теннисным кортом, цветочными клумбами, ледником, курятником и даже конюшней для кареты с лошадьми, на случай, если появится возможность их содержания, до чего, правда, так дело и не дошло. Кроме того, сразу перед входом в сад находились маленький пруд и электростанция, обеспечивавшая дачу электричеством. Построил и обслуживал ее инженер Трифонов, работавший в фирме «Сименс и Шуккерт» в Санкт-Петербурге; у него была дача в Келломяках, рядом с будущим летним домиком Шмидтов. После выезда из России Карл Шмидт повстречался с ним у Агафона Фаберже в Хельсинки.

Для детей соорудили специальную игровую площадку. Глубоко в парке, среди ветвей деревьев, был воздвигнут замок с крепостным рвом и подъемным мостом. Там они играли в рыцарей и разбойников и оттуда наблюдали за казаками и кавалеристами царского двора, которые галопировали по парку.

Когда завершался очередной проект, Карл Шмидт всегда заказывал фотографии здания. Так же поступили и в этот раз: сфотографировали не только внешний вид виллы, но и внутреннее убранство комнат. Фотографирование новых зданий было очень распространено в России. В частности, некоторые из фотографий распространялись на рубеже XIX и XX веков в виде почтовых открыток, многие из них сохранились до наших дней. Из заметок архитектора следует, что фотографии отсылались в городскую управу. На одной из них можно увидеть виллу Шмидтов целиком.

«Павловск.

Вилла

архитектора

Шмидта».

У ограды

Эрик и Ганс.

Почтовая

открытка.

1900-е

Вилла Шмидтов была окружена высоким дощатым забором и рвом, который весной наполнялся талой водой. Через ров был наведен мостик. Теплыми летними вечерами семейство дожидалось отца на скамье у дома.

Счастливые годы провели на даче Шмидтов ее многочисленные обитатели. Здесь появились на свет Маргот, Ольга и Норман. Когда родилась Ольга, ее семилетний брат Ганс написал обитателям дома следующее сообщение на русском языке: «Сегодня родилась Ольга Карловна Шмидт. Чтобы не забыть».

Шмидт со вкусом оформил основательно выстроенную дачу. В этом можно убедиться, рассматривая фотографии, сохранившиеся в семейном архиве. Несмотря на то, что семья росла из года в год, места на даче хватало всем. На верхнем этаже были комнаты пастора Иоганзена и Августы Хельгрен. После смерти Луизы Карлблом в 1905 году в пасторском доме стало пусто и одиноко. Дети уже покинули отчий дом. В 1906 году, после 36-летней службы, пастор сложил полномочия

Семья ожидает возвращения отца с работы. 1909

и переехал вместе с Августой в Павловск, в дом своей дочери Эрики. Теперь он мечтал о покое.

Среди постоянных обитателей виллы Шмидтов была няня, которая жила вместе с детьми, пока они были маленькими, а также француженка-гувернантка, мадемуазель Кламель. Она имела собственную комнату и только на период летних каникул уезжала домой во Францию. В мае 1914 года она, как обычно, покинула своих подопечных на время каникул, не зная, что уезжает навсегда.

Квартиры экономки Кати и домработницы Нюси располагались в служебных постройках рядом с деревянным домом, где жили также дворник с женой. В холодные зимние месяцы дворник следил за тем, чтобы печи в большом доме были теплыми. В 6 часов утра он начинал обход комнат. Некоторые печи затапливались с коридора. Топили их грубыми березовыми поленьями. По дому распространялся приятный запах, и слышалось уютное потрескивание горящих дров. В дни зимних праздников вся семья собиралась к послеобеденному чаю в столовой, а в летнее время жильцы дома наслаждались солнцем на свежем воздухе в эркере.

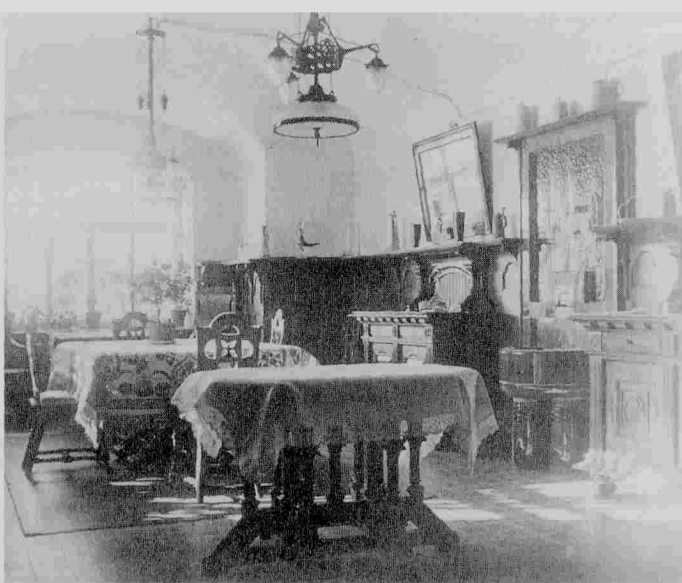
Прислуга занимала прочное положение в доме, и, по представлениям Карла Шмидта, каждый работник должен был до конца своих дней иметь здесь кров и стол.

У сына в Павловске подолгу гостили отец и мать; Лонни, сестра Карла, тоже была здесь частым гостем — все они жили в Санкт-Петербурге, в собственном доходном доме Карла. Дочь Лонни, Хельга, в любую минуту готовая к проделкам, была веселой участницей детских игр своих кузенов. Особенно она привязалась к Ольге, моей будущей маме, и эта чудесная дружба между ними длилась до глубокой старости.

Спустя много лет, в 1958 году, моя мама Ольга Шмидт — Буш, проживавшая в Германии под Берлином, приехала в Павловск и разыскала отцовский дом. К тому времени многое изменилось — ведь прошли двадцатые, тридцатые, и годы Второй мировой войны, и именно в этом районе на протяжении нескольких месяцев шли бои. Вокзал, который она хорошо помнила с детства, был перенесен в другое место. Маме было трудно сориентироваться, и ей помогла местная жительница преклонного возраста. Она указала Ольге дорогу и рассказала,

*Вилла Шмидтов. Музыкальный салон.
Справа от фисгармонии стоит бюст И. С. Баха. 1906*

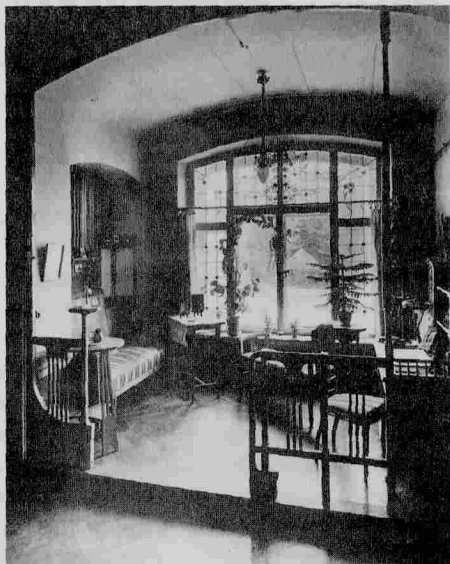

Вилла Шмидтов. Наверху: столовая. Внизу: кабинет Карла Шмидта.

Наверху: кабинет Карла Шмидта. В стене было устроено небольшое помещение, где находилась освещенная изнутри коллекция бабочек, а также сейф.

Справа: спальня родителей. Окно выходило в сад. Справа от окна — письменный стол Эрики, на окне — комнатная елочка.
1900-е

Семья за чаем. По часовой стрелке вокруг стола: Лонни Вирен, Ольга Шмидт, Августа Хельгрен, Эдуард Иогансен, Эдуард Вирен, Карл Фридрих Шмидт, Карл Шмидт, Эрика Шмидт

что в молодые годы часто бывала на даче Шмидтов и что еще во помнит «господ», ведь она гладила белье для хозяйки до Шмидтов стояла на старом месте, но после катаклизмов Х. внешний облик заметно пострадал.

Дом Фаберже

До сих пор очаровывают произведения ювелирного искусства которые изготавливались фирмой Карла Фаберже на протяжении десятилетий перед Первой мировой войной.

Изделиям Фаберже обязана целая эпоха в европейской искусства. И сегодня выставки произведений фирмы демонстрируют широкой публике такой богатый ассортимент изделий, которыми меркнут даже знаменитые пасхальные яйца. Листая и фотоальбомы изделий фирмы Фаберже, поражаешься изрядно разнообразию самых обыкновенных предметов повседневного обихода: столовым приборам, чайным сервизам, картинным рамкам.

Вместе с друзьями. Стоят слева направо: Карл Шмидт, Мария Адлер, 2-жа Шуберт, Августа Хельгрен, Эрнст Шуберт, Эрика Шмидт, (?), 2-н Герман (брат госпожи Шуберт). Сидят: Алиса Шуберт, Ганс Шмидт, 2-жа Герман, Маргот Шмидт, Ромо Шуберт, Эдуард Иоганзен, Эрик Шмидт. 1907

сигарам; многие из этих предметов предназначались и для «простых людей». Например, разноцветные игрушечные фигурки, выполненные с большим реализмом из нефрита, яшмы, агата, кварца и других мягких сибирских камней. Фигурки эти коллекционировали даже при английском дворе. Фирма шла навстречу вкусам широкой публики, но в то же время сама влияла на художественный процесс. В памяти мира искусства в первую очередь остались уже названные выше 50 царских и не менее ценных нецарских пасхальных яиц с сюрпризом.

Фирма Фаберже так прочно утвердилась в русской и европейской художественной жизни, а внезапный ее конец оказался столь неожиданным для самих сотрудников предприятия, что фотографий, отражающих жизнь обитателей дома № 24 по Большой Морской улице, сохранилось на удивление мало. Имеются лишь отдельные снимки внутренних помещений знаменитого дома, например, торгового зала, парадной лестницы, мастерских и одного из жилых помещений.

Филиалы фирмы в Москве и Одессе известны лишь по фотографиям внешнего вида зданий и по снимку одного из торговых залов.

Вполне вероятно, что в свое время снимки всех значительных зданий фирмы Фаберже были сделаны и переданы в соответствующие городские управы. Было бы интересно узнать, сохранились ли они там до сегодняшнего дня. Во всяком случае, их упоминает Карл Шмидт. После выхода в свет книги Т. Ф. Фаберже и В. В. Скурлова об истории фирмы Фаберже появилась возможность сослаться на подлинные документы из семейного архива ее владельца.

Достоверно известно, что, купив в 1898 году участок в лучшем районе города за миллион рублей золотом, директор ювелирной фирмы Карл Фаберже поручил строительство здания предприятия на Большой Морской, 24, своему внучатому племяннику Карлу Шмидту. Это был претенциозный проект. Разобрать находящиеся на территории строения не составляло большого труда, гораздо сложнее было осуществить художественные и коммерческие замыслы заказчика: под одной крышей разместить торговый зал, контору, сами мастерские и жилые помещения семьи Фаберже.

Карл Фаберже, придворный ювелир русского императора и других европейских королевских домов, был хорошо знаком со Шмидтом, который был на 20 лет его младше. Семейства Шмидтов — Венигов и Фаберже знали между собой, так как состояли в родстве. Но решающую роль в намерении пригласить молодого архитектора для воплощения масштабного проекта, как предполагает сам Карл Шмидт, сыграла рекомендация Леопольда Кёнига, хорошего знакомого Фаберже. Кёниг, заказчик Александринского женского приюта, оценил талант, точность и скрупулезность мастера-архитектора. Так, два больших архитектурных замысла претворялись Шмидтом в жизнь почти в одно и то же время.

Требовалось возвести солидное здание, соответствующее значению фирмы. Карл Шмидт разработал несколько вариантов проекта. Чертежи Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, на которых изображен фасад, отличаются от того, что можно сегодня видеть на Большой Морской улице. Архитектор понимал, что к этому заказу предъявляются большие требования, что должно было потребовать напряжения всего художественного и технического таланта. Кроме того, на той же улице, одной из самых престижных в городе, располагались многие уважаемые магазины. Здесь фланировал высший свет, и с давних времен для каждого строения требовалось Высочайшее Утверждение. Все постройки находились под пристальным вниманием общественности и подвергались

строгой критике, причем не только со стороны заказчиков. Карл Шмидт признавался: «Здесь я столкнулся с такой задачей, когда моих творческих способностей не хватало, чтобы справиться с ней играючи. Подготовка окончательного эскиза стоила мне большой головной боли. Он удался лишь после многочисленных попыток. Поначалу он меня удовлетворил, но позднее, когда этот проект был реализован, на некоторые его части, особенно на базы колонн, я каждый раз смотрел с очень неприятным чувством».

Здание фирмы Фаберже было открыто в 1900 году. Вопреки оговоркам самого архитектора, постройку его оценили очень высоко.

Дом № 24 по Большой Морской пережил все исторические потрясения XX века и остался символом русского ювелирного искусства. После 1918 года здание перешло в собственность государства и сохранило свой профиль. Определенное удовлетворение архитектору принес тот факт, что техническую реализацию его проекта приводили в качестве примера на лекциях в Академии художеств.

Дальнейшие постройки

В воспоминаниях Шмидт напишет еще об одном проекте — о здании экспедиционной фирмы Павла Форостовского, которое архитектор разрабатывал и строил вслед за зданием фирмы Фаберже. Сам он считал этот дом одной из наиболее удачных своих построек.

Карл Петер Фаберже

«Я с удовольствием узнал, что и это здание служило образцом на лекциях при изучении конструкций и материалов в Академии художеств. Кроме того, этот дом привлек внимание общественности в связи с тем, что незадолго перед завершением оформления интерьеров Форостовский предоставил его в распоряжение Александринского женского приюта для проведения благотворительной ярмарки, которую посетило большое количество людей. По инициативе Женского комитета приюта в комнатах были размещены многочисленные киоски по продаже товаров, при подготовке и оборудовании которых я должен был помогать».

Дом Форостовского «включал в себя служебные помещения и квартиру для его многочисленной семьи, а также зимний сад, конюшни и помещения для сотрудников конторы», — вспоминает архитектор.

После смерти приемной матери Лев Шпергазе, ставший к тому времени депутатом Думы, унаследовал ее гимназию. Гимназии срочно требовалось новое здание. В 1907 году оно было построено по проекту Карла Шмидта. Эта постройка на 5-й линии Васильевского острова (дом № 16) в прошлом удостаивалась высоких оценок и до сих пор служит той цели, для которой была возведена.

О другом проекте Карл Шмидт сообщает следующее:

«Шла русско-японская война. В Берлине некоторые русские еще полагали, что Куропаткин быстро разобьет японцев. Но вышло по-другому! Вследствие несчастливой для России исхода войны на территории Российской империи повсюду вспыхнули беспорядки и волнения, та же участь постигла и балтийские губернии. Летом 1905 года я перестраивал там имение Буксгевден (ныне Неерути) вблизи Катаринена (ныне Кадрина, Эстония), которое купил для своего сына Г. Кирштен, директор русско-американской резиновой мануфактуры. Я поручил наблюдение за строительными работами своему помощнику Алишу — когда-то я работал у его отца. Сам же я приезжал на строительство обычно по воскресеньям, два-три раза в месяц. Именине располагалось примерно в 20 километрах от вокзала. Ранним утром у поезда меня встречала машина, на которой поздно вечером я возвращался назад. До сих пор вспоминаю, как поздним осенним вечером я ехал в непроглядной темноте на вокзал, а со всех сторон полыхали имения, подожженные революционерами. Я ожидал нападения в любую минуту и сидел в машине со снятым с предохранителя револьвером в руке. Но Буксгевден не тронули, поскольку на строи-

тельстве трудилось слишком много рабочих, которые, уничтожив имение, остались бы без средств к существованию».

Еще один проект, над которым Карл Шмидт работал в 1909—1911 гг., предоставил архитектору возможность, по его же собственным словам, «взглянуть на ту роскошь, в которой жило русское дворянство». Александр Александрович Половцов поручил архитектору «перестроить и расширить старый дворец на острове», расположенный на набережной Средней Невки, 6. «Дворец, возведенный в начале XIX века, был построен из дерева и отличался великолепными потолочными росписями. Эти плафоны требовалось не только сохранить, но и оставить на своих местах. Задача оказалась чрезвычайно сложной, поскольку деревянные балки и перекрытия были сильно изъедены жучком и местами рассыпались в труху. Впрочем, ко всеобщему удовлетворению, техническое решение было благополучно найдено. С двух сторон дворца нужно было построить флигели: один — хозяйственный, второй — для размещения собрания книг. Для библиотеки предполагалось использовать шкафы из манежа, в которых изначально хранились седла для лошадей и одежда для верховой езды. Шкафы эти представляли собой подлинные произведения искусства, образцы тончайшей столярной работы...

Для обсуждения проекта меня частенько приглашали на завтрак к Половцову, который проходил около часа дня, часто на нем присутствовала жена хозяина — Софья Александровна. Позади каждого стула для личного обслуживания стоял украшенный галунами слуга. Блюда разносили другие слуги. После трапезы мы отправлялись на стройку на машине Половцова, которую нередко водила его жена. Дома мы обсуждали чертежи, на стройке — следили за ходом работ. Двухэтажный дом на Большой Морской улице, где он в то время жил, был прост снаружи, но чрезвычайно богато обставлен изнутри. Особенно импонировал мне высокий зал библиотеки с галереей наверху, где шкафы с книгами достигали потолка. К сожалению, наследники мало интересовались библиографическими сокровищами. Ценнейшие экземпляры этого удивительного собрания пошли с молотка в Париже, а распродажа, говорят, принесла им миллион. Аукционный каталог уже сам по себе представлял роскошное произведение искусства. Он был большого формата, и его страницы завораживали читателя великолепно запечатленными изображениями старых драгоценных томов и рукописей. Управлял делами Половцова немец Бергман, друг

Фаберже-старшего. В его распоряжении был большой персонал для ведения домашнего хозяйства, управления обширной недвижимостью, оплаты счетов и выплаты окладов многочисленной прислуге — шоферам, садовникам, кучерам и конюхам».

Летний рай

Суетливая жизнь в Павловске — в доме с тридцатью помещениями, с многочисленными насельниками и частыми гостями — постепенно сказалась на здоровье хозяйки. К тому добавилась близость разросшегося с годами Санкт-Петербурга — не надо забывать, что Эрика выросла в Твери, спокойном провинциальном городе, вдалеке от изнуряющего шума большой столицы. Для того чтобы укрепить нервы и перебороть бессонницу, нужен был покой и уединение на природе. Однажды она набросала на бумаге проект финского деревянного домика — своей сокровенной мечты. Карл принял это к сведению без каких-либо комментариев. Летом 1907 года они несколько дней отдыхали в местечке Келломяки на побережье Финского залива. Им там очень понравилось. В начале лета следующего года Карл предложил снова съездить в Келломяки. Каково же было изумление Эрики, когда среди старых елей и можжевельника она увидела домик, построенный в точности по ее рисунку! Он полностью соответствовал ее представлениям о покое: здесь она могла отдохнуть и расслабиться. А радость детей и вовсе была беспредельной — ведь бóльшую часть времени они проводили на пляже или в лесу, собирая ягоды и грибы.

С тех пор все с нетерпением ожидали каникул, и в первую очередь — дети. Когда подходила весна, все необходимое запаковывали в корзины и чемоданы. Сначала ехали поездом в направлении Выборга, а затем на извозчике за самые дюны, подальше от суеты большого города. Здесь не было электричества, а воду брали из артезианского колодца. Прачечную рядом с домом сыновья построили сами. Для матери это было желанное место уединения, а для детей — настоящий летний рай. Домик остался добрым воспоминанием для всей семьи. Здесь Шмидты проводили каждое лето вплоть до 1917 года.

Исключением стал 1914 год, когда поездку в Келломяки отменили. Что же послужило поводом? На вилле Шмидтов царила радостная и веселая атмосфера: Карл и Эрика пригласили братьев и сестер с супру-

гами и детьми провести каникулы в Павловске, чтобы вместе с ними праздновать юбилей — десятилетие виллы.

Это была первая встреча такого рода. Были приглашены сестра Эрики Алина Казанская с мужем, врачом Генерального штаба, Григорием Казанским, приехавшие из Сибири с дочерью Маргаритой и сыном Борисом. Из Ревеля прибыли сестра Эрики Лили Штильмарк с мужем Фридрихом, адвокатом в Ревеле, и их дети — Герберт, Карин и Эльза. Карл пригласил сестру Лонни Вирен с дочкой Хельгой, которая очень подружилась с двоюродными сестрами — они с тех пор часто проводили каникулы и другие свободные дни вместе. Где и как разместилось на вилле такое количество гостей, трудно себе представить. Использовать Деревянный дом не представлялось возможным, так как летом его сдавали. Тем не менее все десятеро детей чувствовали себя прекрасно в комнатах двоюродных братьев и сестер — так рассказывала мне мама. Кроме того, всех следовало накормить. На продолжительные трапезы собиралось вместе все старшее поколение. Подобных встреч не было многие годы, и теперь все радовались возможности пообщаться.

Дети на семейной встрече в Павловске. 1914.

Слева направо: Эльза Штильмарк, Ольга Шмидт, Норман Шмидт, Эрик Шмидт, Карин Штильмарк, Маргоот Шмидт, Борис Казанский, Маргарита Казанская, Ганс Шмидт, Герберт Штильмарк

Карл и Эрика старались поддерживать хорошие отношения со всеми сестрами и братьями. Гости восхищались домом и садом Шмидтов. Карл Шмидт достиг немалых успехов, и потому к нему относились с большим почтением.

Эта встреча оказалась для них последней на территории России. Правда, судьба сравнительно мягко обошлась как со взрослым, так и с подрастающим поколениями Шмидтов—Иоганzenов, если учесть масштабы всеобщей катастрофы в последующие годы. Все присутствовавшие летом 1914 года в Павловске пережили и годы Первой мировой войны, и революции. Лишь только Григорий Казанский, с началом войны вновь ставший врачом штаба Сибирской армии, скончался в годы Гражданской войны. Погиб в 1919 году и сын Германа Иоганzenа из Томска, Вольфганг.

Шмидты и Фаберже. Воспоминания друзей по играм

Так совпало, что поблизости от летнего домика Шмидтов располагалась и дача семейства Агафона Фаберже. Еще в 1882 году Карл Фаберже приобрел неподалеку от соседней станции Левашово скромный участок—место для отдыха, где можно было побыть в кругу семьи и восстановить силы после изнурительных российских и международных выставок. Но лишь после того, как в 1900 году было готово главное здание фирмы, Фаберже поручил Карлу Шмидту следующий заказ: на месте маленького охотничьего домика возвести большое и добротное двухэтажное здание. В день закладки первого камня Карл Фаберже посадил молодой дубок, который и поныне украшает участок. В 1907 году ювелир передал усадьбу сыну Агафону, который не только поселился там с женой сам, но и разместил свою огромную коллекцию азиатской скульптуры. Его собрание включало большое количество художественных произведений из Китая и Японии, в том числе более трехсот статуй Будды. Надо заметить, что Агафон Фаберже считался большим знатоком восточного искусства. Что касается летнего дома Фаберже в Келломяках, то он, как и домик Шмидтов, в период каникул полностью находился в распоряжении детей. В каждой семье было пятеро детей примерно одинакового возраста, летом они с удовольствием играли вместе. Дочка Карла Шмидта Маргот, сестра моей мамы, вспоминала:

«В доме у Агафона Фаберже все было чрезвычайно богато и роскошно, что разительно отличалось от простой обстановки нашего

На детском празднике у Агафона Фаберже в Келломяках. На фотографии слева направо: Норман Шмидт, Рюрик Фаберже, Ольга Шмидт, Игорь Фаберже, Маргот Шмидт. 1913

детнего домика в Келломяках. Когда мы входили в детскую комнату, складывалось впечатление, что мы попали в магазин игрушек. Они были разбросаны кругом: самые дорогие и изысканные. В комнатах на столах стояли чаши с шоколадными конфетами и другими сладостями; у нас подобное бывало только по праздникам, и в более скромной форме. Однажды на веранде у них висела огромная банановая гроздь, с которой дети, пробегая, срывали бананы. На меня эта роскошь даже давила».

Об этом случае рассказывала и моя мама — видимо, гроздь бананов сильно впечатлила детей.

Спустя много лет, в 1969 году, Ганс, старший сын Карла Шмидта, работавший в патентном бюро в Мюнхене, воспользовался командировкой в Москву и посетил в Ленинграде места, где прошло его детство — школу, музей. В школьные годы в Павловск он добирался на поезде с Царскосельского (ныне Витебского) вокзала. «Стены зала ожидания первого и второго класса украшали, как и прежде, любимые мною картины, рассказывающие об открытии 30 октября 1837 года этого первого вокзала в России, — вспоминал Ганс. — В нашей семье вокзал называли „нашим“ не только потому, что он был самым красивым, но и прежде всего потому, что и мой отец, и брат Эрик, и я ежедневно прибывали

сюда из Павловска и отправлялись отсюда домой, а в красивом зале, подолгу ожидая поезд, мы делали домашние задания». Ганс вспомнил также и поездки в Келломяки. Летний домик Шмидтов не сохранился, ему рассказали, что дом демонтировали вскоре после Гражданской войны и перенесли на север Финляндии. Стояла на месте летняя вилла Фаберже, в которую детей Шмидтов часто «приглашали на дни рождения пятерых сыновей, праздновавшие с помпезным размахом».

Карл и Эрика Шмидты придавали большое значение тому, чтобы дети приучались к самостоятельному ремесленному труду. Отец заботился о том, чтобы в распоряжении детей были строительные материалы и набор инструментов. Когда мальчики что-то мастерили, они нередко обращались за помощью к дворнику. Для сыновей же Фаберже в Келломяках были построены «настоящие маленькие домики с двумя или тремя комнатами, с настоящими дверьми и застекленными окнами, которые открывались и закрывались. Крыши этих домиков не пропускали воду, внутри всё было покрашено, стены оклеены обоями. Каждый из сыновей Фаберже обставил свой дом по своему вкусу. Толло, или Теодор, любил играть в куклы... Эмигрировав в Швейцарию, он стал дамским портным, владел большим известным ателье. Петя увлекался садовым искусством и сам разбил сад вокруг своего дома. Это произвело на меня огромное впечатление. Впоследствии Петя стал фермером в Бразилии»,—вспоминала Маргот, сестра моей мамы.

Она рассказала напоследок: «Все мамины украшения, а также серебряные вещицы для нас папа заказывал у Фаберже. У мамы было очень много изящных ювелирных изделий; когда началась революция, они хранились в сейфе банка, и все пропало».

Вилла Агафона Фаберже в Левашове упоминалась и Эриком Шмидтом, вторым сыном Карла и Эрики, который тоже оставил воспоминания о детстве и юности в России. «Это была богато обставленная и декорированная вилла. Прекрасное здание построил мой отец,—рассказывает Эрик.—Я был несколько раз в Левашове. В Келломяках у Агафона Фаберже тоже был прекрасный большой деревянный дом, но не такой простой, как наш. У них все было поставлено на широкую ногу, в то время как мой отец, несмотря на свою финансовую состоятельность, был скромн и умерен во всем... Моя мама и госпожа Лидия Фаберже, жена Агафона, охотно общались, читали вместе романы, играли в четыре руки на фортепиано. У госпожи Фаберже всегда были

Анкламский купец Матиас Краузе и его жена Ида. Предки Карла Шмидта

Три поколения. Бабушка Карла Шмидта Эмилия Вениг, мать Ольга Шмидт и сестра Лонни. 1888

Эдуард Генрих фон Буш — дедушка Эрики, жены Карла Шмидта

Пастор Андреас Буш, дедушка Эдуарда Буша

Печать Эдуарда Генриха фон Буша

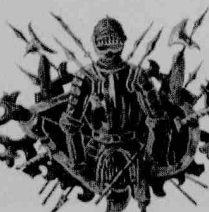
Герб семейства фон Буш

apostolicam auctoritatem, a cuius hinc inde, in hunc usque
 hunc usque imperium hinc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 a hinc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque

Et hinc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque

Et hinc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque

hinc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque
 hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque hunc usque

Мария Адлер на отдыхе в Глазове. 1900-е

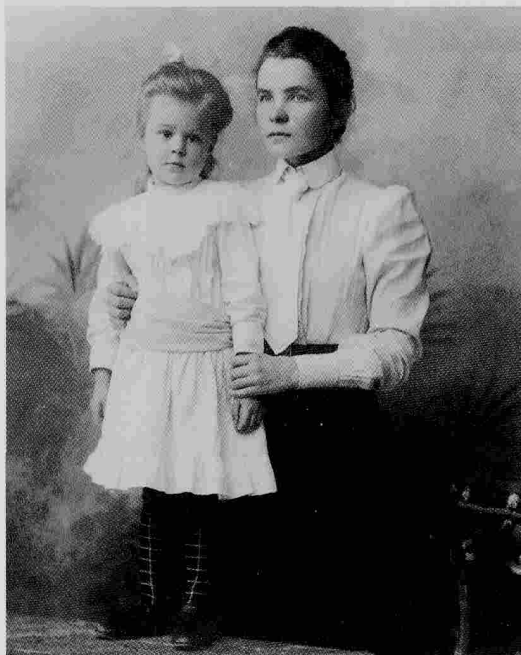
*В саду у Шмидтов. Мария Адлер,
Матильда фон Буш
и Карл Фридрих Шмидт. 1900-е*

*Эрика Шмидт
с сыном Гансом.
1900*

Лыжная прогулка. Карл с сыновьями Хансом и Эриком

*Августа Хельгрен и шестилетняя Маргарита Казанская
в гостях у Шмидтов в Павловске. 1904*

*Мария Адлер
и Карл Фридрих Шмидт
в Глазове. 1905*

Матильда фон Буш с правнуками Хансом и Маргот. 1906

Эрика Шмидт
с сыновьями Гансом
и Эриком.
1905

Вилла Шмидтов. Приближается весна, тает снег, распахнуты окна эркера.
Карл с Эрикой и детьми наслаждаются первыми теплыми лучами солнца. 1907

Вилла Шмидтов. На теннисном корте

И дамы играют в теннис. Первая в нижнем ряду — Донни Шмидт, вторая — Эрика Шмидт

Летом чай пили у веранды

Вилла Шмидтов. Музыкальный салон. Карл с женой Эрикой и сестрой Лонни

Послеобеденный отдых в кабинете хозяина

*Карл с тестем
Эдуардом
Иоганзенем
в Павловске.
1906*

 Карл Шмидт. 1910

Дорогой маме
 Эрик на добрую
 память от
 искренно любящего
 Вовы.
 15. Апреля 1917г.
 г. Томск.

ФОТОГРАФИЯ
 Л. М. ПЕЙСАХОВА
 ТОМСКЪ, ЧЕДВЕРЯКОВА УЛ
 И МОНАСТЫРСКАГО ПЕРЕУЛКА
 Д. КОРОЛЕВА.
 НЕГАТИВЫ СОХРАНЯЮТСЯ

Вольфганг (Вова) Иогансен.

Эдуард Вирен дома у Шмидтов

Катя, горничная и экономка Шмидтов, с Эриком, Ольгой, Гансом и Маргот. 1908

На рыбалку. Карл Шмидт и Вася Дорек.

1910

Няня с Норманом Шмидтом.

1911

Августа Хельгрэн. 1928

*Рождество в Берлине.
1920*

Кабинет Карла Шмидта в Берлине. 1930

Карл Шмидт.
1940

Карл и Эрика.
1943

Московский ГУМ. На переднем плане мама автора, Ольга фон Буш. 1974

Эрика Фогт, автор книги. 2010

прекрасная прическа, изысканные туалеты; тихая, благородная, улыбочивая дама казалась мне феей или королевой из сказки...»

Когда началась революция, Лидия Фаберже перебралась в Финляндию, миновав границу по льду реки Сестры, к северу от Петрограда. Различными окольными путями удалось найти прибежище в Швейцарии, где вместе с детьми ей долгие годы приходилось бороться за существование. Ее муж Агафон еще несколько лет оставался в России вместе с воспитательницей сыновей Марией Алексеевной Борзовой. После революции он был назначен в комиссию, которая под руководством профессора А. Е. Ферсмана должна была описывать драгоценности царского двора, в первую очередь сокровища Эрмитажа и Московского Кремля. До 1917 года Агафон был хранителем Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца. В 1927 году Агафон покинул Россию тем же самым путем, что и его жена с детьми, но остался с Марией Борзовой в Гельсингфорсе — этот и дальнейшие этапы жизни Агафона Фаберже описал их сын Олег.

Когда Шмидты и Фаберже покинули Россию, Эрика с Лидией начали переписываться. Сохранилась открытка из Швейцарии, датированная 25 ноября 1933 года. Лидия Фаберже в то время жила в Версо на Женевском озере. Вот что она сообщает (на немецком языке) о повседневной жизни и своем настроении:

«Дорогая моя госпожа Шмидт. Вы заблуждаетесь, если думаете, что я ничего не хочу о Вас знать. Напротив, я буду рада услышать более подробно о Вас и о Вашей семье, поскольку мне всё чрезвычайно интересно. Что касается меня, то лишь госпожа Кеммерлинг, мои родители и отчасти родители моего мужа знали всю правду о моей жизни... Чтобы объяснить всё, надо писать книги, а я стараюсь, по возможности, о многом не думать. К счастью, мне сейчас не до этого; как я Вам уже писала, я, собственно говоря, уже не человек, а загнанная ломовая лошадь. Но Вы не должны думать, что я жалуюсь, я охотно работаю, просто хотелось бы пожелать себе иногда несколько спокойных минут. Я редко писала Вам, потому что жизнь моя лишена радостных событий, а печальными я не хотела Вас огорчать. В остальном у меня все по-старому: занимаюсь портняжным делом и развожу кур. Старые князья еще живут у нас. Очень буду рада получить от Вас весточку. Шлю сердечнейший привет Вам и Вашей семье. Ваша Л. Фаберже».

Когда Первая мировая война и сумятица послевоенного времени остались позади, Карл Шмидт и Агафон Фаберже встретились

снова—у них были общие интересы, касающиеся русских земских почтовых знаков. Оба они увлекались этой темой, но имели различные амбиции. Об этом подробно напишет Ортвин Грейс в книге «Карл Шмидт—филателист».

Последние проекты

Рассказывая о последних месяцах и днях пребывания семейства Шмидтов в России, нельзя не упомянуть о нескольких больших проектах архитектора. Об одном из них Карл Шмидт вспоминает в мемуарах не столько из-за его строительного значения, сколько из-за того, что в процессе работы над ним он получил представление о жизни такого слоя общества, с которым он до того близко не сталкивался.

Благодаря посредничеству друзей, работами и успехами Карла Шмидта заинтересовался граф Сергей Александрович Строганов. Поводом для их знакомства стал нуждавшийся в срочном ремонте деревянный дворец в усадьбе, который Строганов хотел перестроить в каменный. Сперва он хотел взяться за работу сам, но быстро понял, что ему недостает необходимых знаний. Он обратился за помощью к Карлу Шмидту. Имение Вольшово располагалось между Псковом и Новгородом, в районе железнодорожной станции Порхов. Архитектор был приглашен, чтобы обговорить условия заказа. Свои впечатления он описал следующим образом:

«В имении было все, что только может представить и пожелать себе простой смертный. Управляющим был немец. На территории усадьбы располагались великолепные фруктовые сады, теплицы с прекраснейшими южными сортами фруктов, отличные скотный двор и конный завод, занимались здесь и собаководством. Строганов владел также обширными полевыми и лесными угодьями. Имение обеспечивало всем необходимым многочисленных служащих и слуг.

То, что поступало в распоряжение каждого работника, записывалось и оценивалось: например, если скотник, отвечавший за разведение скота, обеспечивал всех остальных мясом, то стоимость всего выданного им мяса записывалась на него, а он, в свою очередь, мог брать необходимые овощи и фрукты у садовника, стоимость которых записывалась уже на садовника, и так далее. В итоге каждый мог по потребности брать все, что ему было необходимо, но без непосредственной оплаты и к обоюдному удовлетворению, при этом был задействован довольно сложный расчетный механизм. Когда я в первый раз въехал

в имение через боковой проезд, мне бросилось в глаза большое здание с куполом, окруженное колоннадой в стиле ампир. Я спросил кучера, для какой цели предназначено это здание, и услышал ошарашивший меня ответ — это кухня, на которой готовят еду для собак. Значение этой кухни я осознал лишь тогда, когда управляющий рассказал мне, что граф имеет привычку приглашать для участия в совместной охоте около сотни гостей. Нередким гостем бывал и сам царь с его свитой. Для каждого гостя нужен был егерь, а также собаки и лошади. К тому же, всех этих избалованных гостей нужно было достойно разместить и накормить, так что можно представить себе, какая кутерьма творилась в это время в имении».

Карл Шмидт осуществил перестройку дворца по желанию заказчика, но о его дальнейших личных контактах с графом Строгановым ничего не известно.

Упоминает Карл Шмидт и другой проект: заказ великого князя Павла Александровича и его второй супруги Ольги Палей.

«Участок в Царском Селе, на котором Великий князь предполагал обосноваться, был куплен у его прежнего хозяина, Александра Половцова. Располагавшийся на этой территории двухэтажный дворец был очень старым», — пишет Карл Шмидт. Он должен был взяться за перестройку дворца, следуя пожеланиям Павла Александровича. «Способ постройки здания был необычен. Обследования стен показали, что второй этаж был выполнен из дерева, а снаружи покрыт кирпичами. Наклонно стоящие деревянные балки были до такой степени изъедены жучком, что после удаления верхнего слоя штукатурки рассыпались в труху, словно мука. Когда я сообщил великому князю о результатах осмотра, он немедленно вызвал меня по телеграфу в Париж для обсуждения ситуации. Он жил там свыше десяти лет на маленькой вилле в Булони. Его брат, Александр III, запретил князю въезжать в Россию за брак с разведенной мадам О. В. Пистолькорс. Мягкий по характеру племянник, Николай II, разрешил ему вернуться».

Шмидт незамедлительно отправился в Париж. «Здесь я впервые встретился с великим князем и его супругой, будущей графиней Палей, и с их стороны мне был оказан чрезвычайно любезный прием. После обсуждения положения дел мне было поручено снести старое здание до основания и приступить к проектированию и возведению нового дворца». Созданные в эти же дни план и эскизы удовлетворили великокняжескую чету.

Карл Шмидт отмечает некоторые художественные и технические особенности постройки: в высоком вестибюле были две лестницы, дворец освещался и отапливался при помощи электрической подстанции и котельной. «Когда строительство было завершено, дворец посетил император и, осмотрев его, сказал, что это одно из прекраснейших зданий, которые он когда-либо видел. Но я узнал об этом из книги „Воспоминания о России“ графини Палей намного позже, уже в Германии».

В книге графини я нашла следующее. Лето 1916 года она проводила с детьми в Крыму. На обратном пути она поехала через Киев и в Могилеве встретила с мужем и царской семьей. Несколько дней они пробыли в Могилеве. В разговоре за чаем государыня спросила Ольгу Палей, понравился ли ей императорский дворец в Ливадии. Княгиня смутилась и медлила с ответом, но ей помог сам государь, который, улыбнувшись, сказал: «В Царском, матушка, у княгини Ольги самый красивый на свете дом, не дом, а музей. Что после этого она тебе скажет про наш? У нас там всё вперемешку. Взяли с миру по нитке, а в результате никакого стиля». По-видимому, государь хорошо помнил дворец княгини.

И другая интересная деталь из той же книги.

Когда летом 1918 года дворец должен был быть национализирован, в доме О. В. Палей по поручению наркома просвещения А. В. Луначарского появились двое представителей, которые намеревались передать дворец Обществу по охране искусства и старины и основать музей, доступный для посетителей. Этими представителями были А. А. Половцов и Г. К. Лукомский, они хорошо знали дворец и поставили его владелице следующие условия: дворец должен стать музеем, а сама Ольга Палей дважды в неделю будет проводить экскурсии для посетителей по залам дворца и при этом следить, чтобы гости надевали специальные войлочные тапочки, как это делалось в Германии — в музеях Потсдама, во дворцах Сан-Суси и на Павлиньем острове. Ольга Палей пошла навстречу их пожеланию и несколько недель водила экскурсии по собственному дому.

Карл Шмидт отмечает: «Дворец со всем своим внутренним убранством был превосходно отснят, но все фотографии, к сожалению, пропали. Великокняжеская чета с двумя дочерьми и сыном прожила там очень недолго. Разразилась революция (1917 г.), вели-

кий князь был арестован и вскоре расстрелян в Петропавловской крепости, сын их был убит в Сибири, а сама графиня с обеими дочерьми сумела бежать в Париж».

Вплоть до Первой мировой войны Карл Шмидт работал над проектами, связанными с празднованием в 1913 году юбилея Дома Романовых. В архиве дворца в Павловске были найдены эскизы павильона, сделанные К. И. Росси. Размещение бронзовой скульптуры императрицы Марии Федоровны, согласно найденному эскизу, предполагалось внутри павильона. По неизвестным причинам проект остался нереализованным и был забыт. Великий князь Константин Константинович, узнав об этой истории, решил увековечить память супруги Павла I, основательницы Павловского парка, заказав Карлу Шмидту возведение павильона по старым чертежам. Сам Карл Шмидт назвал эту работу своей последней постройкой в России.

Обсуждение строительства павильона происходило в Мраморном дворце Санкт-Петербурга, иногда — в Павловском дворце. Архитектора многократно приглашали на доклады к великому князю.

В один прекрасный день владелец дворца провел Шмидта по всем помещениям и показал ему свою богатую библиотеку, произведения искусства и картины. Шмидт вдруг спросил, помнит ли великий князь Эдуарда Генриха фон Буша, своего наставника. В семье Эрики, жены Шмидта, рассказывали о том, что Буша-старшего, ее дедушку, часто приглашали к столу великой княгини. Эдуард Генрих приезжал во дворец в великокняжеской карете, в парадном мундире, украшенном многочисленными орденами и широкой орденской лентой. Буш-старший жил неподалеку от дворца, и семейное предание гласит, что строгого, но уважаемого наставника часто провожали домой его воспитанники, среди которых был и великий князь Константин. Как записал Карл Шмидт, это неожиданное воспоминание сильно впечатлило его собеседника.

Павильон был построен и до сегодняшнего дня остается достопримечательностью Павловского парка. К сожалению, не состоялось ни предполагаемого освящения постройки в присутствии царя, ни ожидаемого награждения архитектора за проделанную им работу — началась Первая мировая война. На современных почтовых открытках и в путеводителях по Павловскому парку это строение называется павильоном Росси.

Я постаралась рассказать о важнейших этапах жизни Карла Шмидта в России. Наряду с его профессиональными успехами, нельзя обойти вниманием и другую его деятельность.

Со времен Петра I, помимо профессии, люди в России обладали титулом или рангом. Этому придавалось большое значение. Еще в 1896 году Карл Шмидт решил увеличить профессиональные шансы именно с помощью внештатной службы в государственном учреждении. В Глазове он когда-то познакомился с Викентием Накельским, который служил теперь в Министерстве юстиции в должности вице-директора. Накельский внимательно выслушал предложение Карла о сотрудничестве на безгонорарной основе, но при условии засчитывания соответствующего стажа работы как государственному служащему. В штате Министерства юстиции, правда, уже состояли два архитектора, но руководству министерства предложение Шмидта показалось интересным, тем более что сам Шмидт предложил выгодные условия.

Среди бумаг Карла Шмидта хранится своего рода удостоверение от 1905 года — «Формулярный список о службе». В нем говорится о том, что «классный художник первой степени» Карл Шмидт «определен, согласно прошению, в службу в ведомство Министерства Юстиции, с причислением к второму департаменту сего Министерства» с 22 февраля 1896 года. Потом он был «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 17 апреля 1896 года за № 26 утвержден, по званию классного художника первой степени, в чин коллежского секретаря». Еще через два года ему было «ордером от 30 июля 1898 года за № 459 поручено вступить временно в исправление должности чиновника особых поручений VII класса при Министерстве Юстиции», а еще год спустя он был «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 4 декабря 1899 года за № 85 произведен, за выслугу лет, в чин титулярного советника».

На 1 января 1905 года он числился чиновником по особым поручениям VII класса при Министерстве юстиции и имел звание коллежского асессора.

По этому поводу Карл Шмидт сделал следующую запись: «Хотя я не получал заработка, но меня не обходили вниманием при распределении выплат к Рождеству и Пасхе, которые, благодаря протекции вице-директора, были настолько солидными, что практически рав-

*Карл Шмидт
в мундире чиновника
Министерства
юстиции.*

1897

нялись окладу. Занимаемое мною место оказалось благоприятным: я был избавлен от интриг и зависти, поскольку не стоял ни у кого на пути и не претендовал на чужие места. Так я прослужил двадцать лет внештатным сотрудником Министерства до самого краха Российской империи и на протяжении этого времени был удостоен пяти орденов и, наконец, звания чиновника по особым поручениям при Министерстве, что равнялось VI классу по табели о рангах — титулу действительного статского советника, к которому следовало обращаться „Ваше Превосходительство“».

Формулярный список от 1905 года содержит любопытную запись. В пункте XII спрашивалось: «Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли в срок, и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною?» Ответ: «В отпусках был уволен в 1904 году за границу: с 28 февраля на один месяц и с 16 августа на одну неделю; из сих отпусков являлся в срок».

Контроль за людьми был всегда!

Вероятно, тогда он посетил международную выставку почтовых знаков в Берлине, где завязал новые знакомства в области филателии. Так, среди других имен, он упоминает известного лондонского торговца Ч. Д. Филлипса.

Карл Шмидт хотел иметь успех и одновременно приносить пользу в сфере своей деятельности. Его общественной деятельности посвящена следующая запись:

«До начала мировой войны я в течение шести лет избирался депутатом в земство Царскосельского уезда как представитель летней императорской резиденции города Павловска. Как член комиссии по строительству дорог я выдавал заключения и контролировал постройку мостов; как член школьной комиссии я разработал серию проектов для народных земских школ уезда и регулярно контролировал их постройку; как член госпитальной комиссии я проектировал большой земский госпиталь для инфекционных больных в Павловске по павильонной системе с амбулаторией и жилыми домами для врачей и другого медицинского персонала, наблюдал за его строительством и, наконец, был задействован также в комиссии контроля... Выборные органы местного самоуправления (земская управа) избирались из представителей трех сословий — дворянства, городских жителей и крестьянства — и принимали решения большинством голосов. Из числа депутатов избирались также мировые судьи, которые в земельных судах подтверждали решения в качестве третейского судьи или могли накладывать на решения суда вето. Шесть лет подряд меня избирали на должность народного заседателя. В качестве такового я три-четыре раза в год, каждый раз от шести до десяти дней, принимал участие во всех заседаниях уголовного суда и, кроме того, нередко участвовал в заседаниях крестьянских судов».

Итог этой деятельности Карл Шмидт сформулировал следующими словами: «Таким образом, я сполна осуществил свое намерение усердным трудом послужить государству, обществу и церкви».

Можно ли сказать, что Карл и Эрика полностью ощущали себя частью русского общества? Они владели русским языком и пользовались им в общении с прислугой и в профессиональной деятельности. В семейном кругу и с друзьями они говорили на немецком или французском языках, в особенности если приезжали гости из Прибалтики. Дома дети говорили с родителями по-немецки, с няней — по-русски.

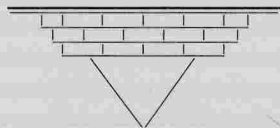
Она пела им песни и рассказывала сказки. Из того далекого времени у меня сохранилась книга русских сказок с иллюстрациями Ивана Билибина. В школе Реформатской общины Санкт-Петербурга, которую посещали старшие сыновья, а в 1917/18 учебном году также Маргот и Ольга, основным был немецкий язык. Обе они получали первые уроки у француженки мадемуазель Клавель. Совсем недавно, в конце мая 2005 года, когда мы с мамой говорили об этом времени, она дополнила мой текст замечанием: «К моей маме (Эрике Шмидт) приходила мисс Геринг, чтобы заниматься с ней английским языком».

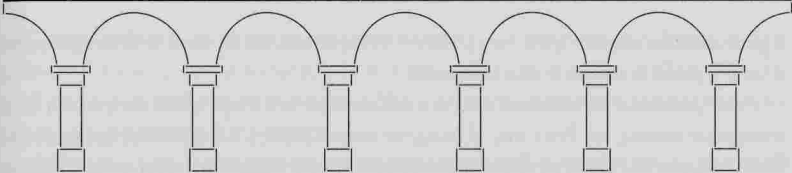
Карл Шмидт знал историю русского искусства и считал его частью европейской культуры. Гёте, Пушкин и Жюль Верн — таков был литературный фундамент Шмидтов. Эрика еще в тверской гимназии познакомилась с произведениями Пушкина, «старого графа» Алексея Толстого и поэта Ивана Никитина. Уже в Германии она перевела на немецкий язык многие стихотворения любимых авторов. Музыка Баха сопровождала церковные службы, произведения Грига и Шопена исполнялись дома. Карл и Эрика любили совместную игру в четыре руки: он предпочитал фисгармонию, она — фортепьяно. Дверь музыкального салона всегда была распахнута, и в такие вечера дети наслаждались игрой родителей. Они регулярно читали немецкую *St. Petersburger Zeitung* («Санкт-Петербургскую газету»), которую издавал Пауль (Павел Павлович) фон Кюгельген, и посещали не только симфонические концерты, но и Мариинский театр, где у них многие годы была своя ложа. За тем, как мама готовилась к посещению оперы и «делала себя красивой», с особым интересом наблюдали ее девочки. Кульминационный момент наступал тогда, когда горничная «закутывала маму в пелерину из мягкого меха» и родители усаживались в карету, чтобы проехать к Павловскому вокзалу. Поздно ночью они возвращались домой.

Шмидты никогда не были отшельниками, их жизненное пространство не ограничивалось только Павловском и Санкт-Петербургом. Нередки были поездки в Финляндию, Прибалтику и за границу — в Германию, Францию и Италию. Путешествия были для них душевной потребностью. Ни главные события культурной жизни, ни все катастрофы того времени не прошли мимо них. Благодаря своей деятельности в павловском земстве, Карл Шмидт ежедневно сталкивался с насущными социальными проблемами — людям всё еще угрожали эпидемии холеры, и представители власти должны были принимать

меры по улучшению медицинского обслуживания. При строительстве больниц знания архитектора всегда оказывались востребованными. Важную роль играла и лютеранская церковь. В течение нескольких лет мой дедушка являлся членом церковного совета немецкой лютеранской общины при кирхе Святой Доротеи в Павловске, а позже стал ее председателем.

В своих воспоминаниях Карл Шмидт, к сожалению, не подвел итоги этого отрезка жизни. Вместе с женой они надеялись, что в Германии смогут продолжать работу и вести образ жизни, к которому они привыкли в России. Но жизнь распорядилась иначе. Многие невзгоды предстояло им пережить только после переезда.

□□□ ГЛАВА ТРЕТЬЯ □□□
ЖИЗНЬ В ГЕРМАНИИ

Начало Первой мировой войны

ТЕСНЫЕ династические отношения между Россией и Германией существовали сотни лет; хозяйственные связи и взаимное культурное обогащение охватывало широкие общественные круги двух стран. Тем не менее в России в угрожающих масштабах распространялись антинемецкие настроения, которые с конца XIX века всё больше и больше разжигали иные представители власти. В первые месяцы войны российское правительство распорядилось начать высылку граждан немецкого происхождения, имевших немецкие паспорта, — их называли «имперскими немцами» — из больших городов в удаленные от фронта провинции. Карл Фридрих Шмидт, отец архитектора, избежал депортации только благодаря своему преклонному возрасту. Семья Карла Шмидта не пострадала лишь потому, что наряду с немецким гражданством они обладали и российскими паспортами. Тем не менее убеждение в том, что в Германии им не придется испытывать подобное давление со стороны властей, укрепило принятое с началом войны родителями и подрастающими детьми решение в будущем уехать в Германию. «Так я приступил к продаже нашего недвижимого имущества, тем более что по принятому Думой закону должны были быть лишены имущества не только имперские немцы, но и все те, кто получил российское подданство после 1880 года», — писал Карл Шмидт. Вилла Шмидтов в Павловске перешла в руки нового владельца, после чего Деревянный дом вместе с садом был отделен от основного участка. Дом в Перекупном переулке выкупил А. И. Путилов, директор Азовского банка.

Когда военная суматоха 1915–1916 гг. достигла российской столицы, многие петербуржцы, опасаясь беспорядков, попытались, как и

в революционные дни 1905–1907 гг., уехать на время в Финляндию или в прибалтийские провинции.

Рассчитывая не появляться в столице до тех пор, пока не станет возможным выезд из России, Шмидты поселились в Великом княжестве Финляндском. Они устроились на северной оконечности озера Ряттиярви (ныне Большое Цветочное), в просторной вилле на Сайменском канале у шлюза Лиетярви (ныне Илистое озеро). В этой живописной местности с давних пор отдыхали высшие слои петербургского общества. Стояло лето 1917 года. Эти месяцы остались в памяти моей мамы. Она рассказывала о лесах и озерах, о неторопливо плывущих мимо судах, капитаны которых должны были быть, по ее мнению, счастливейшими людьми — так считала тогда десятилетняя девочка: ведь нет ничего прекраснее, чем плыть на пароходе по озерам и каналам Финляндии. В то время она даже мечтала выйти замуж за капитана одного из таких пароходов! Купание, рыбалка, поездки на велосипедах до порогов Иматры утешили на время семью, потерявшую дом. Но скоро обстановка резко изменилась.

Когда лето закончилось, желанные гости из Петербурга стали обременительны. Появились проблемы с продовольствием: продукты начали выдавать по карточкам. В конце концов лицам, не являющимся гражданами Финляндии, было отказано в выдаче продуктовых карточек. Осенью 1917 года семейство Шмидтов возвратилось в Павловск, в свой Деревянный дом. С грустью смотрели дети на стоявшую неподалеку родную виллу, в которой теперь жили чужие люди.

На зиму 1917/18 года Шмидты решили переехать из Павловска в город — они опасались нападений. Дом в Павловске оставили под надзор дворника. Маклер по продаже недвижимости Закгейм предоставил Шмидтам свою квартиру, которая находилась неподалеку от Театральной площади, сам же он пытался отправить жену и дочь в безопасное место на Кавказ. Здесь Шмидты пережили тревожное время революции. Дети продолжали учебу в школе реформатской общины. Даже девочки Маргот и Ольга, которые прежде обучались на дому, стали ходить в школу вместе с братьями Гансом и Эриком. Ольга именно здесь завершила учебный 1917/18 год, причем получила по всем предметам хорошие оценки, а по поведению и прилежанию — отличные. Свидетельство на русском языке было выдано на специальном бланке под заголовком: «Женская гимназия при Реформатских церквях в Петрограде».

Сохранилось и другое свидетельство—о переводе Ольги в следующий класс, но на немецком языке, выданное тогда же, 17 августа 1918 года, и в той же гимназии. Оба документа подписаны председателем педагогического совета.

Дошли до нас и отрывки из воспоминаний о тех днях. Кое-какие записи сделал сам Карл Шмидт: «Поскольку для того, чтобы попасть в театр, нам нужно было всего лишь перейти улицу, то время от времени мы посещали оперу. Несмотря на то, что революция была в самом разгаре, театральные представления продолжались. Каков же был контраст, когда однажды после прекрасной оперы мы вышли из театра и услышали ожесточенный треск пулеметов, доносившийся со всех сторон». Это были очень напряженные дни. Опасаясь взломщиков, Карл Шмидт, как и многие другие жители, по ночам охранял свой дом. Парадные были забаррикадированы. К счастью, Шмидты не подверглись обыскам. В подвалах соседних домов специально уничтожали запасы вина, чтобы алкоголь не попал в плохие руки. «В банках счета всех клиентов заморозили, разрешалось снимать лишь по 750 рублей ежедневно, этой малости нам хватало лишь на покрытие расходов одного дня. Поэтому в банк приходилось ездить ежедневно и проводить там по несколько часов в длинной очереди перед кассой,— пишет Карл Шмидт.—Во время ревизии сейфов банка была конфискована моя коллекция российских золотых и платиновых монет. Собственно говоря, это было нелегально, поскольку по закону подлежали конфискации только золотые монеты, бывшие в обращении. Я даже имел расписку, по которой в полиции должен был получить монеты назад. Но там на меня посмотрели с издевательской ухмылкой и, естественно, монет я больше не видел».

В конце 1917 года у Карла Шмидта состоялась встреча с Карлом Фаберже: «Я встретился с ним в торговом зале фирмы, и он передал мне невзрачный пакет, завернутый в старые газеты и перевязанный толстой веревкой. Он попросил меня положить его, по возможности, отдельно от всего другого, но так, чтобы он не бросался в глаза, и сохранить до времени в моей квартире. Пакет пролежал всю зиму на моем письменном столе. Когда весной мы выезжали из квартиры, я вернул хозяину пакет и узнал, что в нем были завернуты бриллианты и драгоценные камни на сумму в миллион рублей. Таким образом Фаберже надеялся спасти ценности от обысков и конфискаций. Возрастающая инфляция вынуждала многих людей вложить свои деньги

в украшения, но сами ювелиры не знали, что им делать с вырученными деньгами. Фаберже спросил, не могу ли я подыскать для него какую-нибудь недвижимость. Я узнал, что он купил за 4 миллиона рублей большой жилой комплекс на Невском проспекте, принадлежавший прежде католической церкви. Но все это оказалось напрасным, скоро и вся недвижимость оказалась государственной, или, как это тогда называлось, была национализирована».

«Когда нам разрешат выезд?»

После того, как 3 марта 1918 года между Германией и Советской Россией был подписан мирный договор, имперским немцам, то есть гражданам с немецким гражданством, было официально позволено выехать из России в Германию.

Карл Фаберже оставался в Петрограде до лета 1918 года, затем выехал с женой Августой на ее родину — в Ригу. После отступления немецких войск из Прибалтики им пришлось уехать. Дорога их лежала через Франкфурт-на-Майне, Гомбург и Висбаден. Наконец в 1920 году вместе с внуком Петей они добрались до Лозанны в Швейцарии. Только здесь владелец ювелирной фирмы получил возможность прийти в себя. Однако, как вспоминал в 1937 году его сын Евгений, в чужой стране отец страдал от вынужденной бездеятельности. Спустя несколько недель жизненные силы его оставили, и он скончался.

На 84-м году жизни померанский инженер Карл Фридрих Шмидт покинул страну, где прожил больше полувека. Его сопровождали дочь Лонни с внучкой Хельгой. Сын его, Карл Шмидт, тоже хотел воспользоваться официальным разрешением на выезд, но поскольку он обладал еще и российским гражданством, то немецкое посольство в Петрограде потребовало доказательств, что он, Карл Шмидт, как российский подданный не был лишен немецкого гражданства. Этот запрос нужно было в письменном виде представить в административный округ Штральзунд в Передней Померании, а ответ на него должен был оттуда поступить в посольство Германии в Петрограде. На эту процедуру — достаточно представить себе ситуацию ранней весны 1918 года в северо-восточной Европе! — ушли весна и лето 1918 года. Оставалось только ждать, уповая на положительный ответ.

В эти тоскливые месяцы Шмидты стали чаще видаться с семьей Гельдербломов — пастором Эрнстом и его женой. Больше тридцати

лет он был пастором реформатской церкви Санкт-Петербурга. Он знал Карла Шмидта уже много лет. Шмидт строил здание школы для его прихода. Гонорар за тот заказ Карл Шмидт перевел комитету евангелического полевого лазарета. Комитет, основанный во время русско-турецкой войны 1878 года, заботился о нуждах родственников погибших. В мирное время комитет прежде всего опекал поволжских немцев, страдавших от голода из-за неурожая.

В те дни, когда повсюду царил хаос и жизнь каждого человека находилась в опасности, супружеские пары Шмидтов и Гельдербломов старались поддерживать друг друга. Не в последнюю очередь их связывали общие музыкальные интересы. «Он, пастор Гельдерблом, очень хорошо играл на скрипке, а Эрика сопровождала его игру на фортепиано. Он был большим поклонником Баха и нашел в нас единомышленников. Гостеприимная пасторша заботилась о гостях, как могла, хотя приемы, по понятным причинам, были очень скромными. Музицировали по очереди — то у нас, то у пастора», — вспоминал Карл Шмидт. Естественно, обсуждали ситуацию на фронтах, шансы немцев на победу. Пастор все еще надеялся, что победит Германия. Затрагивались и другие темы: «Во время одной из встреч Гельдерблом предложил мне спрятать ценные почтовые знаки в сводах его церкви. Он показал мне маленькое помещение наверху, в одной из круглых башенок с задней стороны храма. Дверь в эту маленькую комнатку была скрыта тяжелым железным шкафом». Никто не мог догадаться, что за ним находится помещение. «Туда я постепенно перенес из сейфа банка всю коллекцию земских марок, которая благодаря этому избежала конфискации и впоследствии была передана в Берлинский музей почты. Сейчас она украшает собрание музея».

Пастору Гельдерблomu и его семье удалось покинуть Россию еще до отъезда Шмидтов. В Германии они встретились и поддерживали отношения до тех пор, пока в 1923 году пастор не принял приглашение возглавить реформатскую общину в Риге.

Дорога в Германию

После заключения мирного договора в Петроград из Германии прибыла комиссия, которая должна была попытаться спасти частную собственность лиц, имевших немецкое подданство. Но все предпринятые ею шаги остались безуспешными. У Шмидтов пропали все ценности.

Месяц за месяцем ожидала семья ответа из Штральзунда. Вдруг оба старших сына, Ганс и Эрик, получили повестки о призыве в ряды Красной армии, чему они решительно воспротивились. Карл Шмидт известил немецкого консула о создавшейся ситуации и решительно предостерег его от возможных последствий, указав на ответственность, которую понесет немецкий представитель, если оба сына будут принудительно отправлены в армию. Возможно, это вмешательство подействовало, поскольку именно после него Шмидты наконец-то получили разрешение на выезд из России.

Карл Шмидт подробно описывает и подготовку к отъезду, и сам отъезд. Сначала они добирались до Пскова, тогдашней пограничной станции. В описаниях этих нашла отражение отчаянная решимость сделать далеко не легкий шаг, в них сквозит грусть и печаль: «...я должен был оставить все, что наработал и что впоследствии должно было перейти в собственность нашим детям. Не только нашу прекрасную виллу с садом в Павловске, наш летний домик на побережье Финляндии, но также мое недвижимое имущество — доходный дом в Перекупном переулке, который мог бы обеспечить нашим детям стабильный достаток на всю жизнь». Но ситуация катастрофически изменилась, а будущее покрылось мраком неизвестности.

Наконец, 19 августа 1918 года из немецкого посольства пришло разрешение на въезд в балтийские провинции, в которых еще дислоцировались части германской армии, а советские чиновники, со своей стороны, разрешили выезд из страны. Позволялось взять с собой около 50 килограммов багажа на каждого человека. 27 августа 1918 года Шмидты покинули Петроград.

В воспоминаниях о последних днях в России говорилось и о голоде 1917–1918 годов. Даже сегодня моя мама вспоминает об «очень дорогом подарке», который каждый из детей получил на прощание от оставшихся в России родственников: маленькую серенькую булочку!

Карл и Эрик Шмидты. 1918

Маргот, Ольга, Норман и Эрика Шмидты. 1918

Этот тяжелый опыт в дальнейшем помог им переносить нелегкие времена. Так они познали разлуку с членами семьи, с любимыми друзьями.

Путешествие осложнялось бесчисленными формальностями, досмотрами багажа и людей, вокзальными беспорядками и хаосом в товарном поезде, забитом до отказа. В Пскове досмотр повторили уже немецкие военные чиновники. Затем Шмидты прибыли в переселенческий лагерь «Германия», где встретили некоторых знакомых: павловского и царскосельского пастора Беермана с семьей, врача Добберта из Попечительского совета Александринского женского приюта и других.

Следующим пунктом, где оказались Шмидты, стало имение Тамменгоф под Дерптом, в 20 км от станции Эльва. С этим местом связаны живые воспоминания у всех членов семьи. Вальтер Иоганзен, брат Эрики Шмидт, арендовал имение еще несколько лет назад и теперь предложил родственникам и стол и кров перед тем, как они отправятся дальше. Шмидты рассчитывали на короткую остановку, но совершенно неожиданно это посещение затянулось.

Усадьба располагалась в низине холмистой местности, и ее не было видно с наезженных дорог. Как вскоре выяснилось, это было большим преимуществом. Еще не наступил мир, война здесь продолжалась. В балтийских провинциях находились немецкие войска. Германия отозвала их из этого региона, только когда с западными державами был заключен договор о перемирии. Но спокойней не стало. В течение поздней осени и зимы 1918/19 года по окрестностям блуждали вооруженные банды, члены которых иногда сами не понимали, кому

они принадлежат — красным, белым или вообще некоей третьей силе. Жителям прилегающих имений бывало нелегко сориентироваться в такой обстановке. Как и во всех войнах, мирные жители становились легкой добычей для мародеров. Ситуацию усугубляло и то, что из-за многолетней войны у солдат прервалась связь с нормальной жизнью и с родным краем. Проживающих в усадьбе неоднократно «навещали» вооруженные люди, но, к счастью, ничего драматического не произошло, тогда как в соседних имениях случалось всякое. Тем не менее опасность, постоянно витавшая в воздухе, стоила обитателям поместья многих бессонных ночей и нервного напряжения.

Шмидты ожидали разрешения на въезд в Германию. Теперь, когда по крайней мере географически Германия стала значительно ближе, они рассчитывали быстрее получить положительный ответ. О посещении детьми школы нечего было и думать. Школьные учебники при отъезде с собой не взяли, так как все надеялись на скорое прибытие в Германию. Поэтому во время импровизированных занятий с детьми, и в первую очередь с тремя младшими — Маргот, Ольгой и Норманом, мама Эрика пользовалась книгами, которые имелись в доме брата. Пригодился и краткий энциклопедический словарь, который случайно захватили с собой при сборах. Девочка Ольга увлеченно читала в эти дни, как потом сама мне рассказывала, роман Густава Фрейтага из его знаменитого цикла «Предки».

Отец неоднократно ездил в Дерпт, не только в германское консульство, чтобы узнавать о состоянии их дела, но и к врачу — сын Эрик тяжело заболел ревматизмом. Чтобы хоть немного снять внутреннее напряжение, Карл Шмидт занялся рисованием: «Я взял с собой temperные краски и старался по-настоящему много работать, максимально используя свободное время, и делал это до тех пор, пока не наступила зима и работа на открытом воздухе стала невозможна». Сохранившиеся работы передают настроение тех дней.

Наконец пришел ответ из соответствующего ведомства в Штеттине, датированный 12 февраля 1919 года. Проживавший к тому времени в Штральзунде пожилой Карл Фридрих Шмидт обратился за помощью к адвокату д-ру Лангемарку. Долгожданное письмо было лаконичным: «Господину советнику юстиции д-ру Лангемарку в Штральзунд. На письмо от 23 декабря 1918 г. сообщаю Вам, что мы не располагаем никакими документами, которые бы подтверждали выход архитектора Карла Шмидта из рядов имперских немцев». Карл Шмидт проком-

ментировал: «И эту бумагу мы должны были ждать десять месяцев». Семья получила это сообщение ранней весной 1919 года.

Сразу возникла новая проблема: каким путем отправиться в Германию? В то время о передвижении поездом нечего было и думать. Железнодорожное сообщение в Латвии практически прекратилось, так как страна находилась в состоянии войны с Эстонией. Польша была охвачена восстаниями. Оставался лишь путь по морю. В самом начале июня 1919 года в германском консульстве в Дерпте стало известно, что в Ревель прибудет пароход с бывшими эстонскими военнопленными, а 9 июня он отправится назад, в Германию.

Шмидты сразу отправились в Ревель. Они надеялись, что томительное время ожидания подошло к концу. В Ревеле, в доме мужа сестры Эрики Шмидт, адвоката Фридриха Штильмарка, они планировали провести несколько дней до отправки парохода. Но и тут все вышло не так, как ожидалось. Прошли недели, прежде чем пароход прибыл в гавань. И Балтийское море, и прибрежные города и поселки всё еще продолжали оставаться ареной военных действий. Страстно ожидаемый корабль «Вавилон» бросил якорь в Ревеле только 14 июля.

Пароход с красивым названием, плывущий под немецким флагом, был переоборудован из грузового судна для перевозки угля. Кают в нем не было, и деревянные лестницы вели прямо в трюм. Стружка, устилавшая пол, не только сильно спрессовалась после недельного рейса с семьями уставшими от войны эстонцами на борту, но и кишела «безбилетными пассажирами» — насекомыми. О дезинфекции нечего было и думать. Капитан настаивал на спешном отбытии. После того как все пассажиры оказались на борту, корабль тут же отправился в обратный путь. Целых шесть дней (вместо запланированных двух с половиной) длилось плавание. Основательно запастись продуктами в Эстонии не представлялось возможным — в стране царил голод. Съестное стали экономить уже через два дня. Дальше становилось все тяжелее. Капитан попытался причалить к гаваням Либавы (Лиепай) и Данцига (Гданьска), чтобы запастись питьевой водой и хлебом, но ему помешали военные корабли англичан. Пассажирам угрожали не только жажда, голод и высокие волны, но и мины. Чтобы не беспокоить пассажиров, капитан попросту ничего не сказал им о том, что Балтийское море до сих пор заминировано. Во время плавания Карл Шмидт неоднократно наблюдал, как подрывались на минах другие пароходы. Опытный же капитан «Вавилона» умело маневрировал в опасной зоне.

Через шесть дней корабль достиг гавани Свинемюнде. Встречают ли их? В гавани Данцига, к которой они пытались подплыть ранее, пассажиры видели на берегу большое скопление народа, а это означало, что их ждали и подготовились к их приему должным образом. И вот, наконец «Вавилон» причалил в Свинемюнде. И здесь на берегу собралось множество людей, многие из которых встречали родственников и знакомых. Был солнечный воскресный день. «Чтобы порадовать нас, подготовили целую машину с бутылками лимонада и сельтерской воды, и даже огромное количество сигарет. Но о том, чего просили наши голодные желудки,—о хлебе—никто не подумал. Поскольку все булочные по воскресеньям были закрыты, никто не мог достать для нас и кусочка хлеба».

На родине отца

Семья Шмидта решила сначала поехать в Анклам, родной город отца Карла. До отъезда из Тамменгофа в июне 1919 г. пришло печальное известие о том, что их дедушка, Карл Фридрих, в марте этого года скончался. Свидеться им было не суждено. Тем не менее Карл и Эрика решили сначала посетить город предков. Вечером 20 июля 1919 года Шмидты прибыли в Анклам. После того как они устроились в гостинице «Золотой виноград», Карл Шмидт отправился к пастору церкви Св. Николая и вкратце рассказал ему о нуждах вновь прибывающих в Германию. Священник принял его достаточно холодно, «возможно, из-за опасения, что я буду просить его о помощи». Встреча оказалась безрезультатной.

Что же будет дальше? Маленький городок Анклам не мог предоставить ни возможностей для образования детей, ни шансов для архитектора продолжать профессиональную деятельность. Поэтому Шмидты отправились дальше. Еще будучи в Тамменгофе, они думали, что, возможно, город Йена будет подходящим местом. Решающую роль при этом сыграли не только богатый традициями университет и хорошая репутация гимназий, но и привлекательный тюрингский ландшафт. Казалось, семья снова сможет обрести здесь покой. Поначалу все складывалось благополучно. Шмидты нашли жилье. Родители были довольны гимназией и университетом.

Стояла осень 1919 года. В ноябре Шмидты узнали, что с молотка продается вилла на Хильгенфельдвег, 18, которую в свое время построил для своего сына, профессора Йенского университета, знаме-

нитый автор путеводителей Карл Бедекер. Профессор погиб на войне, и теперь семья продавала дом. Архитектор Карл Шмидт и его жена не смогли устоять и, не раздумывая, приобрели виллу на аукционе.

Я нередко спрашиваю себя, зачем Шмидты пошли на такой рискованный шаг? Может быть, причиной была твердая вера в правовые гарантии немецкого государства: граничащая с уверенностью надежда на какое-либо «возмещение» со стороны Германии, благодаря которому можно было бы создать основу для новой жизни? Мне кажется, что дедушка с бабушкой с самого момента прибытия в Германию надеялись на то, что очень скоро смогут продолжить тот же самый образ жизни, который они вели в чудесном Павловске до революции. Пока что семья могла существовать лишь за счет продажи редких почтовых марок. Шмидт описывает покупку виллы на Хильгенфельдwege следующим образом:

«Вначале мы сомневались, возможно ли будет выкупить этот великолепный объект (во время первого посещения вилла произвела на нас глубокое впечатление), затем меня охватило сомнение другого рода — смогу ли я собрать необходимую для выкупа сумму за счет продажи моих марок? Прямо на следующий день, отягощенный раздумьями, я отправился в Берлин к господину Ленцу, моему давнему

Йена. Хильгенфельдwege, 18

знакомому и секретарю нашего объединения филателистов в Санкт-Петербурге, чтобы посоветоваться с ним. Когда он увидел мои марки, то сразу заверил, что они, как и банковские чеки, подлежат выкупу в любое время. Мои великолепные экземпляры были раскуплены в момент, так что, вернувшись, я не только заплатил требуемую сумму, но и смог сразу приобрести необходимую мебель и предметы домашнего обихода».

Прошли два относительно спокойных года в ожидании счастливого выхода из пока не прояснявшегося положения. «Вначале я пробовал утвердиться в своей профессиональной области, но шанс получить строительные заказы был слишком мал», — констатировал Карл Шмидт. После окончания войны в Германии вообще очень мало строили, с другой стороны, приезшему архитектору не хватало связей и знакомств, подобных тем, какие были у него в Санкт-Петербурге. Поэтому он полностью сосредоточился на участии в объявляемых время от времени конкурсах. Его проект на строительство рабочего поселка для завода Шотта (стекольный завод в Йене) был представлен к продаже и куплен за 1250 марок. Следующий проект Шмидт представил на конкурс постройки пяти музеев в Дрездене, но, вопреки ожиданиям, победил конкурент.

После стольких тревожных лет супруги, естественно, стремились к разумной и интересной деятельности. Пользуясь близостью университета, они посещали доклады, чтения, концерты. Отыскались приехавшие в Германию друзья и родственники из России, да и дети привносили в жизнь родителей веяния нового времени. С воодушевлением была воспринята родителями и старшими сыновьями деятельность молодежного движения «Вандерфегель», которое распространилось именно в послевоенное время и на тюрингскую область — вылазки молодых людей на природу в окрестные Тюрингские горы с пением у костра и чтением романтической литературы. Карл Шмидт вспоминал о своих увлечениях: «По моей инициативе Общество филателистов Йены было преобразовано в секцию „Йена“ Международного филателистического общества Дрездена. Из-за больших утрат в моей коллекции я хотел прекратить собирание марок,* а также вступил в Энтомологическое общество, серьезно подумывая о том, чтобы снова посвятить себя старому страстному увлечению — коллекционированию

* Немалая часть его коллекции земских почтовых марок находилась еще в Петрограде.— Э. Ф.

бабочек и жуков». Позже, в Берлине, когда Шмидт уже больше не мог заниматься увлечением времен своего детства, он передал коллекцию бабочек — 34 ящика — в Филетический музей Йены, поскольку экземпляры относились к фауне той местности. Профессор Людвиг Герман Плате, который по счастливой случайности был не только коллегой Германа Иоганзена из Томска, но и оказался с ним знаком, принял дар с благодарностью, а над переданной коллекцией был вывешен портрет дарителя. Но это было уже в 1933 году.

Алина Казанская

Дочери Маргот и Ольга снова начали посещать гимназию. Пошел в школу и младший Норман. Оба старших сына, Ганс и Эрик, продолжили занятия в университете. Семья терпеливо дожидалась обещанного немецким правительством денежного возмещения за потери, понесенные в России из-за войны. С помощью этих денег Шмидты надеялись вернуться к прежнему достатку. В 1920 году в Германию со своей семьей перебралась Лили Штильмарк, сестра Эрики. Брат Герман Иоганзен остался с семьей в Томске. Еще в молодости он решил посвятить себя естествознанию и теперь был занят научной работой в Томском университете. Он участвовал в различных исследованиях, экспедициях, а также первым, во всяком случае в Сибири, занялся кольцеванием птиц. Сестра Алина с сыном Борисом и дочерью Маргаритой также жили в Сибири.

Алина вышла замуж в 1897 году, в один день с Эрикой, и последовала за своим мужем Григорием Казанским, врачом Генерального штаба армии, в Сибирь. В Тюмени и Кузнецке, где служил доктор, семья Казанских принадлежала к высшим кругам местного общества. Алина работала в школе, проводила культурные мероприятия. Будучи одаренной пианисткой, во время Первой мировой войны она давала благотворительные концерты в пользу раненых.

Григорий Казанский тогда возглавлял военный лазарет в Тюмени. Когда до Сибири докатилась Гражданская война, он заболел и вскоре после того, в 1919 году, скончался. Семья присоединилась к отступающим войскам, которые продвигались на восток к Иркутску. В тех городах, где они останавливались, Алина зарабатывала на пропитание уроками игры на фортепиано. Дочь Маргарита начала было в 1917 году учебу в Москве, но уже вскоре вернулась к матери и брату в Тюмень. Младший сын Борис учился в школе.

Семья Германа Иоганзена.
1900

Алина поддерживала постоянную связь с братом Германом Иоганзеном и его семьей. Однако в это беспокойное время каждому приходилось решать свои проблемы самому. Связи с родственниками в Германии фактически не было, при тех обстоятельствах это было просто невозможно.

И все же Эрика и Карл, с трудом избежав опасностей и найдя приют в Тюрингии, беспокоились за судьбу Алины. Различные слухи, которые печатали немецкие газеты, лишь усиливали страх за жизнь родственников в далекой Сибири.

Карл Шмидт с беспокойством писал сыну Эрику: «Ради тети Алины я привел в движение все мыслимые рычаги, мне ее очень жаль, и я очень хотел бы ей помочь. Но пока я даже не могу представить, как она смогла бы оттуда выбраться. Путешествие в Европу через Владивосток и Японию стоит немыслимо — 100 000 марок на человека, к тому же пробраться на Запад можно лишь с известной долей авантюризма в одиночку, но никак не женщине с двумя детьми... Но помочь необходимо; если уж Алина жалуется, значит, дела совсем плохи».

Надеясь на скорое получение обещанного денежного возмещения, Карл Шмидт послал через японское консульство в Иркутске приглашение в Германию для Алины и ее детей. Карл заверил в письме, что необходимые на дорогу до Германии деньги будут лежать в немецком посольстве в Москве. Шел 1922 год. В далекой Сибири приглашение в Германию восприняли как гарантию предоставления им жилья и работы. Тем не менее для Казанских это был рискованный шаг. Они отважились на него и тем самым, вероятно, избежали худшей судьбы. Однако рана осталась на всю жизнь...

В конце концов Алина с детьми через Йену добралась до Праги, где, как вспоминала Маргарита, им обещали помочь чешские скрипачи Цибулько и Зейдль. Во время Первой мировой войны они воевали на немецкой стороне, в конце 1914 года попали в русский плен и были высланы в Тюмень. В городе для музыкантов нашлась работа.

18 января 1915 года городское благотворительное общество — Тюменский отдел союза повсеместной помощи воинам и их семьям — организовало концерт. Вырученные от продажи билетов деньги предназначались для участников войны и их семей. В тот день в программе стояли 5-я и 7-я сонаты Бетховена и знаменитая Крейцера соната. Исполнителями были В. А. Цибулько (скрипка) и Алина Казанская (фортепиано). Афиша этого концерта сохранилась до нашего времени. Маргарита очень хорошо

ТЮМЕНСКИЙ ПРИКАЗЧИЧИЙ КЛУБЪ.

Программа:

Программа:

ВЪ ПОЛЬЗУ

Тюменскаго Отдѣла союза повсемѣстной помощи воинамъ и ихъ семьямъ

ВЪ ВОСКРЕСЕНІЕ 18го ЯНВАРЯ 1915 ГОДА.

СОСТОИТСЯ

СОНАТНЫЙ ВЕЧЕРЪ

для любителей классической музыки.

I. Бетховенъ. Соната № 5 (Весенняя).

- a) Allegro
- b) Adagio molto espressione
- c) Scherzo
- d) Rondo

II. Бетховенъ. Соната № 7, посвященная Императору Александру I.

- a) Allegro con brio
- b) Adagio cantabile
- c) Scherzo
- d) Finale

III. Бетховенъ. Соната № 9 (Крейцера).

- a) Adagio sostenuto-Treble
- b) Andante con Variazioni (4 Вариации).
- c) Finale. Presto (Тофателла).

Исполнители: Скрипка В. А. ЦИБУЛКО,
Роль А. З. КАЗАНСКАЯ.

Начало ровно въ 8 часовъ вечера.

Программа благотворительного концерта, на котором выступала Алина Казанская

Алина Казанская. 1935

запомнила это событие. В первые годы войны военнопленным славянского происхождения разрешалось жить за пределами лагеря и общаться с семьями россиян. Когда после окончания военных действий скрипачи возвращались на родину, они оставили семье Казанских свой адрес. И вот теперь, в 1922 году, появилась возможность переехать в Прагу. Маленькой семье Алины удалось там обосноваться.

Тетя Алина, как мы, дети, ее называли, была очень ласкова и добра. У нее были белые как снег волосы. До войны она часто приезжала к нам в гости из Праги. В 1956 году — еще студенткой — я посетила коммунальную квартиру, где она жила с сыном Борисом и внуком Игорем. Тогда я впервые увидела жизнь в «ком-

муналке». В последний раз я встретилась с ней в июле 1960 года в Праге. Из воспоминаний, которые написала ее дочь Маргарита в почти 90-летнем возрасте, я узнала, каким лишениям подвергались люди, отвергнутые родиной в результате потрясений XX столетия.

Нелегкие дни

Итак, Алина с детьми переехала из Сибири в Прагу, где им пришлось привыкать к новой жизни. Карлу Шмидту в свою очередь приходилось считаться с реалиями послевоенной Германии. Университетский город Йена не смог предоставить архитектору даже в перспективе надежду на постоянный заработок или иной доход. Напрасно пробовал он завязать знакомства в Дрездене и Лейпциге. Вилла в Йене лишь на короткое время предоставила Шмидтам передышку, хотя навсегда осталась в самых светлых воспоминаниях семьи.

Жизнь в потрясенной кризисами послевоенной Германии становилась все дороже: «Постепенно я все больше убеждался в том, что не смогу найти ни работы, ни заработка по профессии архитектора, и поэтому начал пробовать силы в других сферах деятельности». Шмидт неоднократно ездил в Берлин, надеясь получить работу на предприятии, выпускающем типографское оборудование. Спустя несколько месяцев он жаловался в письме другу Эрнсту на финансовую депрессию, охватившую страну. «Все вокруг пришло в упадок»,— сетовал он.

Я хорошо помню дедушку, ведь мы жили рядом, в каких-нибудь пяти минутах ходьбы. Иногда бабушка с дедушкой приходили к нам, но чаще мы, дети, бывали у них. Бабушка уделяла нам много внимания: по вечерам рассказывала о звездах на небе, читала стихи и привила нам любовь к литературе. Она очень много с нами разговаривала. Дедушка был для нас больше объектом глубокого почитания, но, несмотря на это, мы запомнили его добрым, приветливым, сердечным, любившим пошутить. Дедушка был всегда занят. Обычно он, сидя за письменным столом, рассматривал марки или читал книги. Дедушка с бабушкой излучали некую естественную гармонию, и лишь много лет спустя я узнала об их лучших временах в России и о разочарованиях, которые постигли их впоследствии. Обмениваясь воспоминаниями, мы, потомки, обнаружили, что никогда не слышали от бабушки с дедушкой ни жалобы, ни сожаления об утрате достигнутого в «прошлой жизни» материального достатка и общественного признания.

Лишь из писем, которые Карл Шмидт писал другу своей юности Эрнсту, мне стало ясно, какие огромные трудности испытывал в Германии некогда успешный в России архитектор. Сведения о конкретных ситуациях, почерпнутые из писем, дополняют его воспоминания, хотя автор и здесь не касается многих драматических эпизодов своей жизни. Из этих писем я узнала о тяжелом, подчас катастрофическом, финансовом положении, в котором пребывали тогда Шмидты.

Особенно четко представляется денежная ситуация семьи в одном из писем сына Эрика отцу в Берлин: «В четверг я купил два центнера картофеля за 50 миллионов марок. За то, что я заплатил за свет на два дня позже, с меня вместо 16 взяли 64 миллиарда марок, тем самым ушел один из имевшихся у нас долларов». Здесь речь идет о нескольких долларах, которые Шмидты получили от родственника, служившего в Балтийском дипломатическом корпусе. Поскольку Карл Шмидт занимался поисками работы в Берлине, то ведение домашнего

хозяйства в Йене взял на себя Эрик. Далее Эрик сообщает отцу: «Четвертый доллар я продал с выгодой для себя, так что смог купить сахар и другие необходимые продукты. Последний доллар остался непроданным, и, кроме того, в нашем распоряжении есть еще несколько миллиардов марок, так что до середины следующей недели мы сможем ими обойтись, если не будет неожиданных расходов».

Разумеется, они были не единственными, кому в те годы было трудно. Но это были мои бабушка и дедушка, и на их судьбе — сначала в России, а позднее и в Германии — отразились все катаклизмы, все взлеты и падения жестокого XX столетия.

Карл и Эрика не сдавались. Как ни тяжело им было расстаться с виллой, они продали ее и сняли квартиру в Берлине. В 1924 году семья снова соединилась. Отец был доволен, ибо холостяцкая жизнь, которую он вынужден был вести последние два года, была не для него.

Наконец-то он мог теперь вместе с женой и детьми регулярно посещать музеи Берлина. Моя мама вспоминала: «По воскресеньям мы плотно завтракали, ибо посещения музеев длились долго и мы не знали, когда вернемся домой — об обеде в ресторане не могло быть и речи. Мы любили экскурсии по воскресеньям с папой, нашим компетентным музейным экскурсоводом».

В марте 1924 года Карл Шмидт сообщает своему другу Эрнсту, что работает в радиоотделе фирмы

Карл Шмидт с сыновьями Норманом, Эриком, Гансом и мужем сестры Эдуардом Виреном в Берлине. 1928

М. О. Гессе, а параллельно делает все возможное, чтобы основать собственное предприятие по выпуску мотоциклов. Уже были найдены заинтересованные инвесторы. Кроме того, вместе с молодым Георгом Ниссеном, знакомым из Санкт-Петербурга, Карл Шмидт выкупил филателистический магазинчик, в котором помимо почтовых марок продавались сигареты. Архитектор упорно искал способ улучшить материальное положение семьи. Но и здесь, в Берлине-Шарлоттенбурге на Нойе-Кантштрассе, 16, новая попытка заработать деньги оказалась неудачной. В июне этого же года Шмидт пишет другу, что часто утром уходит из дома, не будучи в состоянии оставить жене ни одной марки на обед. Казалось, что из-за экономического кризиса, царившего в стране, обанкротились все частные предприятия: «Три последние месяца нет выручки. Дело с магазинчиком, открытым вместе с Ниссеном (сигареты и почтовые знаки), не имеет никакого успеха, марки вообще никто не покупает. Во всей Германии царят бедность, нищета, которая наверняка повлечет за собой еще более ужасные последствия, и никто не знает, чем все это закончится». К счастью, Карлу Шмидту удалось предоставить детям возможность получить фундаментальное образование, ибо их освобождали от платы за учение в гимназиях и высших учебных заведениях. Тем не менее забота о насущном хлебе была постоянной головной болью.

Шмидт отваживается на очередную попытку. В ноябре 1924 года он пишет другу в Париж: «Сейчас я начинаю нечто совершенно новое: вместе с Паулем фон Кюгельгеном, бывшим редактором „Санкт-Петербургской газеты“, я купил кинотеатр в пригороде Берлина... Сам Кюгельген не будет работать, а предоставляет полномочия мужу своей сестры. Я надеюсь, что благодаря этому проекту мы сможем заработать на хлеб насущный. Конечно, мне тяжело ежедневно задерживаться допоздна и вечерами, которые хотелось бы проводить в кругу семьи, находиться в кино либо в пути, так как на дорогу в один конец требуется более часа». Шмидт продолжал тешить себя надеждами, и в первую очередь его волновала судьба детей. Радостно сообщает он другу Эрнсту об успехе старшего сына Ганса: «Неожиданно Ганс протянул мне свой второй докторский диплом, который он получил за большую работу, ничего заранее нам о ней не сказав. Сейчас он не только д-р философии, но и д-р инженерных наук. В этом году он выполнил три большие работы, и третья из них была отмечена призом Высшей технической школы, за что Ганс получил не только медаль

и 300 марок, но и привлек к себе особое внимание, так как с момента возникновения этой Высшей школы награда за достижения в области химии выдавалась впервые».

Эрнст Шуберт был верным другом Шмидтов. Я не застала его в живых и даже не могу сказать, кем он был по профессии. Мы знали только о его тесной связи с дедушкой. Дружба, начавшаяся во время летних каникул в Глазове, продолжалась всю жизнь. Из Петрограда Эрнст Шуберт вместе с женой направился сначала в Финляндию, а затем попробовал устроиться в Париже, но не очень успешно. В 1924 году он писал: «Духовная жизнь исчезла, работаешь, словно на каторге, и все, что зарабатываешь, тут же и тратишь, и при этом нет никакой перспективы на будущее. Годы проходят, силы уменьшаются, и не на кого и не на что опереться. Находясь в таком отчаянном состоянии, лучше вообще ничего не писать...»

Карл Шмидт утешал друга: «Опыт последних лет убедил нас обоих в том, что сами мы не в состоянии обо всем позаботиться и все предусмотреть, потому что находимся в руках высшей силы, которая руководит нашей судьбой. Поэтому я верю, что надо положиться на Бога, который поможет нам всем справиться с тем тяжелым положением, с которым мы вынуждены сейчас мириться. Мы не можем сделать более того, что в наших силах, между тем как заботы и мрачные мысли не только не помогают, но, напротив, подгачивают необходимую энергию в нас самих и в нашем окружении. В конце концов, в критический момент все же найдется выход, и в это надо верить. Мы живем в такое время, когда нельзя загадывать больше, чем на неделю вперед».

Последний раз в родном городе

В начале 1923 года неожиданно пришло важное сообщение из Петрограда. Друг юности Вася Лорек, которому Карл Шмидт когда-то в Глазове помогал наверстывать школьную программу, сообщил: есть возможность продать Деревянный дом в Павловске, но для этого бывший владелец — то есть Карл Шмидт — должен сам приехать в Петроград. Уладив необходимые формальности, Карл Шмидт 11 ноября 1923 года отправился в путь — сначала из Штеттина на пароходе «Обербург-мистр Гакен» в Ревель, а оттуда поездом в Петроград. Друг Лорек встретил его на вокзале и сопровождал в немецкое консульство, куда

заранее сообщил о прибытии Шмидта. Резиденция консула находилась в здании, которое в 1913 году построил для дипломатического представительства Германии в царской России архитектор из Гамбурга Петер Беренс.

Поначалу Шмидт воспользовался приглашением консула остановиться в здании бывшего посольства. «Мне предложили занять элегантно обставленный номер, который до войны явно предоставлялся только высокопоставленным особам. О моем пребывании в здании консульства было сообщено полиции. Однако следующим утром у выхода меня поджидал шпион, который на протяжении двух дней повсюду меня сопровождал». После того Карл Шмидт предпочел перебраться к Лореку. «Меня самым сердечным образом встретили жена и дочь Васи, и я провел у этих милых людей более недели»,—записал Карл Шмидт.

Решить деловые вопросы оказалось сложнее, чем предполагалось. С продажей дома ничего не вышло. После отъезда владельца за рубеж в 1918 году Деревянный дом был национализирован, и теперь для того, чтобы продать его заинтересованному финну, нужно было сначала выкупить дом у государства. Требуемая сумма практически равнялась стоимости, которую предполагалось получить за дом от финна. Таким образом, продажа потеряла всякий смысл. Конечно, это стало большим разочарованием для Карла Шмидта, который

Василий Лорек. 1923

рассчитывал на деньги, необходимые как на обратную дорогу, так и на дальнейшую жизнь. Но у него были и другие дела в родном городе.

Во время работы над этой книгой я часто получала важные дополнения и информацию от моей мамы, о чем уже неоднократно упоминала. Большое впечатление произвел на меня рассказ о зиме 1917/18 года, которую Шмидты, готовясь к отъезду из Петрограда, провели в чужом доме рядом с Театральной площадью. Жили они в большой квартире. Обе девушки — Маргот и Ольга — спали в узкой комнатке с крохотным оконцем. Вдоль одной стены стояли кровати, а напротив находился большой шкаф, который можно было отодвинуть в сторону. За шкафом располагалось помещение без окон. Здесь перед самым отъездом в Германию Карл Шмидт спрятал три больших деревянных ящика, в которые запаковал ценные книги, дорогие платья и меха жены. Сюда же Шмидт положил и семейное столовое серебро, изготовленное в мастерских Фаберже, предварительно завернув его в голубое шерстяное одеяло.

Когда через пять лет, в 1923 году, Карл Шмидт разыскал дом на Театральной площади, семья Закгеймов все еще проживала в этой же квартире. Вася Лорек сопровождал своего друга.

«Благодаря любезной помощи владельца квартиры и моего друга мне удалось вытащить из рухляди накрепко забитые ящики, открыть их и постепенно перенести содержимое в квартиру Лорек, при этом постоянно опасаясь оказаться задержанными на улице с пакетами». Часть вещей Карл Шмидт вынужден был продать, чтобы оплатить обратную дорогу в Германию. Оставшееся он запаковал в небольшие пакеты, которые постепенно перенес в немецкое консульство, откуда они были отправлены курьерской почтой в Берлин, в Министерство иностранных дел.

Еще в Берлине, перед отъездом в Петроград, друзья попросили Карла выполнить в родном городе кое-какие поручения. Одни хотели получить кое-какие предметы из своей бывшей квартиры, другие — семейство Шёнбродов, многие годы соседствовавшее со Шмидтами на побережье в Келломяках, — осведомиться об оставленном рояле и поручить транспортно-экспедиционной фирме доставить его в Германию, на что, по их мнению, можно было получить разрешение. Однако последнее поручение выполнить не удалось: у входа в квартиру дворник предупредил архитектора, что туда въехали «дикие матросы» и

что могут быть «очень большие неприятности», если он попробует войти. На улице Карл Шмидт встретил давних знакомых, внешний вид которых его испугал. По его воспоминаниям, из круга знакомых филателистов он смог навестить только Георгия Романовича Кирхнера, проживавшего в большой пустой квартире, и Агафона Фаберже, которого он разыскал в крохотной квартирке на четвертом этаже дома на набережной Мойки. Агафон проживал здесь с Марией Борзовой и сыном Олегом, родившимся в том же году.

Интересен факт, о котором я узнала из книги М. М. Глейзера «История филателии в Санкт-Петербурге—Петрограде—Ленинграде (1883–1988)», изданной в 1989 году в Москве. В главе «Петроградское общество филателистов (1923)» написано следующее:

«В работе 26-го заседания 22 ноября принял участие приехавший из Берлина К. К. Шмидт. 29 ноября он был избран почетным членом Петроградского общества филателистов». Наверное, он нашел здесь богатый материал для исследований, так как после посещения филателистического общества его «интерес к собиранию марок вырос еще больше».

Обратный путь пролегал по Балтийскому морю. Незадолго до отъезда консул передал Шмидту три толстых пакета, которые тот должен был взять с собой как курьерскую почту для Министерства иностранных дел в Берлине.

На этом описание путешествия заканчивается. Но следует кое-что добавить. В письме Эрнсту Шуберту от 8 марта 1923 года, то есть за полгода до поездки, отчетливо проступает еще одна причина посещения Петрограда: «Сегодня я получил письмо от В. Лорека. Ему удалось надежно спрятать мою рукопись и несколько томов моей филателистической коллекции, чему я был несказанно рад. Особенно приятно поразил тот факт, что оказалась спасена моя незаменимая рукопись, поскольку я уже нашел здесь издателя, готового опубликовать этот большой труд без каких-либо финансовых затрат с моей стороны. Если бы рукопись пропала, то я бы никогда и ничем не смог восполнить этот бесценный труд, и вся работа повисла бы в воздухе. В этом истинная причина моей безмерной радости».

Сообщение, полученное в марте 1923 года, пробудило в нем огромную энергию. Речь шла о том, чтобы как можно скорее заполучить в руки текст большого труда о земских почтовых марках, над которым он несколько лет назад кропотливо работал в Павловске. Об этом

был извещен доктор Герберт Мунк — составитель немецкого филателистического справочника Коля, поддерживавший добрые отношения с Ф. Г. Чучиным, «комиссаром по почтовым маркам» в Москве. Последнего, в свою очередь, знал Карл Шмидт, так как состоял с ним в оживленной переписке в связи с планировавшимся в России изданием его книги о российских земских почтовых знаках. В результате российское представительство в Берлине получило указание незамедлительно предоставить Шмидту визу, чтобы поездка в оба конца по морю была возможной еще до наступления зимы 1923 года.

Свою чудом уцелевшую рукопись Карл Шмидт привез в целостности и сохранности.

Таким образом, вся эта одиссея оказалась не напрасной. В последующие годы Шмидт несколько раз встречался с Агафоном Фаберже в Финляндии и в Берлине. А вот с другом Лореком ему увидаться больше не довелось: в начале тридцатых Шмидты получили сообщение, что Вася Лорек был арестован и пропал без вести в Сибири.

Хотя Карлу Шмидту было очень приятно встретиться с близкими друзьями, у него осталось тягостное впечатление от самого города. Нужда, плохое состояние улиц и домов повсеместно бросались в глаза. Карл Шмидт был очень сдержанным человеком. В своих воспоминаниях он очень кратко описывает, с какими чувствами приехал в город, где родился, и с какими чувствами его покидал. Возможно, ему было слишком тяжело передать увиденное в Санкт-Петербурге, где он провел лучшие годы жизни.

Краткий контакт Карла Шмидта с Министерством иностранных дел в Берлине не повлек за собой никаких последствий для его профессиональной карьеры. Возможно, в результате этой поездки Карл Шмидт получил частичное возмещение от Союза немцев, проживающих за границей, которое на короткое время облегчило ситуацию. Я не могу сказать, каким образом завязалась связь с этим союзом; имеется лишь собственноручно написанная Карлом Шмидтом краткая автобиография, которую в 1926 году затребовала у архитектора «как пионера немецкой нации за рубежом» Прусская государственная библиотека; с тех пор она хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки в Берлине. О дальнейших контактах Шмидта с Союзом немцев мне ничего не известно.

Не могу сказать, встречался ли Карл Шмидт в Петрограде с Марией Вегенер. Окончившая Санкт-Петербургскую консерваторию, Мария еще в Павловске давала уроки пианино Маргот и Ольге. С обеими девочками у нее быстро завязались дружеские отношения. Особенно же любила она редкие часы, когда могла сыграть в четыре руки с Эрикой.

У Марии не было близких родственников в Санкт-Петербурге. У Шмидтов она сразу оценила особую атмосферу, царившую в стенах этого дома, гармонию отношений в семье. Мария ощущала себя частью прочного семейного круга. Но потом наступило лето 1914 года, а затем и горькое расставание в 1918-м. Недавно моя мама снова говорила о Марии. Последний вечер перед отъездом из Петрограда и родители, и дети провели у нее.

Фотография, снятая в те дни, много говорит о настроении собравшихся.

В доме учительницы музыки Марии Вегенер. Сидят за столом по часовой стрелке: Мария Вегенер, Ольга Шмидт, Карин Штильмарк, Августа Хельгрен, Маргот Шмидт, Норман Шмидт, Эрика Шмидт. Стоят слева направо: Эрик Шмидт и Ганс Шмидт. 1918

В воспоминаниях Карла Шмидта имя Марии не упоминается. Лишь несколько ее писем послереволюционных лет достигли адресатов в Германии и сохранились до нашего времени. В них сквозит тоска, о своей повседневной жизни она пишет очень кратко. Но, если уметь читать между строк, из них можно узнать многое.

Летом 1921 года она писала Эрике Шмидт: «У меня все хорошо — я живу прежде всего музыкой, а кроме того, являюсь „студенткой истории искусства“, слушаю очень интересные доклады — у меня прекрасная солнечная комната, в которой я черпаю новые силы для моих подопечных учеников — маленьких и больших». Два года спустя следует очень печальное письмо, которое переправил неофициальным путем в Германию Вася Лорек. После того лишь в 1926 году Эрика Шмидт снова получает весточку, в которой Мария рассказывает о нелегкой жизни: «Мое молчание на сей раз было вынужденным, поскольку одно место в Вашем письме от 1924 года не понравилось нашим хозяевам (!), последовали неприятности — короче, я должна была до самых последних недель молчать. Пожалуйста, не касайтесь этого вопроса в письмах, не стоит. Все объяснится устно при встрече, ибо я твердо убеждена, что Вы однажды нас навестите... Сейчас у меня много уроков. Три раза в неделю я ухожу из дома в 10 часов утра и возвращаюсь лишь в половине десятого вечера. Самое необходимое мы можем себе позволить, между прочим, иногда случаются даже радостные дни, концерты Клемперера, Вагнера и пр... Часть мебели мы были вынуждены продать. Но Ваш старый Бах чудом еще жив и заботливо оберегается...» В последующие годы Эрике Шмидт иногда удавалось неведомыми способами отправлять Марии посылки с фотографиями, своими стихами, а также мукой и сахаром. «На это таможня не слишком обращает внимание, — пишет Мария. — Я полагаю, что книги посылать нельзя, иначе я попросила бы только одну, — Франциску фон Альтенхаузен — более достойного за все эти годы я не читала... У меня все хорошо — во всяком случае лучше, чем у многих моих друзей, которые вынуждены были разделить судьбу крестного отца Эрика.**» А через два месяца она сообщает, что условия ее проживания изменились в худшую сторону и что у нее больше нет своей комнаты. Тем не

* Бюст из пасторского дома в Твери, стоявший в музыкальном салоне павловской виллы Шмидтов на фисгармонии. См. фотографию на с. 83.—Э. Ф.

** Василия Лорека.—Э. Ф.

менее она надеется, что это, возможно, лишь временно, поскольку по сравнению с другими ее положение все еще относительно хорошее.

Последнее письмо, которое Эрика Шмидт получила от Марии, датировано 21 января 1932 года. «Простите, пожалуйста, что я не ответила на Вашу открытку от 29.12.1930, но момент, в который я ее получила, был таким ужасным, как, впрочем, и весь этот год,— целый ряд близких друзей, замечательных людей и ученых, были просто убиты после страшных пыток, не говоря уже о бесчисленном множестве высланных. Наш город полностью опустел. Мне самой пока совершенно невероятным образом удалось выбраться из сложнейших ситуаций целой и невредимой — многим требовались моя помощь и утешение, и жизнь проходила в бесконечных посещениях, но они были необходимы, ибо поддерживали дух в тех, кого коснулись страшные жизненные перипетии. Четыре дня в неделю мое допущенное время было посвящено посещению различных тюрем — и так на протяжении целого года и трех недель! Только сейчас наступило некоторое затишье — мне потребовалась бы много, много дней, чтобы рассказать Вам обо всем, что пришлось в эти дни пережить... Я только что снова собралась с духом, чему главным образом способствовало то обстоятельство, что я добилась наконец собственной комнаты, — и получила в подарок столько любви и дружбы, что смогла даже в эти месяцы — что почти невообразимо в нашей ситуации — два раза в неделю часами играть на фортепиано в четыре руки, к тому же с женщиной, которая очень напоминает Вас.

Моя комната очень маленькая — шесть метров — чудесная мансарда, полная солнца и цветов, с видом на сад с прекрасными старыми деревьями и на нашу полноводную реку... Люди, у которых я живу, очень милы, добры и сердечны, весьма высоко стоят по уровню культуры, а еще здесь есть две старушки, которые так замечательно напоминают о старых временах и наполняют атмосферу дома чем-то очень возвышенным. Я могла бы написать целую книгу, но в моем распоряжении всего один час. Затем письмо должно быть передано в руки тому, кто в целости и сохранности доставит его в Хельсинки. Эта возможность появилась слишком неожиданно, но я очень рада, что могу ею воспользоваться... С нетерпением я буду ждать от Вас открытку. Вы были правы, в данный момент для меня так лучше, хотя я очень хотела бы получить от Вас настоящее письмо. Благодарю Вас еще и за то, что последняя открытка от Вас так хорошо вписалась в нашу нынешнюю ситуацию. Это

было бы целесообразно и в дальнейшем. Я благословляю Вас за каждое зернышко, что Вы мне посылаете — это особенно важно теперь, когда государство считает меня недостойной получать хлебные карточки, что в моих глазах делает мне честь. Потому я совершенно свободна и независима, и если это не повлечет за собой других последствий, таких как принудительная работа или высокие налоги, то я смогу перебиться, ибо хорошие люди были и есть всегда, и, возможно, сейчас их даже больше, чем раньше, то есть доброта стала более истинной...»

В последний декабрьский день 1933 года пришла короткая весточка от Марии: «...Каждый день я вновь и вновь благодарю Вас за Вашу чудесную посылку — Вы не можете себе даже представить, каким благодеянием она была для меня, но поскольку мысли способны творить чудеса, то ничего плохого с Вами не может случиться, потому что я ежедневно желаю Вам всего самого наилучшего! Всего доброго!» Дальнейшая судьба Марии нам неизвестна.

Имперский почтовый музей и Карл Шмидт

Я не хотела бы далее перечислять те тщетные усилия и частые коммерческие неудачи, о которых Карл Шмидт пишет в своих воспоминаниях. Ему бы тоже не понравилось, если бы эти факты стали достоянием общности. Таким он уж был человеком. Без сомнения, он черпал силы и энергию в гармоничных отношениях в семье, в любви к жене, с которой он делил радости и заботы на протяжении почти полувека. А прежняя страсть к коллекционированию почтовых марок служила ему в годы кризиса развлечением и приносила в своем роде признание, которого в Германии он был лишен на профессиональном поприще. Вскоре после прибытия в Йену Карл Шмидт стал искать возможность для завершения своего филателистического труда о земских марках и подготовки его публикации в Германии. Это можно проследить по документу берлинского Имперского почтового музея от 1930 года, в котором есть ссылки на корреспонденцию 1922 и 1923 годов.

1924-й и 1925 годы были посвящены всевозможным попыткам заложить фундамент материального достатка, которые каждый раз завершались финансовыми потерями. Светлым событием, без сомнения, стала поездка в 1925 году в Париж. Шмидт посетил распродажу земских почтовых марок из коллекции Феррари для того, чтобы приобрести их для Агафона Фаберже. Два раза Шмидт посетил Агафона в Финляндии, последний — осенью 1928 года; тогда он воспользовался

приглашением Агафона и принял участие в Первой филателистической выставке Финляндии.

Надежды Карла Шмидта применить в Германии свои знания в области филателии во время Великой депрессии не оправдались. Работа у торговца почтовыми марками Ф. Штока в Берлине закончилась через полгода, и тоже с денежными потерями. Фирма Филиппа Коссака недолго использовала знания специалиста: «...накануне своего отъезда за границу хозяин неожиданно и без всякого повода выставил меня за дверь, не потрудившись дать хоть какое-то объяснение. На этом моя деятельность в качестве эксперта в области филателии завершилась»,— говорится в воспоминаниях Карла Шмидта.

Наконец в Рейхстаге состоялось рассмотрение дела о выплате возмещения за убытки, понесенные немецкими подданными за границей в связи с последствиями войны. Надежды Шмидтов осуществились лишь частично, но они, тем не менее, смогли избежать большой нужды. Безусловно, для Карла Шмидта не было тайной, что нищета, о которой он писал Эрнсту Шуберту несколько лет назад, все еще царила «по всей Германии» и «ужасные последствия» по-прежнему угрожали. Он сам испытал на себе пик экономического кризиса. После всех разочарований, денежных потерь, безуспешных попыток найти работу или основать собственное дело он решил забыть о коммерческих амбициях и полностью посвятить себя завершению труда по филателии.

Основательные размышления и опыт других коллег в области филателии привели Шмидта к той мысли, что его коллекция земских марок сможет сохраниться только в том случае, если будет включена в собрание какого-либо музейного учреждения. Он достаточно хорошо знал рынок почтовых знаков и не понаслышке — психологию коллекционеров. Поэтому он опасался, что если его коллекция, собранная кропотливыми трудами за 45 лет, попадет на аукцион, то очень быстро она рассеется по всему миру. С момента переезда в Германию он настойчиво преследовал цель опубликовать начатый им в Павловске труд, посвященный истории почтового дела в России. Вначале, сразу же по прибытии в Германию, он вел по этому вопросу переговоры с берлинским Имперским почтовым музеем, и на первом этапе все выглядело так, будто музей крайне заинтересован в издании книги. Но времена менялись. Экономический кризис не позволил воплотить этот проект. Карл Шмидт писал по этому поводу: «Поскольку я не смог найти ни издателя, ни спонсора, готового взять на себя расходы по оплате полиграфических работ, и кроме того, закончились провалом переговоры

Манфред фон Буш.

Сфотографирован Ольгой Шмидт для рекламы сигарет по поручению ателье Феннемана. 1930

с Москвой по вопросу издания моего труда на русском языке, то я решил сам напечатать работу на кальке, чтобы после размножить на стеклографе. Эту работу взял на себя мой зять Манфред фон Буш.

Первый выпуск вышел в свет летом 1930 года, восьмой и последний — в августе 1931 года. Несмотря на примитивное внешнее оформление, маленький тираж в 50 экземпляров был быстро распродан. Неожиданно работа получила самое высокое признание как в Германии, где получила медаль Линденберга, так и за границей, где мне как первому немцу Лондонским королевским филателистическим обществом была присуждена медаль Кроуфорда».

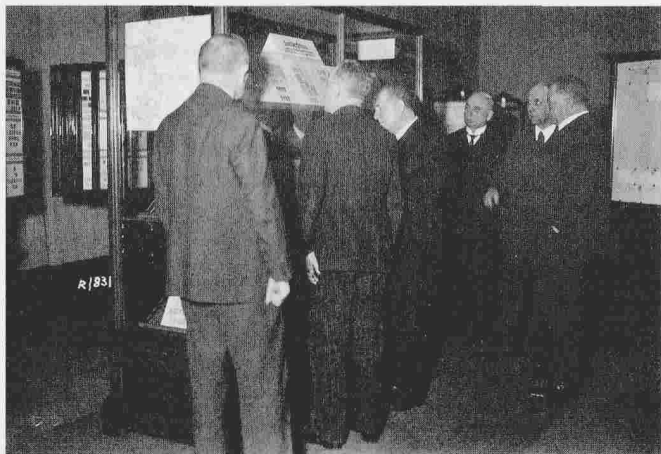
Международное признание, о котором с гордостью упоминает Шмидт, принесло ему глубокое удовлетворение. Наконец, «Большой Шмидт» (под таким названием каталог известен филателистам) был полностью завершен. Между прочим, Карл Шмидт сам отпечатал полный текст обоих томов, по 300 страниц каждый, на портативной немецко-русской печатной машинке.

Передачу коллекции ее владелец связал с обязательным условием: в неизменном составе она будет «сохраняться для пользы и обучения будущих поколений и служить всем коллекционерам этой непростой

области пособием для изучения и сравнительного анализа. Если мне позволено присовокупить к своему дару свое пожелание, то оно состоит в том, чтобы из коллекции ни для каких целей не изымалось ни одного экземпляра». Соглашение, заключенное в декабре 1933 года, включало еще одно условие — составление полного каталога собрания.

Глубина научного анализа двух томов, сопровождающих коллекцию в 18 томах и очерк истории почтового дела в России, впечатляет не меньше самой коллекции. Официальная презентация некоторых редких экземпляров марок состоялась 11 апреля 1934 года. Присутствовало руководство Почтового министерства и самого музея. Самые раритетные марки из коллекции Шмидта были размещены в двух витринах на административном этаже Имперского почтового музея в центре Берлина. Эта выставка стала единственной презентацией коллекции, прошедшей при жизни Карла Шмидта. Только в 1995 году в Берлине нам удалось впервые показать некоторые разделы коллекции заинтересованным филателистам. Выставка проходила в течение четырех недель.

Фотография 1934 года известна мне уже давно, и я часто спрашиваю себя: что могли знать о Карле Шмидте те господа из правящей верхушки имперской почты, что думали они о нем, знаменитом коллекционере из России, когда стояли перед витринами с образцами его коллекции? Само собой разумеется, в воспоминаниях дедушки

Презентация коллекции 11 апреля 1934 года. Карл Шмидт (в центре) с начальством Почтового министерства

об этом нет ни слова. С директором же музея, Альбертом Якобсом, Шмидт многие годы поддерживал хорошие отношения. Якобс высоко ценил познания Шмидта в области филателии.

Руководство почтового музея решило выразить благодарность следующим образом: по заказу Якобса скульптор Карл Даутер изготовил бронзовый бюст Карла Шмидта. Бюст был передан в музей 9 сентября 1937 года. Однако памятная доска и пьедестал пропали в годы войны. На фотографии 1937 года можно прочесть текст: «Карл Шмидт. Даритель большой коллекции российских земских почтовых марок Имперского почтового музея. 1933».

Долгое время потомки Шмидтов оставались в неведении, сохранился ли бюст. Розыски велись в Берлине, Бонне, Висбадене и затем снова в Берлине. Лишь в связи с подготовкой выставки отдельных экспонатов коллекции почтовых знаков в 1995 году в Берлине с помощью настойчивых сотрудниц Берлинского имперского почтового музея удалось разыскать и идентифицировать неповрежденный бюст. В связи с этим я хотела бы выразить благодарность госпоже Ирмгард Краузе и ее коллегам.

Итак, проект по земским знакам был завершен. Директор музея активно поддерживал Шмидта в другом начинании — дело касалось исследования немецких частных почтовых марок. Разумеется, для взыскательного коллекционера анализ не особо ценных марок не был пределом мечтаний, но эта область исследования не требовала больших затрат, и я предполагаю также, что Карл Шмидт тем самым хотел одновременно восполнить пробел в ряду филателистических каталогов и справочников. Таким образом возник «Справочник немецких частных почтовых знаков» в двух томах. Денежная поддержка, которую автор получил от Почтового министерства на публикацию обоих томов, также была реакцией на передачу в 1933 году его коллекции в музей. Сохранилось свидетельство интереса руководства музея к выходу в свет «Справочника»: «...книга освещает важный отрезок истории немецкой почты. Было бы прискорбно, если бы издание этой книги потерпело крах в связи с нехваткой сравнительно незначительной денежной суммы», — говорится в адресованном Карлу Шмидту письме от дирекции музея.

Первый том вышел в свет в 1939 году, еще до начала войны, и обрел своих читателей. Второму тому, выпущенному в 1943 году, выпала иная судьба. Большая часть тиража осталась в доме Шмидтов. Война вступала

*Бюст Карла Шмидта.
Скульптор Карл Даутер.
Фотография 1937 года*

в свои права, Карл с Эрикой, как и многие другие, уехали из Берлина, опасаясь бомбардировок, а после войны людям было не до литературы по филателии.

Вторая мировая война

После всех волнений последних лет Карл и Эрика Шмидты мечтали о созерцательном отдыхе и душевном покое. Коллекция Шмидта была принята Почтовым музеем, и на этом огромная работа по филателии завершилась.

Беспокойная жизнь большого города утомляла Эрику. Супруги узнали, что в пригороде Кляйнмахнов готовился к застройке целый квартал типовых домов. В 1934 году они переселились туда, намереваясь провести там остаток жизни.

Путешествия для бабушки и дедушки были частью желанного созерцательного отдыха — они всё еще живо интересовались другими странами и сокровищами культуры. Они побывали в Граце, где жила Риза, приятельница Карла Шмидта со школьной скамьи.

*Дом Шмидтов в Кляйн-
махнове. Фотография
1981 года*

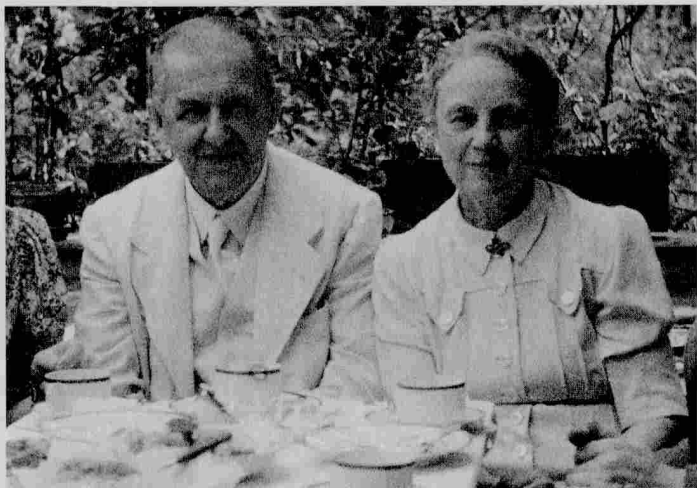
Наброски и картины свидетельствуют и о других поездках. Дедушка никогда не расставался в пути с кисточками и красками. Бабушка Эрика передавала настроения и впечатления в стихах и прозе. Целями их поездок были Балтийское море, Египет, Стамбул.

Тем не менее времена были беспокойные. Эмигрантам часто сложно было понять то, что происходило в те годы вокруг. Эрика, дочь пастора, задумывалась о новых процессах, которые выходили на передний план с начала 1930-х годов. Она сравнивала их с теми течениями, которые господствовали в ее юности. «В то время было столько положительного, столько человеческой доброжелательности, столько широких горизонтов, и при том была настолько спокойная политическая обстановка, что ничто не давало повода для беспокойства. Но, несмотря на это, все подспудно чувствовали, что назревает нечто нехорошее. Я знаю это из собственного опыта,— пишет она в письме сыну Эрику.— И когда наступили великие события и потрясения, стала очевидной мера всеобщего внутреннего разложения». К новым громким воззваниям, которые начиная с 1933 года можно было услышать даже в церковных кругах, она относилась сдержанно: «Дай Бог, чтобы скепсис по отношению к религии исчез и уступил место новой

крепкой вере». Эрике Шмидт было нелегко увязать происходившее с заложенной в детстве верой в Бога.

С большим беспокойством она писала сыну Эрику: «Порой искать Бога мне приходится с большим трудом; в наши дни его действительно трудно найти. Тогда я думаю: как же близок он был тогда, на волжском берегу, когда я выходила из пасторского дома или из церкви и была окружена миром, добротой ко всем людям и музыкой Баха — но сегодня? Иногда он страшен. Сейчас я сказала себе и почувствовала всем естеством: Бог — в послушании, в принятии всего, что суждено пережить...»

Дом в местечке Кляйнмахнов для нас, детей, был источником света, солнца и гармонии. Тем не менее тот факт, что между Германией и Россией вновь разразилась война, вызвал у бабушки с дедушкой горькое чувство. В давние годы они уже пережили всю тяжесть конфронтации между народами, к которым принадлежали: Германия была для них духовно-культурной родиной, Россия — страной их рождения и успеха. В России родились и провели счастливое детство их дети. И вот теперь сыновья Ганс и Норман оказались на восточном фронте и были вынуждены воевать против России. Норман дошел до самого Сталинграда, где «вовремя», незадолго до Сталинградской битвы, был ранен и вернулся домой. Ганс появился дома немногим позже, целым и невредимым.

Карл и Эрика у своего дома в Кляйнмахнове. 1938

Таким образом всем детям Шмидтов и их семьям удалось пережить ужасы войны.

С семейством Бушей, которые тоже родились в Санкт-Петербурге, судьба обошлась более жестоко. Шмидты и Буши хорошо знали друг друга, состояли в родстве и общались между собой. Мой отец, Манфред фон Буш, еще мальчиком в 1907 году был приглашен с родителями в Павловск на крещение Ольги, моей мамы. Как и у Шмидтов, у Бушей было пятеро детей. В Германии обе семьи встретились снова. Когда началась Вторая мировая война, три брата моего отца — Ганс, Гельмут и Арвид — были призваны в немецкую армию и с войны не вернулись. Ганс и Гельмут до сегодняшнего дня считаются пропавшими без вести. Третий брат моего отца, Арвид, в юности, после окончания Анненшуле в Санкт-Петербурге, мечтал плавать по морям. Окончив Морской корпус, он стал офицером. Во время Второй мировой войны он служил в германском военно-морском флоте и попал в Крым. В декабре 1943 года, будучи капитаном второго ранга, он был арестован и предстал перед немецким военным судом морского флота,

Мой отец Манфред фон Буш и его братья Ганс и Арвид в течение короткого времени служили в рядах прибалтийского ландсвера в Литве. Сидят: слева — Арвид, первый справа — Манфред. Стоит в первом ряду вторым слева — Ганс. 1919

Слева: Арвид фон Буш, кадет Морского корпуса в Санкт-Петербурге. 1912.

Справа: он же в 1938 году

«за критические высказывания в адрес фюрера приговорен к смерти» и несколько дней спустя — расстрелян. Это известие потрясло моего отца; все усилия, которые он незамедлительно предпринял, чтобы избежать самого худшего, оказались напрасными.

Манфред, единственный из четырех братьев, пережил войну — после эмиграции в Германию в 1920 году он не принял немецкого подданства и тем самым, как человек без гражданства, оказался «недостойным военной службы».

Когда в конце войны боевые действия сосредоточились в районе Берлина, Карл и Эрика нашли приют в доме сына Эрика. Карлу Шмидту не пришлось узнать всю правду о жестокости рухнувшего режима. Поражение и безоговорочная капитуляция пошатнули его веру в феномен Германии. Вскоре после окончания войны жизненные силы его покинули. Он скончался 8 августа 1945 года вблизи Магдебурга в доме своего сына, пастора Эрика.

Эрика Шмидт мужественно поддерживала детей и внуков своей добротой и любовью. Безграничную печаль, которую она испытывала после кончины спутника жизни, Эрика пыталась преодолеть полезной деятельностью: она стала давать частные уроки русского языка. «У меня есть ученица, которой нет еще и 16 лет, она работает в магазине и совсем не знает русского языка, но способна и прилежна,— пишет она в письме.— Мне опять доставляет большую радость шаг за шагом обучать кого-то тонкостям языка, особенно, если девочка сама этого хочет. И мальчик 13 лет, с которым я тоже занимаюсь, проживший четыре с половиной года в Горьком,— совершенно необыкновенный мальчишка: он прекрасно описывает лес и могучую Волгу. Мы читаем Чехова и другую литературу, и он испытывает радость от красоты литературного языка, и я наслаждаюсь этими уроками».

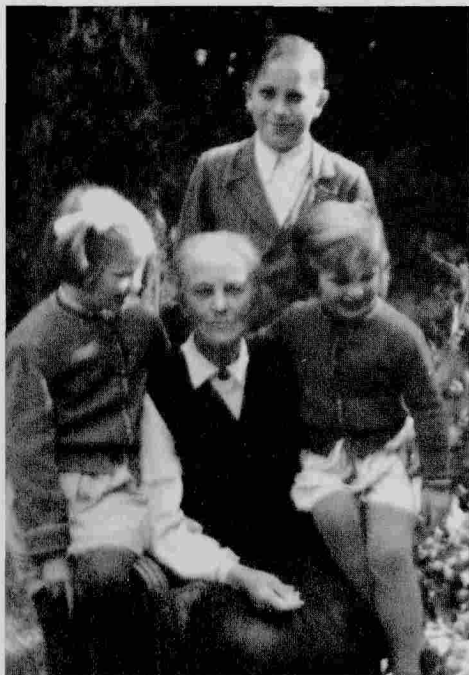
После окончания Второй мировой войны Эрика Шмидт начала преподавать русский язык сразу же после того, как он был введен в программу школ в советской оккупационной зоне. Когда во второй половине 1945 года были открыты общеобразовательные школы, в них должны были преподавать русский язык начиная с пятого класса обучения. Естественно, не хватало ни знаний, ни учебного материала. Эрике Шмидт доставляло радость разрабатывать с учителями темы уроков. С того времени сохранились тетради, в которых она записывала подготовительный материал для своих уроков. Кроме того, в этих тетрадях она записала свои переводы стихотворений русских поэтов: Тютчева, А. К. Толстого, Пушкина и Лермонтова.

Вообще литература была той духовной областью, которая ей была очень близка. В свете ее жизненного пути это относилось в равной степени как к русской, так и к немецкой литературе— поэзии и прозе. Радость и боль, настроение солнечного осеннего дня, наслаждение плаванием в бухте у Келломяк или восторг перед полотнами в Национальной картинной галерее в Берлине она выражала в стихах, написанных для себя самой. Сохранились— кроме воспоминаний о России— ее рассказы о близких ей людях, о Марии Адлер, этой замечательной женщине, почитаемой всеми тете Марии, которая жила в доме Шмидтов в Павловске; о матери Карла Шмидта, то есть ее свекрови. Свои собственные «Воспоминания о России» Эрика включила в рецензию на книгу великого князя Александра Михайловича «Когда-то я был великим князем» (см. в приложении).

До сих пор стоят у меня перед глазами картины того времени, когда бабушка увлеченно переводила с моим отцом — с русского на немецкий язык. В отличие от своих братьев и сестры, после прибытия в Германию отец не смог полностью освободиться от влияния русской культуры. На его книжных полках я обнаружила не только русскую литературу, которая выходила в 1920-х годах в берлинских эмигрантских издательствах, но и книгу Льва Троцкого «Литература и революция» (Москва, 1923). До конца Второй мировой войны книги на русском языке были спрятаны в нашем доме в надежном месте. В послевоенное время отец переводил на немецкий язык произведения русской классической и современной литературы. Он с детства свободно владел как немецким, так и русским языками, и начал заниматься этой работой еще в двадцатые годы, когда перевел рассказы Леонида Леонова и, среди прочего, воспоминания В. А. Сухомлинова, российского военного министра в 1914 году, который летом 1915 года, после поражений на фронтах, был вынужден уйти в отставку. После войны и революции бывший министр нашел прибежище в Вандлице, неподалеку от Берлина. В 1923 году его воспоминания вышли в свет в берлинском русском издательстве, а в следующем году — в переводе моего отца на немецкий язык.

Но вернемся к Эрике Шмидт. В моей памяти она осталась женщиной, душа которой всегда стремилась к внутренней гармонии.

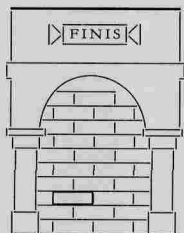
Я убеждена, что для самой себя бабушка нашла ответы на все вопросы и тем самым обрела душевный покой. Она говорила: «Я ношу Господа Бога в себе, когда я делаю добро». И жила по этой заповеди.

Эрика с внуками. 1952

Скончалась Эрика в июне 1953 года, за несколько дней до рождения своей первой правнучки Галины, которую так желала увидеть.

После долгих лет трудной, полной переживаний жизни в Германии все члены большой семьи Шмидтов, как родители, так и дети, обратились к воспоминаниям о детстве: о жизни в Санкт-Петербурге, Твери и Павловске. Волею судьбы в мои руки попали страницы трогательных рассказов, на которые я могла опираться во время работы над этой книгой. Благодаря моей маме, Ольге фон Буш, эти воспоминания сохранились для последующих поколений.

*Карл Шмидт.
Снимок дочери Ольги.*

1930

ПРОЕКТ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ПРИЮТА ДЛЯ ЖЕНЩИН (1913)

Александринский приют для женщин за 20 лет своего существования получил много доказательств доверия со стороны общества. За последнее время Александринский приют благодаря великодушным пожертвованиям имел возможность применять радий, которым, как известно, достигаются прекрасные результаты при лечении рака и других новообразований.

Открытие отделения по радиотерапии и рентгеновского кабинета имело последствием новый прилив больных, а именно женщин, страдающих раком, что вызвало необходимость учреждения особого ракового отделения. Между тем наше учреждение за неимением места принуждено отказывать многим ищущим помощи. Хозяйственные постройки, кухня и прачечная также едва могут удовлетворить всем требованиям, которые несет за собой увеличившееся число больных. Вследствие этого попечительство принуждено строить.

На прилагаемом плане окрашенные розовым тоном строения показывают размеры теперешнего Александринского приюта для женщин. Места, окрашенные желтым тоном, имеют целью обозначать площадь, на которой могут быть возведены постройки и где в настоящее время находятся деревянные здания. Окрашенные голубым тоном строения представляют новые здания, которые предполагается выстроить в 1914–1915 году. Оба четырех- и пятиэтажные флигели главным образом должны служить для квартир служащих и врачей, а также для хозяйственных помещений, чем достигалось бы более целесообразное использование помещений главного здания и нашлось бы место для рентгеновского кабинета, отделения по лечению радием и палат для больных. В то же время в новом здании предполагается поместить кухню, прачечную и хозяйственные помещения. Отдельное здание составляет часовня с соот-

ветствующим помещением для вскрытия трупов. Вместе с новой постройкой необходима полная переделка многочисленных помещений прежнего учреждения для того, чтобы сделать его пригодным для его нового назначения.

Предполагаемые на 1914 и 1915 гг. изменения Александринского приюта для женщин требуют расхода приблизительно в 250 000 р. Сумма не малая. Но эта сумма должна послужить высокой и благородной цели человеколюбия. Неужели она не найдет отклика в сердцах и не заставит протянуть руку помощи?

Попечительство Александринского приюта для женщин обращается к благодетелям и человеколюбивым людям с сердечной просьбой: помочь нам осуществить прекрасную задачу. Таким образом мы будем в состоянии использовать пожертвованные нам средства лечения, и не придется нам более отказывать в помощи несчастным больным, стремящимся на излечение в Александринский приют.

Ввиду размеров страданий и неожиданного действия новых методов лечения мы уверенно надеемся на помощь. Первые пожертвования по 25 000 рублей от двух благодетелей усиливают нашу уверенность. Помогите нам получить посредством пожертвований недостающие 200 000 р. Великодушный порыв является сам по себе наградой.

От имени Александринского приюта для женщин:

Председатель Попечительства: Г. Шерникау.

Директор: Д-р мед. К. Видеман.

Председатель хозяйственной комиссии: М. Нейшеллер.

Секретарь: П. фон Кюгельген.

Пожертвования принимают члены попечительства:

Председатель Попечительства: Густав Васильевич Шерникау (Дворцовая набережная, 8).

Вице-председатель: барон Ф. Ф. фон Краузкопф (Обводный кан., 138).

Директор: Д-р мед. К. Г. Видеман (В. О., 14 лин., 15).

Председатель хозяйственной комиссии: М. А. Нейшеллер. (Кам. остр., наб. М. Невки, 8).

И. д. казначея: А. П. Янсен (Мойка, 70).

Секретарь: П. П. фон Кюгельген (Малая Конюшенная, 3, кв. 39).

И. д. секретаря: редактор К. П. фон Кюгельген (Мойка, д. № 13/14).

Р. Ф. Блессиг (Мойка, 85).

Д-р мед. Э. Э. Клеменц (Кронверкский пр., 79).

А. Е. Шарлье (Полюстровская наб., 35).

- Д-р мед. Ф. А. Добберт (Б. Пушкарская, 20).*
К. Г. Фаберже (Морская, 24).
Епископ К. П. Фрейфельдт (Бассейная, 45).
Г. Г. фан Гильзе фан дер Пальс (Английский проспект, 10).
Ю. А. Гейзе (Старо-Петергофский пр., 32).
Пастор В. В. Кентман (Б. Конюшенная, 10).
Ю. А. Кёниг (Сампсониевск. наб., 5/7).
Г. А. Кёниг (Кронверкский пр., 77/2).
Э. Л. Нобель (Сампсониевск. наб., 13/15).
В. В. фон Нотбек (Моховая, 36).
Барон П. А. Рауш фон Траубенберг (Каменноостровский пр., 24).
Архитектор К. К. Шмидт (Перекупной пер., 12/13).
Ф. Ф. Утеман (В. О., Николаевск. наб., 21).
А. Ф. фон Фе (Кирочная, 8).
Б. А. Цейтшель (Надеждинская ул., 21).

ВОСПОМИНАНИЯ О РОССИИ

Россия... Ряд картин возникает передо мной, бесконечно длинный и многообразный — фильм без начала и конца. Эта страна полна природных богатств и неисполненных возможностей — как и когда найдут они свое воплощение? Окажутся ли правы русские сказители, что прочат этой земле великое будущее, скрытое до поры в глубинах русской души? Россия... Страна разительнейших противоположностей. Во всем, даже в географии. Ледяной холод Полярного моря, безнадежная, мрачная зима, которой нет конца. Скудные дары короткого скупого лета. А на другом конце — наполненный светом горячий черноморский берег восхищает изобильной флорой — пальмами, магнолиями, розами. Безграничные просторы выжженной солнцем пустыни в Туркестане. И такие же безграничные просторы сочно-зеленой степи, где больше ничего, кроме неба, вы не увидите. Леса, в которых одинокий всадник, опьяненный ароматом цветущих пихт, с трудом пробирается по узкой тропе, что вьется лабиринтом по непроходимой чаще; а когда кончается и она, то всадник, без дороги, без брода, сам проторяет путь, уводящий всё дальше и дальше в неведомую бесконечность. И, наконец, между зеркальных чаш двух морей устремляется ввысь могучий горный мир Кавказа с глубокими лощинами и бурными реками. Сплошные противоположности.

В Сибири мясо, рыба, всеми любимая квашеная капуста и, конечно, пельмени превращаются в твердый камень — 40 градусов ниже нуля! И на том же самом месте в разгар короткого континентального лета вызревают огромные, сладкие и сочные, арбузы. Короткое лето. Но какое! Словно желая как можно больше успеть между двумя бесконечно длинными зимами, лето приветствует вас изобилием красивейших цветов. В прекрасной глуши расцветают

европейские садовые растения, во влажных долинах горят «огоньки», как здесь называют купальницу; и бабочки, и птицы, и лесные животные — все спешат насладиться своей частью лета.

Контрасты повсюду!

А у людей?

Наверху — лишь тоненький слой. Почти ничто в сравнении с огромной массой народа. Были еще потомки старинных завоевателей. «Рюрик из варягов» — гордо звали они своего праотца. Нордическо-славянское дворянство, славяно-татарское дворянство: рафинированное, выросшее на некоренном народе, вечно колеблющемся между Азией и Россией, между Россией и Европой. А вокруг — миллионные народные массы, которые, сами о том не подозревая, тоже хотят стать людьми. И между двумя этими условиями, тут и там, словно вулканические извержения, пробивались наверх «войска интеллигенции». Интеллигенции, которая часто сама не знала, к кому примкнуть — наверх или вниз? Контрасты были слишком сильны.

А многочисленные народы?

«Преобладающее население» — великороссы. В большинстве высокого роста, светловолосые и голубоглазые. На Нижней Волге также смешаны с остатками готов. Народ набожный и хитрый, трудолюбивый и ленивый, предприимчивый и инертный, поверхностный и всё же глубокий, безобидный с виду, но внутри принявший тяжелую судьбу. Народ, полный противоречий.

На скудном куске земли, отвоеванном у гранита, живут серьезные, унылые финны.

В плодородных черноземных степях — малороссы, украинцы. Склонны к игре, песне и танцу. Единственные русские, обладающие чувством юмора.

А еще язычники, хотя и большей частью крещеные, киргизы, что вывешивают на заборах пестрые лоскуты, чтобы почтить богов и уберечься от опасностей.

Еще запорожские казаки — наполовину татарские вожди, наполовину западноевропейские рыцари.

Калмыки, татары, грузины, евреи — кто перечислит всех?

А на севере и юге, востоке и западе, часто в пустынной местности, разбросаны оазисы порядка и скромной красоты — ухоженные поля, дома и сады немецких поселенцев.

Но я давно уже потерялась и заблудилась. Ни пути, ни дороги — как это часто бывает в России. Что же я хотела сказать? Вот Москва — *Rome Tartare* госпожи де Сталь. Москва с ее «церквами и кабаками, церквами и кабаками», с крепостными стенами и респектабельными улицами, дворцами, могилами святых, иконами и мощами, великолепными парками и широкими площадями, где веселится простой народ; с избами на окраинах и с роскошными зданиями, магазинами, полными драгоценностей, — в центре. Москва — большой купеческий город с торговцами из всех стран. Все становились здесь богаты: русские и немцы, французы и голландцы, евреи и татары. Даже англичане чувствовали себя свободно в этом щедром и великодушном городе. Здесь каждый мог говорить и молиться так, как хотел, если при этом не касался царя и православия. Все попадали под неотразимое влияние города, и всех Москва переменяла на свой лад.

Петербург был строже. Но людей он не менял. Во всяком случае, русских! В северной столице витал иной дух, люди там были сдержаннее и вышемернее. Петербург посмеивался над Москвой. Москва не любила Петербург.

Между ними простиралась провинция, одинаково далекая от жизни двух городов. В столицу приезжали веселиться. Могли задержаться там, чтобы учиться. Ведь во всем огромном государстве было всего шесть высших учебных заведений. Но большинство людей были так далеки от обоих городов! И жили каждый по-своему.

Мы, я и мои сестры, родились в немецком доме. Мы выросли среди русского окружения, но говорили только по-немецки. Потом начались годы школы, и надо было учить язык. Но нашим миром всегда оставались Бах и Бетховен, Гёте и Бисмарк, Лютер и Пауль Герхардт. Правда, во все окна нашего дома к нам заглядывала иная жизнь. Это была Волга, великий речной путь, манящий в таинственную даль. «Волга-матушка», притоки которой достигают Урала, а устье омыто Каспийским морем. Мы любили эту реку, любили крестьянина, которой на узкой полоске прибрежной земли растил рожь и гречу. Любили старого паромщика, что перевозил нас на другой берег. Зимой мы любили нестись на быстрых легких санях по сверкающему снегу. И все, кто нас окружал — крестьянин, паромщик, извозчик, — все они рассказывали о себе, и мы заворожено слушали об этой близкой к природе, неведомой для нас жизни. Мы любили густой лес, одинокую деревню. Что-то невысказанное, вопросительно-загадочное витало над ними.

А в один прекрасный день мы очутились лицом к лицу с великой русской литературой, которая не желала быть *l'art pour l'art*, а была криком,

единственным клапаном для русской души, который позволял выровнять внутреннее давление. Единственной попыткой избавиться от всех несоответствий и противоречий.

Русские писатели стремились к народу. Аристократ Толстой поставил свой высокий дар на службу простым людям. Его короткие, часто из нескольких предложений, рассказы для букварей, детских и народных книжек — совершенно непереводимые — отличаются бесподобной наглядностью и поэтической красотой.

Когда на Волге, где прошла моя юность, пылали вечерние зори, когда догорали последние огни и блекло небо над дальними лесами, мы знали: где-то там, далеко-далеко, находится Германия, наша истинная отчизна! Страна наших страстных мечтаний, казавшихся недостижимыми.

Вот так и наша собственная жизнь была раздвоена и исполнена противоречий, как это часто бывает в России.

Однажды, когда я была совсем маленькой, в Петербурге у бабушки — он был наставником сыновей великого князя Константина Николаевича — я увидела великую княгиню Александру, которая была родом из Саксен-Альтенбурга. Красивая благородная дама, она вполне могла задать шуточный запрос зеркальцу: «Разве Елизавета, австрийская императрица, краше, чем я?» Тогда с ней была ее невестка великая княгиня Елизавета. Она тоже была родом из Саксен-Альтенбурга, а несколько лет тому назад умерла в Германии. Тогда же Елизавета была счастливой, совсем молодой матерью: у нее родился первый ребенок. Прелестной красоты женщина светилась здоровьем и была очень весела.

Было это в Павловске, где во дворце жил великий князь Константин. Царь Павел I, именем которого назван город, получил этот дворец в подарок от матери, Екатерины II, — прекрасное творение в стиле ампир с богатейшей картинной галереей и многочисленными произведениями искусства. В большом парке был домик, в котором Павел провел медовый месяц. Каждый раз, проходя мимо, я поражалась скромной простоте этого бывшего императорского увеселительного домика.

Впоследствии я провела 18 лет жизни в этом прекрасном уголке земли. Великая княгиня Александра, овдовевшая и сильно постаревшая, почти не показывалась на людях. А ее невестка Елизавета стала покровительницей Павловска и нашего лютеранского прихода. Она была единственной среди немецких принцесс, кто даже во время Первой мировой войны сохранил протестантскую веру. В нашей маленькой кирхе ее можно было часто увидеть в сопровождении фрейлины. В день своей серебряной свадьбы она также по-

чтила церковь присутствием. На короткую службу она пришла рука об руку со своим супругом и в сопровождении восьмерых цветущих детей. Великий князь и все дети были православными. Она же поддерживала постоянную связь с нашим пастором и другими членами прихода.

Павловск, знаменитый благодаря огромному парку, а также летним концертам, шумевшим когда-то на весь мир, где выступали Иоахим, Иоганн Штраус и многие другие,— это одна из летних царских резиденций, что отстоят друг от друга на многие километры, разделенные и одновременно связанные обширными нерегулярными парками. Кататься на велосипеде— тогда это было привилегией обеспеченных семей— по гладким дорогам было настоящим наслаждением. Полчаса езды— как часто на пути встречались члены царской семьи!— и ты уже в Царском Селе, где у Николая II был пышный дворец, построенный для Елизаветы и предназначенный только для больших приемов. Он выглядел негостеприимным и не слишком удобным. Другой же дворец, в котором царь действительно жил, был недоступен взору: здание пряталось в огороженной части парка. Царскосельский парк разделялся на открытую ухоженную парадную часть и на закрытую, чьи густые дикие леса уходили далеко за горизонт, скрывая множество рек и искусственных прудов.

Царское Село— город, уже не имевший ничего общего с тем, что когда-то значило его название. Скучный, пустынный, с длинными широкими улицами— настоящий город чиновников. Разнообразили взор лишь дворцы великих князей, что стояли тут и там, чуть поодаль от прочих зданий. Это и дворец Владимира, сына Александра II и правнука прусской королевы Луизы. Супруга же Владимира, Мария, была родом из Мекленбург-Стрелица. Старомодный с виду дворец выглядывал из-за сероватой зелени деревьев, что росли по берегам пруда. Андрей, сын бывших владельцев дворца, один из немногих великих князей, кто избежал казни, сейчас живет в Париже. У него тоже был прекрасный собственный дом, располагавшийся посреди обширной лужайки. Вилла походила на английский коттедж и была подарком королевы Виктории. Незадолго до крушения Российской империи в Царском Селе вознесся самый новый и самый последний из великокняжеских дворцов— дворец великого князя Павла, сына Александра II. Николай II говорил, что это самое прекрасное здание в мире. А построено оно было по плану и под непосредственным руководством моего мужа, архитектора Карла Шмидта.

Неужели в своем вступлении я совсем заблудилась на просторах русской земли и российского прошлого? Заманила меня туда книга под названием «Когда-то я был великим князем» (издательство Пауля Листа, Лейпциг).

Великий князь Александр Михайлович, член царской семьи, гордо носящий имя Дома Романовых (настоящая его фамилия Гольштейн-Готторп, ибо мужская линия Романовых оборвалась со смертью Петра II), написал книгу воспоминаний, предлагающую читателю много интересного.

Если отнестись к автору как к члену царской семьи, как это невольно делают многие читатели, то в глаза бросятся искренность и чистосердечие, с которыми великий князь Александр относится к своим родственникам, в том числе к царю, своему племяннику, зятю и другу всей жизни. Он — искренний человек. Это позволяет нам взглянуть на автора с позиций общечеловеческих, и мы видим человека, который при всей открытости остается тактичен и благороден. В нем нет и следа мелочной враждебности.

То чересчур строгое спартанское воспитание, которое было для него избрано и должно было закалить, даже вымуштровать его тело, дух и душу, не достигло цели: казнь на эшафоте, на которой присутствовал мальчик, вызвала в нем страх, ужас, сочувствие, что отнюдь не было целью его наставника. Несмотря на всю муштру, великий князь навсегда остался таким, каким был в детстве: исполненным сочувствия и стремления понять все, что преподносит ему жизнь.

Жизнь эта простирается в далекое прошлое. Легенды времен его внучатого дяди, Александра I, с самого детства давали ему пищу для размышлений. Характеры двух царей, Александра II и Александра III, то, как они правили — всё это повлияло на его юность, стало ему близким и понятным. Беспрецедентная роскошь коронации Александра III впоследствии стала для него вершиной — выше было некуда, падение было уже близко. Падение для империи, но не для него.

Он живет и хочет жить

Трогательна сцена, произошедшая на границе детства и юности автора, когда он, кадет на учебном корабле, дрожа от страха, идет знакомиться с товарищами, боясь, что они не захотят дружить с великокняжеским отпрыском.

Яркая жизнь открывается перед ним. Вокруг — большие возможности, и повсюду — стены, которые воздвигает перед ним его положение. Всеми силами он старается разрушить эти стены и достичь того, что ему кажется жизнью. Он добивается службы на флоте, где находится под неустанным взором недоброжелателей. Обстоятельства вынуждают его прервать службу, и с величайшим упорством он возобновляет ее снова. Он собирает огромную библиотеку трудов по навигации, основывает первую в России авиационную школу. Он носит звание августейшего шефа русской авиации не только в

мирное время, но и во время мировой войны. Снова и снова он чувствует святую обязанность помогать советами царю, который тем временем уже стал его зятем, но безуспешно.

Спартанское воспитание все же имело свой смысл: он не только желал работать, но и умел это делать. Конечно, в рамках великокняжеского образа жизни — с предписанными весенними отпусками в загородной резиденции, июньскими сезонами в Лондоне, летними месяцами на Черноморском побережье и зимними каникулами в Южной Франции.

И удивительно то, что даже от этих открытых глаз, готовых видеть и понимать, и действительно много видевших, часть подлинной России все же осталась закрытой.

Как только он увидит пропасть, глубина которой со времени Александра III становилась все страшнее, он будет настаивать на реформах.

Одним из первых при царском дворе он почувствовал близкий крах империи. И он был прав, когда требовал от царя: либо старое самодержавие Николая I и твердое удержание скипетра без колебаний и уступок, либо парламент с настоящим народным представительством. И понятно, как глубоко должно было ранить его то, что реформы пришли слишком поздно и были лишь уступками, свидетельствовавшими о слабости правительства!

Он ясно видел, что правительство само своими неверными действиями вскармливает поднимающуюся гидру анархии и нигилизма. Но он не мог уразуметь, откуда эта гидра взялась. Не мог понять, что «студенты и врачи, прислуга и крестьяне» на самом деле не ради собственного удовольствия встали на путь анархизма. Что знал он о той глубочайшей нужде народа, которому, с одной стороны, не хватало школ, больниц, дорог и всего того, что из человеческого существа делает Человека, и который, с другой стороны, был втянут в круговорот стремительно развивающегося капитализма! Душа простого народа не видела иного выхода. Для того ей была нужна мудрая рука свыше. Которой не было.

Поэтому и мысли великого князя, стоящего на пороге мировой войны, не всегда были объективны. Они и не могли быть иными, они не могли воздать должное тому, что считалось «немецким». Находясь под французским влиянием, воспитанный в духе императорского двора, он даже франко-прусскую войну считал немецкой авантюрой, а Бисмарка обвинил в лишении России «плодов победы над турками».

Но мы зайдем слишком далеко, если будем предъявлять ему требования, которые он, русский великий князь, не мог выполнить. Если думать таким образом, то сначала нам самим следовало бы удивиться: сколько любви к

справедливости, к правде в этом представителе враждебной для Германии державы. Потрясенный, он спрашивает себя в начале «народной» для России войны (русско-японская война «народной» не была): почему же эта война народная? С каких пор наши крестьяне-солдаты начали ненавидеть немцев — народ, к которому всегда испытывали чувства восхищения и уважения? Кто и когда в России готов был покинуть свой дом и пойти на войну лишь для того, чтобы вернуть Франции кусок Эльзаса-Лотарингии? Как может правительство нести ответственность перед своим народом, если мы сражаемся бок о бок с Англией, заклятым врагом Российской империи?

Едва ли можно что-то прибавить к портрету великого князя. Открытый, честный, трудолюбивый и справедливый, ищущий правды и истины, не святой и, тем более, не святоша, но сердечный человек, который прежде всего хочет быть Человеком,— таким он предстает перед нами на страницах своей книги. Такой человек вправе обращаться к другим, тем более что, сам это понимая, он рассказывает увлекательно, а описывает наглядно. И закрываешь книгу не без внутреннего потрясения от исповеди человека, который стоял на огромной высоте и не был при этом ослеплен, а сорвавшись в пропасть, не омрачил своего сердца. Увидеть воцарение религии любви — «Царства Духа» — вот желание, ставшее итогом его жизни.

Рецензия на книгу великого князя Александра Михайловича «Когда-то я был великим князем», издательство Пауля Листа, Лейпциг, 1932, опубликована в «Вестфелише Цайтунг», Билефельд, в номере за 19–20 декабря 1934 года

- 1866 9 (21) *декабря*. В Санкт-Петербурге, в семье Шмидтов — Карла Фридриха и Ольги (урожденной Вениг) — родился сын Карл Эмиль Михаэль Шмидт.
- 1869–1870 К этому времени относятся первые воспоминания Карла. Семья живет в пригороде Петербурга. Некоторое время у них гостит сестра отца — Эмилия Шмидт. Отец вынужден часто менять место работы, перебиваться случайными заказами.
- 1870–1873 Шмидты живут на 17-й линии Васильевского острова в доме родителей Ольги.
Карл увлекся почтовыми марками.
- 1874 Отец меняет работу, и семья вновь переезжает. Теперь Шмидты живут в доме на территории пивоваренного завода на Калашниковской (ныне Синопской) набережной.
Карл поступает в русскую гимназию на Казанской улице. Однако длительная болезнь вынуждает его оставить учебу. Спустя два года, в 1876 г., он поступает в подготовительный класс немецкого училища Св. Петра (Петришуле), а в следующем году Карл был зачислен в первый гимназический класс.
- 1877–1881 В течение этого времени отец Карла работает в Саратове.
- 1880 19 *марта*. Родилась Лонни, сестра Карла.
Карл берет уроки музыки, посещает вечерние занятия в Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица. Работает репетитором в семье Лореков. Дружба со старшим сыном, Васей Лорекком, сохранилась на всю жизнь.

- Знакомится во время летних каникул в Ораниенбауме и Глазове с Викентием Накельским, чиновником Министерства юстиции, и Эрнстом Шубертом. Дружба с последним тоже продлится всю их жизнь.
- 1883 Конфирмация в церкви Св. Петра и Павла (Петрикирхе).
- 1884 Карл Шмидт, гражданин Германии, получает повестку из германского консульства. Медицинское обследование и прохождение военной службы отложены до завершения учебы в Петришуле.
- 1886 Карл оканчивает гимназию. Освобождается от службы в немецкой армии по состоянию здоровья. Поступает на математический факультет Санкт-Петербургского университета.
Декабрь. Покидает университет, чтобы готовиться к вступительным экзаменам в Академию художеств.
- 1887 *Осень.* Успешно выдерживает вступительные экзамены. На третьем семестре учебы принимает российское подданство, становится гражданином города Колпино.
- 1888—1889 За проект охотничьего замка получает малую серебряную медаль.
- 1889—1890 За проект церкви получает большую серебряную медаль и ограниченное право на производство строительных работ.
- 1889 Работает репетитором в семье инженера В. А. Панаева.
- 1890 Отец Карла получает должность директора управления газо- и водопроводов в Твери.
Карл переезжает на Малый проспект В. О., д. 60, кв. 8.
Апрель — октябрь. Проходит учебную практику в Москве у архитектора А. Н. Померанцева. Принимает участие в разработке проекта Верхних торговых рядов (нынешний ГУМ). За отчеты о практике получает большую поощрительную медаль.
- 1891 Продолжает работать в Москве на строительстве того же здания.
После общения с дядей Густавом Венигом интерес Карла к филателии возрастает.
Завершает учебный курс по классу архитектурных чертежей. Получает малую серебряную медаль за работу над моделями по классу рисования.
Весна. Сдает выпускные экзамены, получает диплом с полными правами на производство строительных работ. До конца года работает в мастерской архитектора П. В. Алиша.

Мать Ольга и сестра Лонни переезжают к отцу в Тверь. Карл остается в Петербурге и живет у сестры матери Марии Адлер.

- 1892 *Январь*. Принимает участие в конкурсе на малую золотую медаль и в ноябре получает ее.
- 1893 Участвует в конкурсе на большую золотую медаль. Медаль была присуждена, но не вручена. Из-за реформирования Академии художеств Карл остался без положенной заграничной стипендии.
- 1894 4 *января*. Отправляется в путешествие на деньги, собранные родственниками.
Декабрь. Возвращается домой за несколько дней до Рождества.
- 1895 *Январь*. Начинает работать в мастерской А. Н. Померанцева. Участвует в архитектурных конкурсах.
Лето. Живет на Фурштатской улице в том же доме, где находится контора Померанцева.
- 1896 Становится самостоятельным архитектором. П. В. Алиш просит Карла помочь в разработке проекта Александринского женского приюта. Впоследствии Алиш устранился от работы, и проект полностью перешел Шмидту.
Благодаря знакомству с В. О. Накельским становится внештатным служащим в департаменте по строительным вопросам при Министерстве юстиции, где будет числиться до начала Первой мировой войны.
- 1897 14 *апреля*. Обручение с дочерью пастора Эрикой Иоганзен в Твери.
Май. Карл Шмидт живет на 13-й линии Васильевского острова (дом № 52).
Лето. Начало строительства Александринского женского приюта.
7 *ноября*. Свадьба в Твери. В тот же день Карл и Эрика отправятся в столицу. В Петербурге молодожены будут жить в доме на 10-й линии Васильевского острова (дом № 10, кв. 12).
- 1897–1905 Карл получает заказ от братьев Бергов на постройку корпусов Рождественской мануфактуры в Твери. Там же он участвует в строительстве ряда других сооружений.
- 1898 *Осень*. Завершение строительства Александринского женского приюта.

- Начало строительства дома фирмы Фаберже на Большой Морской, 24. Карл покупает земельный участок с Деревянным домом в Павловске.
- 1899 17 декабря. Родился первый сын Норман.
 Январь. Карл и Эрика заболевают дифтерией и попадают в больницу. В это же время заболевает их сын.
 7 марта. Освящение Александринского женского приюта. Смерть Нормана.
 Осень. Переезд в Деревянный дом в Павловске.
 Рождество. Поездка в Стокгольм и Упсалу. Карл и Эрика побывали в гостях у фабриканта Л. М. Эриксона.
- 1900 Завершение строительства дома Фаберже.
 28 февраля. Родился сын Ганс.
- 1902 Карл начинает строительство собственного доходного дома в Перекупном переулке. Со временем здание было расширено. В 1905 г. сюда переехали родители Карла.
 20 января. Родился сын Эрик.
 В Павловске началось строительство виллы Шмидта.
- 1904 Осень. Шмидт отправляется на неделю в Берлин, чтобы посетить международную филателистическую выставку.
 19 сентябрь. Великая княгиня Мария Павловна с дочерью Еленой и зятем греческим принцем Николаем посетили почти завершенную виллу Шмидта и осмотрели ее внутреннее убранство.
 Карл и Эрика отправляются на Международный конгресс архитекторов в Мадриде. По дороге они собирались посетить Австрию, но Эрика заболела, и они вынуждены были вернуться.
- 1905 12 июня. Родилась дочь Маргот.
 Осень. Опасаясь революционных волнений, Шмидты временно переезжают в Гельсингфорс (ныне Хельсинки). Доходный дом и вилла в Павловске остаются под опекой прислуги.
- 1906–1907 Шмидты возвращаются в Петербург. На почве общих интересов в филателии начинается общение Карла с Агафоном Фаберже.
- 1907 Лето. Карл и Эрика отправляются в Париж, чтобы осмотреть коллекцию почтовых марок Ф. Феррари.
 29 октября. Родилась дочь Ольга.

- 1908—1916 Каждое лето Шмидты проводят в летнем домике в Келломяки (ныне Комарово). Исключением становится 1914 год, когда на вилле в Павловске состоится большая семейная встреча.
- 1908—1914 Дважды Карл избирается депутатом земства Царскосельского уезда. Занимается общественной деятельностью в Павловске. В течение шести лет избирался на должность народного заседателя, председателя церковного совета немецкой лютеранской общины при церкви Св. Доротеи, а также председателя школьной комиссии немецкой школы в Павловске.
- 1910 Карл встречается в Париже с великим князем Павлом Александровичем для обсуждения постройки дворца в Царском Селе.
- 1911 7 марта. Родился младший сын Норман.
Умерла Ольга Шмидт, мать Карла.
- 1913 Строительство павильона Росси в Павловском парке.
- 1914 С началом Первой мировой войны Шмидты принимают решение переехать в Германию.
- 1915 Лето. Карл вместе со старшими сыновьями предпринимает большое путешествие по Финляндии.
- 1916 Продает недвижимость в Петрограде. Семья переезжает в Финляндию, собираясь оставаться там до тех пор, пока не будет возможен выезд за границу. Однако из-за неустойчивого экономического положения, возникшего в Финляндии, Шмидты возвращаются в Петербург.
- 1917—1918 Жизнь в Павловске становится слишком опасной. Троих младших детей временно отправляют на соседнюю виллу Кёнигов. Через некоторое время Шмидты переехали в Петербург, где поселились в квартире биржевого маклера Закгейма. Здесь они оставались до выезда из России, который стал возможен после заключения мирного договора между Германией и Советской Россией.
- 1918 Консульство потребовало у Шмидта подтверждение из Германии о наличии у него немецкого гражданства.
Весна. Карл Фридрих Шмидт вместе с дочерью Лонни и внучкой Хельгой смогли выехать в Германию, так как не имели русского гражданства.
Лето. Сыновей Ганса и Эрика, граждан России, могут призвать в Красную армию. Карл требует в посольстве незамедлительной выдачи разрешения на выезд.

- 19 августа. Поскольку подтверждение из Германии пока не получено, консульство разрешило Шмидтам выехать только в балтийские провинции, где еще находились части немецкой армии.
- 26 августа. Карл передает российским чиновникам разрешение на выезд в Прибалтику.
- 28 августа. Начинается длительный путь Шмидтов из России. Сначала семья добирается до приграничного Пскова.
- Середина сентября.* После недели пребывания в переселенческом лагере они двигаются дальше, в Эстонию, где останавливаются у брата Эрики в имении Тамменгоф.
- Декабрь.* Отец Карла обращается к адвокату в Германии, чтобы ускорить процесс получения подтверждения немецкого гражданства.
- 1919 27 марта. Смерть Карла Фридриха Шмидта, отца Карла.
- Весна.* Разрешение, датированное 12 февраля 1918 года, наконец приходит в Тамменгоф.
- 9 июня. Шмидты узнают о пароходе, который скоро отправится из Ревеля (ныне Таллина) в Германию.
- 14 июля. Пароход «Вавилон» встал на якорь в Ревеле.
- 20 июля. Пароход прибыл в Свинемюнде (ныне Свиноуйсьце). Сначала Шмидты отправляются в Анклам, на родину предков.
- 27 июля. Шмидты приезжают в Йену.
- Конец ноября.* Карл покупает виллу Бедекера в Йене на Хильгенфельдвег, 18. Шмидты надеются получить от правительства Германии возмещение за потери, понесенные из-за войны.
- 1920 Карл ищет работу по специальности. Принимает участие в архитектурных конкурсах. Получает премию за один из проектов. Попытки завязать знакомства в Лейпциге и Дрездене не увенчиваются успехом: в Германии почти ничего не строят, а у Карла нет нужных связей. Карл пробует устроиться на предприятие, выпускающее типографское оборудование.
- 1922 Снимает комнату в Берлине, где в ближайшие два года будет жить один. На выходные Карл возвращается к семье в Йену.
- 1923 Сестре Эрике, Алине Казанской, удалось выехать из России. Алина приехала в Йену вместе с дочкой Маргаритой и сыном Борисом.

- 11 *ноября*. Карл предпринимает поездку в Россию. Из Штеттина (ныне Щецина) он плывет пароходом на Ревель. Затем — поездом до Петрограда. Навещает Василия Лорека, Агафона Фаберже.
- 22 *ноября* Принимает участие в собрании Петроградского общества собирателей почтовых знаков.
- 24 *ноября*. Возвращается в Берлин. Делится впечатлениями от поездки в Петроград в Министерстве иностранных дел. Шмидты получают частичное денежное возмещение.
- 1924 *Зима*. Продажа виллы в Йене.
- 8 *марта*. Карл работает в радиоотделе фирмы М. О. Гессе. Намеревается основать собственное предприятие по выпуску мотоциклов. Вместе со знакомым по Петербургу Георгом Ниссеном приобретает филателистический магазинчик.
- 31 *марта*. Шмидты переезжают в Берлин-Шарлоттенбург на Нойе-Кантштрассе, 16.
- 14 *ноября*. Вместе с Паулем фон Кюгельгеном (бывшим редактором немецкой «Санкт-Петербургской газеты») покупает кинотеатр в пригороде Берлина. Предприятие несет убытки, и вскоре кинотеатр приходится продать.
- 1925 *Апрель*. Карл становится совладельцем авторемонтной мастерской.
- С 24 по 26 *ноября*. По поручению Агафона Фаберже посещает в Париже распродажу земских почтовых марок из собрания Ф. Феррари.
- 1928 *Осень*. В течение месяца гостит у Агафона Фаберже в Бранде (Финляндия). Возвратившись в Берлин, обнаруживает, что совладелец мастерской скрылся с деньгами. Карл снова несет большие убытки. Вместе со знакомым открывает магазин по продаже парижских изделий из кожи.
- 13 *ноября*. Первая филателистическая выставка в Финляндии. Карл гостит у Агафона Фаберже. Шмидты получают положительный ответ на прошение о возмещении государством потерь имущества в размере 15% стоимости.
- 1931 Партнер по магазину похищает всю наличность. Магазин приходится закрыть. Карл прекращает попытки создания собственного дела. Поездка в Финляндию.

- 1932 Поездка в Данциг (ныне Гданьск).
- 1933 Агафон Фаберже вместе с женой Марией Борзовой и сыном Олегом отправился на филателистическую выставку в Вене. Несколько дней они провели у Шмидтов в Берлине. Полгода Карл работал у торговца почтовыми марками Ф. Штока. Внезапно Шток разорился.
- 12 декабря. Карл передал 18 томов коллекции земских почтовых марок Имперскому почтовому музею в Берлине. Директор музея преподносит дарителю ценный подарок в знак благодарности за передачу уникальной коллекции.
- 1934 9 ноября. Переезд из Берлина-Лихтерфельде в пригород Кляйнмахнов.
- 1937 В Имперском почтовом музее установлен бронзовый бюст Карла Шмидта.
- Путешествие в Египет.
- 1939 Поездка в Стамбул.
- Вышел в свет первый том «Справочника немецких частных почтовых марок».
- 1943 Вышел в свет второй том «Справочника немецких частных почтовых марок».
- 1945 8 августа. Оборвалась жизнь Карла Шмидта.

БОРИС КИРИКОВ

Мастер «кирпичного стиля» и модерна

*Автор выражает глубокую благодарность М. М. Перекалиной
и А. В. Вознесенскому за помощь в сборе материалов*

Карл Карлович Шмидт прожил долгую жизнь, но период его самостоятельной творческой деятельности продолжался всего два десятилетия. Во второй половине 1890-х гг. молодой архитектор заявил о себе как блестящий продолжатель «кирпичного стиля». Рубежным для Шмидта, как и для большинства его коллег, оказался самый перелом веков, когда произошел общий поворот от историзма к новому стилю. Шмидт выдвинулся в число ведущих мастеров петербургского модерна, созданные им особняк Форостовского и гимназия Шаффе стали вехами в развитии этого стиля в нашем городе. Обращение к неоклассике в начале 1910-х гг. можно считать скорее эпизодом, случившимся под влиянием менявшейся художественной атмосферы.

События Первой мировой войны и революции оборвали творческий путь Карла Шмидта. После отъезда на историческую родину, в Германию, ему уже не удалось вернуться к архитектурной практике. Талант и опыт мастера остались невостребованными.

Немец Карл Михаэль Эмиль Шмидт вошел в историю архитектуры именно как петербургский зодчий периода модерна, автор незаурядных жилых и общественных зданий, успешно работавший в сфере промышленной архитектуры. Первый исследователь его творчества И. Г. Токарева (Калужинская) достаточно емко и точно нарисовала творческий портрет мастера.¹ За ее статьями последовала содержательная публикация немецкого архитектора Г. Гейдебрехта.² Отдельные произведения Шмидта рассмотрены в книгах автора этих строк и Г. В. Семёновой.³

Многое в судьбе К. К. Шмидта открывает биографический очерк, написанный его внучкой Эрикой Фогт с использованием воспоминаний самого архитектора. Ее труд, впервые опубликованный в Германии в 2007 г.,⁴ теперь выходит в настоящем издании, адресованном русскоязычному читателю. Семейные воспоминания не только повествуют о жизни петербургского немца, но и проясняют конкретные обстоятельства, при которых создавались его проекты и постройки.

И тем не менее, изучение творческого наследия Шмидта пока находится в начальной стадии. Данный очерк охватывает более широкий круг его работ, чем предыдущие публикации; немало сведений удалось уточнить по архивным источникам. Однако остается еще целый ряд вопросов, связанных преимущественно с постройками архитектора вне Петербурга.

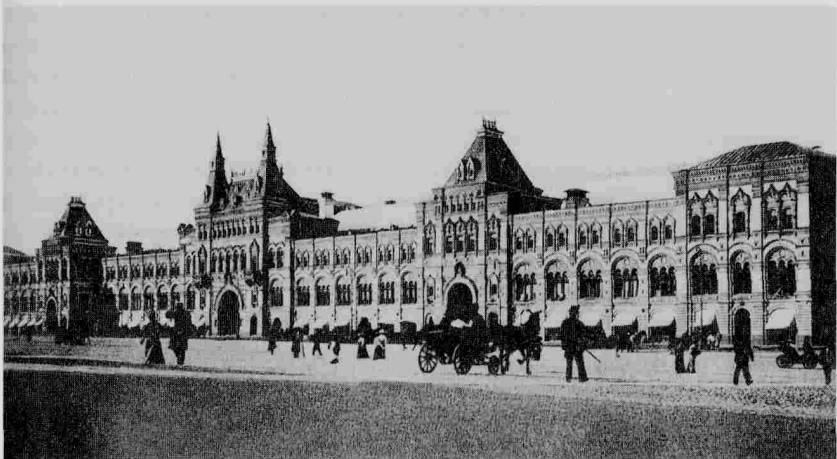
В выборе пути будущего зодчего немалую роль сыграли товарищ его юношеских лет Вильгельм (Василий) Шёне — впоследствии круп-

ный мастер модерна, а также архитектор, художник и коллекционер И. А. Гальбек, преподаватель Высшего художественно-промышленного училища барона А. Л. Штиглица, в котором Шёне и Шмидт посещали вечерние занятия в рисовальном классе. В 1887 г. Шмидт поступил в Академию художеств на архитектурное отделение.⁵

Первые практические уроки Шмидт получил под руководством преподавателя Академии А. Н. Померанцева. По его проекту на Красной площади Москвы возводилось грандиозное здание Верхних торговых

Карл Шмидт. 1910

Верхние торговые ряды в Москве. Фотография конца XIX в.

рядов (1889–1893). Работая на этой стройке в 1890 и 1891 гг., Шмидт вплотную соприкоснулся с приемами академического «русского стиля», которые механистично сочетались с новаторскими металлическими и железобетонными конструкциями инженеров В. Г. Шухова и А. Ф. Лолейта. Одновременно, в 1891 г., архитектор П. В. Алиш (эстонский немец) привлек Шмидта к участию в создании Воскресенского собора, соорудившегося в «византийском стиле» при Кренгольмской мануфактуре в Нарве.⁶

Карл Шмидт успешно закончил Академию в 1893 г. с малой золотой медалью и нагрудным серебряным знаком, получив звание классного художника первой степени.⁷ За дипломный проект гостиницы в столице ему собирались присудить большую золотую медаль, но по конъюнктурным соображениям руководства он лишился и этой награды, и пенсионерской поездки за границу. Шмидт все же отправился в Европу на семейные сбережения, посетив в 1894 г. Италию, Германию и другие страны. Это, безусловно, расширило его кругозор, позволило увидеть своими глазами и изучить в подлинниках исторические памятники и новейшие образцы европейского строительства.

По возвращении в Петербург он на первых порах, в 1895–1896 гг., вновь работал помощником профессора А. Н. Померанцева. Как раз в это время Померанцев проектировал крупнейшие сооружения:

Городской дом в Ростове-на-Дону — полифункциональное административно-торговое здание с огромным атриумом — и собор Св. Александра Невского в Софии в «византийском стиле», который стал главной доминантой болгарской столицы. Трудно сказать, каким был творческий вклад Шмидта, но участие в столь значительных проектах, несомненно, обогатило опыт начинающего архитектора. В те же годы Шмидт участвовал под руководством Померанцева в строительстве особняка Н. В. Спиридонова на Фурштатской улице, 58. Это камерное здание выдержано в формах неоренессанса, одного из приоритетных вариантов эклектики.

Начав самостоятельную практику, Шмидт сразу же избрал свой особый путь. Он избегал как стилизаций на древнерусские и византийские темы, так и приемов классицистических стилей. Архитектора привлекала кирпичная архитектура, которая импонировала ему не только правдивой рациональностью, но и тем, что ассоциировалась с глубинными традициями северно-немецкой строительной культуры. Шмидт вспоминал, что еще во время заграничной поездки 1894 г. «с особым интересом и пристрастием... повсюду изучал кирпичную архитектуру».⁸

Молодой Шмидт выступил приверженцем «кирпичного стиля», который имел германские корни и в Петербурге был представлен преимущественно архитекторами немецкого происхождения. У его истоков стояли Г. А. Боссе и Р. Б. Бернгард, законченную эстетическую концепцию это направление обрело в работах В. А. Шретера и И. С. Китнера 1870-х гг.

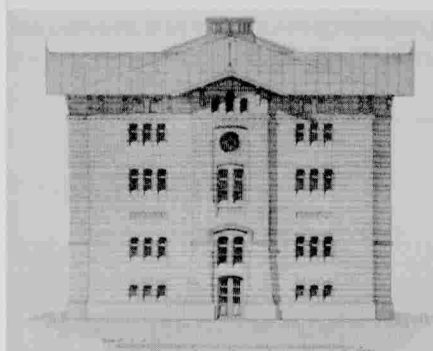
«Кирпичный стиль» составлял в рамках эклектики рационалистическую альтернативу штукатурным имитациям исторических стилей. Сторонники его отказывались от слоя косметики, превращали сам строительный материал в отделочный или же применяли долговечную керамическую облицовку, воспроизводившую кирпичную кладку. Очень часто в композицию вводились готические и романские мотивы и детали, служившие не только декоративным средством, но и знаком этнической идентичности. Для «кирпичного стиля» были особенно важны качество и культура исполнения, понимание природы материала, его специфической красоты и самооценности.

Шмидт последовал за лидерами этого направления Шретером и Китнером. Об определенных пристрастиях Шмидта свидетельствуют его ранние работы, поданные на конкурсы, которые проводились

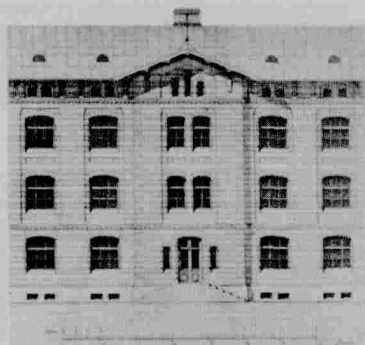
Петербуржским обществом архитекторов. В 1896 г. он получил первую премию за проект приюта для хронически больных детей и третью премию за проект колонии для рабочих Товарищества Невской ниточной мануфактуры.⁹ Здания были задуманы в строго функциональных и декоративно-выразительных формах «кирпичного стиля».

Такой подход в полной мере отвечал демократичному характеру рабочего жилого комплекса. В строительстве больниц и приютов кирпичная архитектура также уже прочно вошла в обиход. Хотя один из наставников Шмидта, профессор старой академической школы В. А. Шрейбер упрекал автора в том, что тот избрал для детского приюта не «классический греческий стиль», а стиль утилитарных железнодорожных сооружений.¹⁰

Всем зданиям, представленным в конкурсных проектах 1896 г., свойственны симметричное построение, четкость и логичность объемных членений, полосатая облицовка стен, фронтонные завершения ризалитов, большие свесы кровель наподобие козырьков. Рисунок фасадов рабочей колонии более лаконичен. Ровным рядам широких окон с дуговыми перемычками масштабно противопоставлены мелкие парные и тройные окошки на ризалитах и боковых сторонах, где находились в основном общие санитарные узлы. Жилые корпуса для одиноких и семейных спланированы с продольными внутренними коридорами, хотя в одном из вариантов коридоры сокращены до минимума. Баня и прачечная, школа и ясли занимали два отдельных здания.

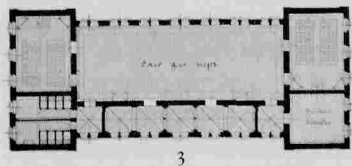
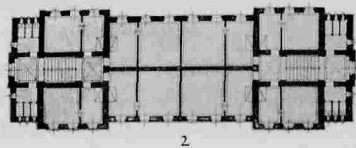
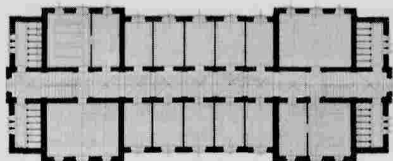

Боковой фасад. — Façade latérale

Средняя часть фасада. — Partie centrale de la façade

Проект колонии для рабочих Невской ниточной мануфактуры. Фасады

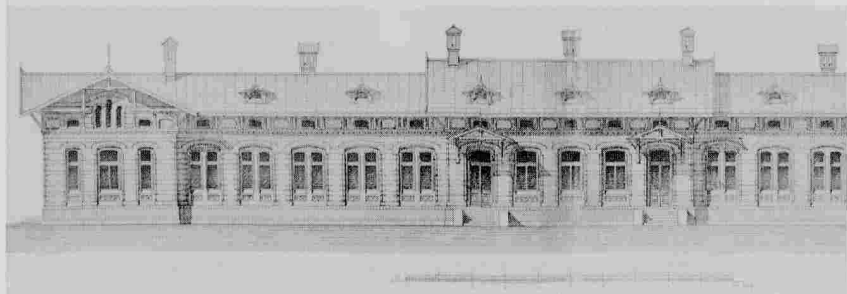
Проект колонии для рабочих Невской ниточной мануфактуры. Планы корпусов:

- 1) здание для одиноких рабочих,
- 2) здание для 24 семейных,
- 3) школа и ясли

Они решены по рациональному принципу: каждый объем, каждое членение отвечает тому или иному помещению. Проект комплекса колонии был первой пробой Шмидта на тему рабочего жилища, к которой он впоследствии возвращался неоднократно.

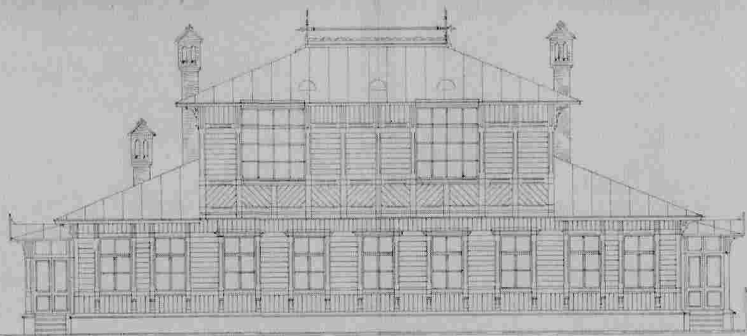
Здание детского приюта спроектировано П-образным в плане. Центральный ризалит тождествен рекреационному залу, в угловые кубические звенья вынесены умывальные комнаты. Парные и одинарные окна разной ширины определяли ритмический строй фасадов. Боковые крылья расширены по концам повышенными двухэтажными объемами. Они выделялись живописным силуэтом, в котором главенствовал «готический» шатер лестничной клетки. В этих частях здания можно увидеть то зерно, из которого выросли композиции Шмидта следующих лет.

*Проект приюта для хронически больных детей.
Главный и боковой фасады*

Особняк и контора В. А. Стюарта. Фасад

Дом К. Б. Венига. Фасад

боковой щипец с вимпергом, пинаклями и фиалами.¹² Ныне от этого эффектного здания не осталось и следа.

Продолжая работы на участке Стюарта, Шмидт представил в сентябре 1896 г. проект доходного дома на Боровой улице, оставшийся нереализованным. Весной 1898 г. он спроектировал протяженный корпус кладовых внутри участка. Пятиэтажный дом с двухцветным кирпичным фасадом по Боровой улице, 94, был возведен позднее, его чертежи, датированные мартом 1903 г., подписаны другим строителем.¹³ Очевидно, Шмидт уже не имел отношения к этой постройке.

Одну из самых ранних работ Шмидт выполнил по семейному заказу. В 1897 г. он построил на Подрезовой улице, 26Б, деревянный дом для своего дяди — живописца, профессора Академии художеств К. Б. Венига, который принимал живое участие в делах племянника. Основной одноэтажный объем завершался мезонином, где находилась мастерская. Рисунок фасадов определялся чередованием обшивки в слочку, вертикальными и горизонтальными рядами, обвязкой досками и наличниками окон. Высокие кирпичные дымоходы смотрелись чуть ли не главными элементами непритязательной постройки.¹⁴

Тогда же архитектор приступил к переделкам на участке наследников Гека у Пяти Углов (ул. Ломоносова, 28/29).¹⁵ Эти строения, как и дом Венига, уступили места новым зданиям уже в начале XX в.

Среди заказчиков Шмидта с самого начала преобладали представители немецкой диаспоры Петербурга. В этом кругу, связанном тесными контактами, в первую очередь завязывались знакомства и возникали предложения о работе. Именно этой среде Шмидт обязан своими первыми значительными произведениями — Александринским приютом для женщин и особняком В. В. Тиса.

Александринский приют с родовспомогательным заведением был учрежден евангелическими приходами Петербурга. Устав заведения утвержден 10 мая 1895 г. Под строительство приобрели два смежных домовладения по Большому проспекту В. О.: в начале 1895 г. у наследников купца И. Г. Лютера — участок № 49, а через полтора года у семьи Бауман — Гаудерер — участок № 51/13 на углу 14-й линии. Покупки оформили председатель попечительства Александринского приюта сенатор А. А. Герке и вице-председатель Г. В. Шерникау.¹⁶ Особую роль в создании приюта сыграли пастор К. Фрейфельдт и доктор К. Г. Видеман, большой вклад внесли спонсоры — крупные промышленники

Л. Л. Кёниг, Э. Л. Нобель, Г. Г. ван Гильзе ван дер Пальс, М. Л. Отмар-Нейшеллер, К. Г. Фаберже.

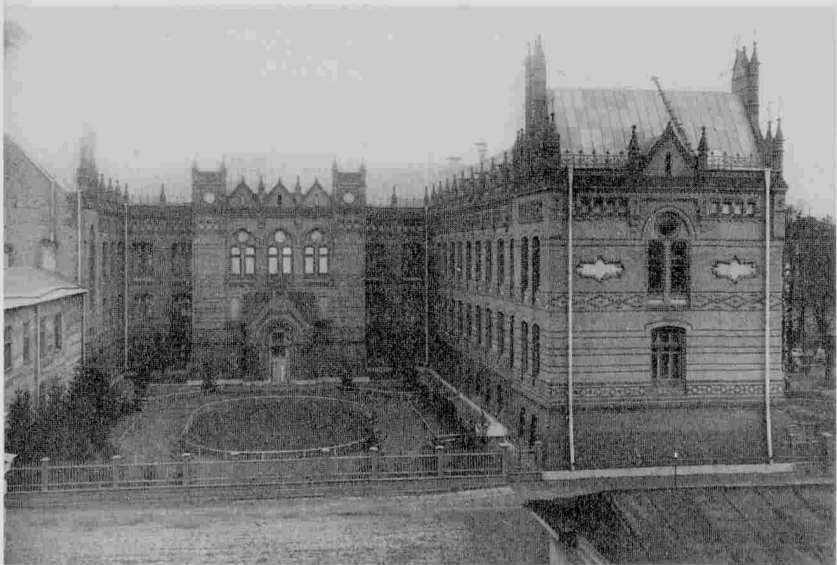
Проектирование начал архитектор П. В. Алиш, который раньше, в 1875–1877 гг., реконструировал находившийся на этом месте медоваренный завод купца Д. Лютера. Алиш и привлек к сотрудничеству своего бывшего помощника Карла Шмидта. Обсудив устройство заведения с К. Г. Видеманом, они составили в 1896 г. совместный проект. Затем заказ полностью перешел к Шмидту, предложившему свой вариант, одобренный Видеманом.

Заказчики обязали архитектора проконсультироваться с главными авторитетами рационалистического направления — В. А. Шретером и И. С. Китнером. Учтя их советы и замечания, Шмидт откорректировал проект, который был принят к реализации.¹⁷ Строительство было начато летом 1897 г. Освящение и торжественное открытие приюта состоялось 7 марта 1899 г.¹⁸

Здание приюта принадлежит к достопримечательностям немецкого Петербурга и к лучшим образцам «кирпичного стиля» конца XIX в.¹⁹ Рационалистичность функционально-планировочной структуры сочетается с яркой декоративностью форм и романтической стилизацией мотивов готической архитектуры. По этим качествам постройка род-

Александринский приют для женщин. Фотография 1899 г.

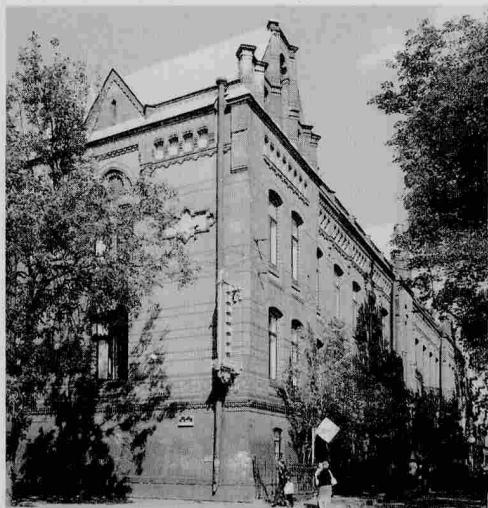
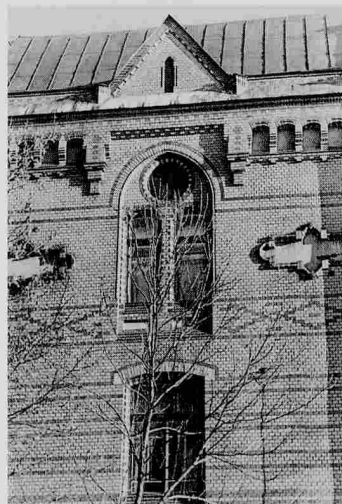
Александринский приют для женщин. Фотография начала XX в.

стенна той линии кирпичной неоготики, которую ранее развивали Шретер и Китнер.

Современники считали приют образцовым. Он состоял под покровительством императрицы Александры Федоровны. Обширный участок с садом, комфортная планировка, новейшее техническое оснащение и нарядный, мажорный облик фасадов создавали благоприятные условия для пациентов. В приюте размещались родильный дом на 58 мест и гинекологическая больница на 22 кровати, действовала акушерская школа.

Здание состоит из трех корпусов, которые обступают курдонер, открытый в сторону 14-й линии. Вдоль Большого проспекта вытянут основной трехэтажный корпус, перед которым находился сад. Поперечный корпус с главным входом в заведение замыкает пространство курдонера. Третий, боковой флигель, укорочен, так как перед ним стоял двухэтажный дом. Таким образом, здание приюта имеет в плане неправильную П-образную конфигурацию.

В архитектурных журналах за 1899 г. отмечалось, что фасады облицованы «заграничным кирпичом в два тона» и выдержаны «в современном кирпичном романо-готическом стиле».²⁰ Светло-желтые

Александринский приют для женщин. Фрагменты фасадов

поверхности стен расчерчены горизонтальными полосками, узорными поясами и вставками из красного кирпича. Геометрический рисунок разноцветной облицовки походит на ковровый орнамент. Шмидт использовал флюатированный кирпич, что было новшеством в строительной практике Петербурга.

Протяженный южный фасад по проспекту расчленен тремя узкими раскреповками, их завершают сложные щипцы, заостряющие силуэт здания. Цоколь выделен темно-красным кирпичом. Второй и третий этажи освещаются большими окнами с лучковыми перемычками. Декоративные элементы сконцентрированы в верхней части фасадов. Аркатурный пояс под карнизом отдаленно напоминает ряды машикулей. Щипцы оканчивались остrokонечными навершиями с фиалами, непрерывный строй фиал проходил по периметру фасадов. Эти детали усиливали романтическую ноту и сходство с формами готики.

Глубинная композиция курдонера не уступает по выразительности лицевым фасадам. Наиболее эффектно решен широкий центральный ризалит по оси парадного двора. Этот крупный выступающий объем акцентирован изящным тамбуром с перспективным порталом, арочными стрельчатыми нишами окон и тремя щипцами, аналогичными верхнему этажу дома В. Ф. Штрауса на 2-й линии В. О., 9, сооруженного в 1873–1874 гг. Шретером и Китнером.

Внутреннее устройство и оборудование приюта отвечало всем необходимым требованиям медицины. По гигиеническим соображениям здесь не было подвалов. На нижнем этаже находились кухня и другие хозяйственные помещения, а также вентиляционные аппараты, нагнетавшие очищенный от пыли нагретый воздух и рассчитанные на двукратный воздухообмен в течение часа во всем здании. Пароводяное отопление было выполнено швейцарской фирмой Зульцера, водопровод с холодной и горячей водой, подведенной в каждую комнату,— предприятием К. Б. Зигеля.

Больница и родильный дом занимали второй и третий этажи. Палаты были ориентированы на юг и наполнены естественным светом. В здании также находились учебная аудитория, амбулатория, аптека и лаборатория, жилые помещения персонала. Внутренняя отделка, соответственно назначению приюта, была скромной и функциональной. Полы вестибюля, коридоров и операционной выстланы метлахской плиткой. Парадный вход и вестибюль были устроены в центральном ризалите курдонера; рядом с пологой широкой лестницей оборудован лифт

Александринский приют для женщин. Курдонер

с подъемной кроватью. Лестница и зал на третьем этаже были декорированы расписными витражами на темы материнства (установлены фирмой С. М. Линднера, представителя мюнхенской фабрики Цетлера).

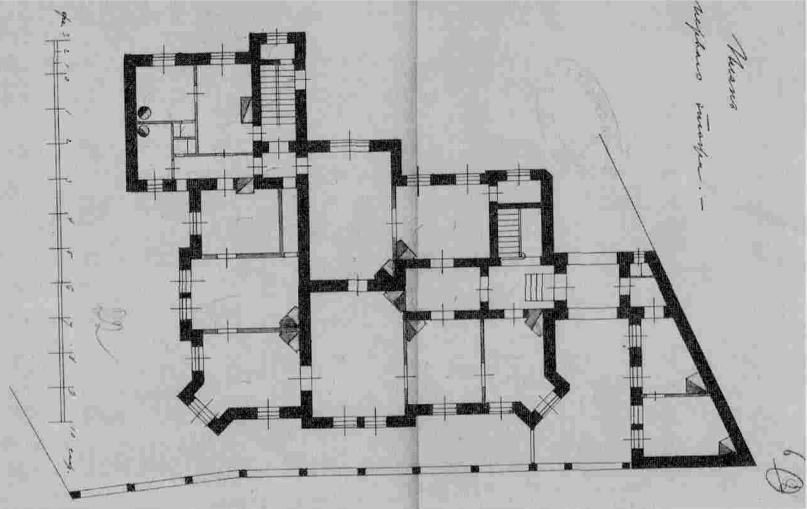
Для нужд приюта Шмидт реконструировал в 1898 г. деревянный дом Л. Л. Кёнига, стоявший рядом на 14-й линии. В дальнейшем архитектору было доверено ведение всех дел приюта, который предполагали расширить. В декабре 1904 г. он оформил покупку участка крестьянина С. М. Парафеева по 14-й линии, 17, а в мае 1912 г. — участка купчихи М. И. Посновой на той же линии, № 15.²¹ В результате в собственность родовспомогательного заведения перешла обширная территория, объединившая три домовладения по 14-й линии.

По стилистике Александринскому женскому приюту близок особняк В. В. Тиса на Съезжинской улице, 3, построенный Шмидтом в 1897–1898 гг. (проект подписан 21 марта 1897 г., утвержден Городской управой 22 апреля).²² Формы кирпичной неоготики здесь также служили опознавательным знаком немецкой архитектурной традиции. В изысканной узорной облицовке фасадов вновь в полной мере проявилось присущее архитектору «артистически тонкое понимание природы используемого материала».²³ Оба здания отличают изящество форм, яркая полихромия, филигранная проработка деталей. И вместе с тем, в них заметна некоторая сухость и жесткость рисунка, характерные для поздней эклектики.

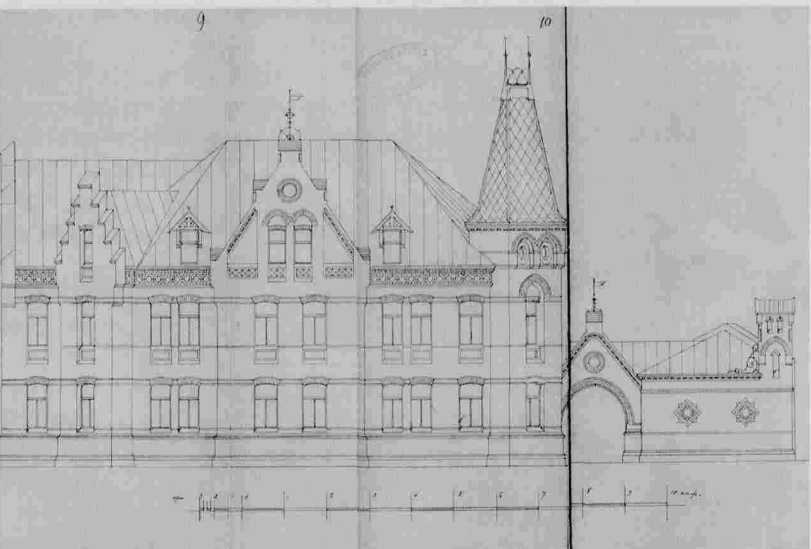
Возможно, оглядываясь на постройки Шмидта, архитектор Н. Н. Щербина-Крамаренко писал в 1899 г.: «...с каждым годом облицовка фасадов кирпичами, хотя и заграничными, вытесняет фасадную штукатурку, чему нельзя не порадоваться в интересах как изящества зданий, так и безопасности обывателей, которым перестанет грозить предательская штукатурка своим падением».²⁴

Камерный особняк имеет компактный асимметричный план. Планировка обоих этажей почти одинакова — каждый этаж занимала семья одного из [братьев?] Тисов, совладельцев фабрики искусственной шерсти «Буш, Тис и К^о». Вдоль лицевого фасада располагались парадные анфилады из четырех комнат.

Основная часть особняка немного заглублена от красной линии. На углах выступают по диагональным осям вертикальные объемы. Один из них увенчан щипцом, другой, обращенный к Большому проспекту П. С., — высоким шатром, и эта башня сообщает композиции динамичную устремленность и броскую остроту силуэта. Средняя ось главного фасада акцентирована ризалитом с треугольным щипцом — здесь

Особняк В. В. Тиса. План. 1897

Особняк В. В. Тиса. Фасад. 1897

*Особняк
В. В. Тиса*

находятся самые большие помещения. Из крутой мансардной крыши вырастают дымовые трубы, декорированные геометрическим орнаментом кирпичной облицовки. Эти сугубо утилитарные элементы обрели значение полноправных частей художественного целого. Ажурное кованое ограждение мансарды выполнено из трилистников и стрел.

Неровный ритм окон усиливает живописность композиции. Мастерски обыграны приемы рельефной кладки. Поверху стены пробегают на разных уровнях аркатурные пояса. Фасады разграфлены цветными полосами, которые отчерчивают уровни окон, выгибаясь волнами над их перемычками. На теплом охристом фоне выделяются красно-коричневые и темно-зеленые части и детали.

При всей привлекательности и неординарности особняка Тиса его создатель не был оригинален. Общую идею композиции он явно позаимствовал от собственного особняка В. А. Шретера на набережной Мойки, 114/2 (1890–1891). Шмидт повторил несимметричную схему с угловым выступом и шатром, мансардной крышей и щипцами, охристой кирпичной облицовкой. Разумеется, Шмидт не следовал образцу буквально, он дал свою трактовку особняку в «кирпичном стиле», отмеченную особой рафинированностью и утонченностью.

При круговом обходе дома Тиса становится особенно заметной свободная асимметрия его структуры. На левом боковом фасаде по-

вторяется членение с крупным щипцом, за ним следует участок стены с выступающим дымоходом. Противоположный фасад — почти глухой, к нему примыкает арка, образующая навес над главным входом в здание. Парадную лестницу освещают круглое окно над аркой, а со двора — высокий «готический» проем стрельчатого абриса. С тыла сильно выдвинут во двор весомый параллелепипед второй лестницы.

Интерьеры частично сохранили первоначальную отделку. Парадная лестница ограждена решеткой из круглых завитков, стены расчерчены профилированными тягами. Лепные плафоны и изразцовые печи в комнатах выполнены, скорее, по мотивам необарокко. В убранстве квартир этим легким декоративным формам было отдано предпочтение перед неоготикой.

Подковообразная стрельчатая арка, накрытая щипцом, внешне объединяет дом с небольшим краснокирпичным флигелем. Это курьезное строение, сужающееся клином во двор, сначала было одноэтажным, без окон и дверей с улицы. В 1913 г. его перестроил, добавив второй этаж, новый домовладелец, инженер В. А. Барри.

Дом Тиса и Александринский приют представляют романтическую вариацию поздней эклектики. Однако в облике особняка яснее сквозит предчувствие модерна. Об этом свидетельствуют динамика многообъемной композиции, насыщенный активный силуэт,

*Особняк
В. В. Тиса*

крупные уступчатые членения и разные габариты окон, отвечающие внутренней планировке. Особняки — наиболее гибкий и мобильный тип зданий — раньше всего впитывали и отражали новые веяния. Неслучайно и в доме Тиса угадывается вектор к неоромантическому направлению модерна.

Остается под вопросом вклад Шмидта в создание особняка А. Ф. Кельха (улица Чайковского, 28). Перестройкой этого здания занимались в 1896–1897 гг. В. И. Чагин и В. И. Шёне (время строительства зафиксировано в натурной датировке на эркере). Существовавший здесь двухэтажный особняк с необарочным фасадом и дворовыми флигелями был сооружен в 1858–1859 гг. К. К. Кольманом для купца И. Е. Кондоянки. Согласно проекту Чагина и Шёне, утвержденному 26 августа 1896 г., предполагалось выполнить «перештукатурку фасада» (в какой-то невнятной стилистике), устроить эркеры-фонарики и увеличить объем лицевого корпуса с тыльной стороны. План застройки участка и габариты парадных помещений в основном оставались прежними. Конюшенный флигель и прочие службы проектировались в формах перпендикулярной готики.²⁵

Особняк был перестроен со значительными изменениями согласованного проекта. Главный фасад, облицованный песчаником, решен наподобие двухъярусной аркады с развитым декоративным завершением и шатровой крышей. В его композиции сочетаются черты итальянского и французского ренессанса. Роскошные интерьеры

*Особняк
А. Ф. Кельха.
Внутренний двор.
Фотография
1900-х гг.*

*Особняк
А. Ф. Кельха.
Готическая
столовая.
Фотография
1900-х гг.*

оформлены в разных исторических стилях, включая великолепную неоготическую столовую с витражами работы Э. Тоде. Дворовые фасады и служебные строения, разительно несхожие с «лицом» особняка, свободно и утонченно стилизованы под готику. Они составляют редкий по законченности и выразительности ансамбль, спрятанный внутри квартала. Особенно примечателен конюшенный корпус со стенами из неоштукатуренного кирпича, унизанными белыми готическими деталями. К нему примыкает ажурная беседка, пленяющая грацией хрупких заостренных форм. Проход во второй двор обрамляет стрельчатая арка — почти как в особняке В. В. Тиса.

Эти фантазии на готические темы очень близки почерку Карла Шмидта. Именно он подписал фиксационные чертежи дома Кельха, представленные в 1903 г. в Городскую управу для согласования (задним числом) отступлений от проекта 1896 г.²⁶ Непонятно, почему это было сделано спустя несколько лет после перестройки и в каком качестве заверял чертежи Шмидт. Не вносит ясность и упоминание этого объекта в перечне заявленных в Городскую управу в начале 1903 г. ходатайств о постройках.²⁷ Можно предположить, что Шёне в ходе строительства привлек к работам друга юности, которого когда-то подтолкнул к занятиям архитектурой, и тот довершил шлифовку неоготических форм особняка и служб. Также вероятно, что его могли пригласить сами домовладельцы — корнет в запасе А. Ф. Кельх и его богатая жена

В. П. Кельх (Базанова), унаследовавшая крупные предприятия в Сибири. Они постоянно приобретали изделия знаменитого петербургского ювелира К. Г. Фаберже — родственника и заказчика Шмидта. Однако при публикации фотографий фасада, интерьеров и флигелей дома Кельха в «Ежегоднике Общества архитекторов-художников» за 1910 г. были указаны только фамилии Чагина и Шёне.²⁸

Стилизации в духе готики и отчасти северного ренессанса питали романтическое направление в архитектуре рубежа XIX—XX вв. В его рамках совершался плавный переход от поздней эклектики к неоромантическому варианту модерна. Для Шмидта и многих архитекторов немецкого происхождения обращение к этим пластам наследия по-прежнему олицетворяло глубинную связь с традициями северноевропейской культуры, верность заветам регионального своеобразия.

Все это наглядно проявилось в одном из главных произведений Шмидта — здании фирмы К. Г. Фаберже на Большой Морской улице, 24, возведенном в 1899—1900 гг. Впервые в петербургском строительстве фасад дома полностью облицован гранитом. Однако и на этот раз Шмидт не сразу изменил «кирпичному стилю».

Здание фирмы
К. Г. Фаберже.
Фасад. 1899

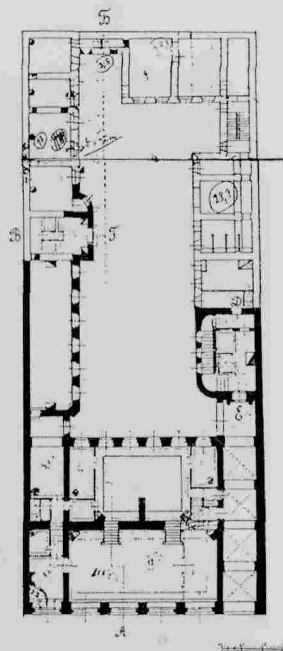
«Фасад был задуман поначалу из декоративного кирпича с гранитными вставками», — вспоминал архитектор.²⁹ Основное поле стены предполагалось облицевать красным кирпичом с перевязкой горизонтальными светлыми полосками.³⁰ В дальнейшем, при переводе в камень, композиция изменилась лишь в деталях.

Идея облачить фасад в камень исходила, судя по всему, от владельца, Карла Фаберже. «Вечный» монументальный материал должен был подчеркивать импозантность здания и солидность процветающей фирмы. Хотя Шмидт приходился ювелиру двоюродным племянником, престижный заказ он получил не совсем по родственной линии. Положение их семей слишком различалось, они практически не общались, но архитектора «горячо рекомендовал» приятель Фаберже промышленник Л. Л. Кёниг, хорошо знавший Шмидта, поскольку финансировал строительство Александринского женского приюта и уже привлекал его к другим работам. Шмидт подолгу обсуждал проект с Фаберже, считая, что этот заказ ставил «самые высокие требования с художественной стороны».³¹

11 мая 1899 г. Городская управа разрешила постройку четырехэтажного дома с двумя флигелями, а 4 июня — второй половины флигелей, замкнувших участок по периметру. Проект фасада, как полагалось для центральных улиц столицы, был отдельно утвержден Николаем II 29 июля того же года.³² Каменная отделка фасада исполнялась из финляндского гранита. «Для обсуждения технических деталей гранитной облицовки мне неоднократно приходилось ездить на Ханко, где обрабатывали гранит и где на одном из островов шахер добывали материал наилучшего качества», — свидетельствовал Шмидт.

Дом фирмы был многофункциональным, в нем соседствовали коммерция и искусство, жилье и производство. Здесь находились магазин и контора, мастерские и художественная студия, апартаменты владельца и квартиры его сыновей. В этом здании фирма Фаберже работала с 1900-го по 1917 г.

План 1^й этажа

Здание фирмы
К. Г. Фаберже. План. 1899

*Здание фирмы
К. Г. Фаберже.
Вид с улицы*

Дом Фаберже — произведение переходное. Если решение фасада следует традициям историзма, то в интерьерах в большей степени проявляются признаки модерна. Такая двуликость отражает переломный момент смены стилей.

Симметричная трехосевая композиция фасада завершена привычными щипцами. Средний щипец крупнее боковых, с ним сочленен малый эркер-фонарик, поднятый на уровень четвертого этажа. Тем самым развитие композиции направляется к центру и вверх. Боковые оси усилены двухэтажными эркерами, нависающими над арками. Богатый арсенал готических форм дополняют мелкие детали, довершает специфический вид дома необычайно высокая черепичная крыша.

Горизонтальным акцентом служит аркада первого этажа, за которой находился магазин — лицо фирмы. Четыре широкие витрины зеркального стекла образуют единый ряд с входным порталом и въездной

Здание фирмы К. Г. Фаберже. Детали фасада

Здание фирмы К. Г. Фаберже. Аркада

аркой. Шмидт придумал коротким приземистым полуколоннам аркады бочкообразную форму, чтобы сохранить ощущение прочного, устойчивого основания. Они словно сжимаются, пружиня, под тяжестью вышележащего массива.

Поле стены трех верхних этажей прочерчено полосами из тесаного камня, а промежутки между ними заполнены грубофактурными рустами. Эти полосы вместе с переплетами и обрамлениями окон срastаются в единую решетку, что создает иллюзию каркасной конструкции в однородном массиве стены. Такой чисто изобразительный прием подтверждал родство с готикой и северным ренессансом.

Шмидт блестяще продемонстрировал самоценность и природную красоту камня. Трудно поверить, что каменная маска дома Фаберже высечена из одного материала — красного и розового гангутского гранита — настолько разнообразны контрастные и нюансные сочетания тех или иных деталей. Такой эффект достигнут чередованием трех способов обработки: мелкоточечной, скальной и полированной. Это заслуга не только архитектора-строителя, но и мастеров-каменотесов, работавших в обществе «Гранит» торгового дома «Кос и Дюрр».³³

Мелкоточечная поверхность придает граниту дымчато-розовый, а рельеф «скалы» — более темный оттенок. Именно контраст фактур и порождает впечатление каркасной структуры с заполнением. Доведенная до зеркального блеска полировка цоколя и колонн подчеркивает насыщенный красный цвет камня. Ювелирная обработка деталей как нельзя лучше отвечает назначению здания, где размещалась всемирно известная ювелирная фирма.

Почти осязаемая игра фактур демонстрирует новое понимание пластических свойств натурального материала. Применение рваного камня, как бы нетронутого обработкой, говорит об особом интересе к природным формам. Эти средства выразительности станут одними из главных в архитектуре модерна.

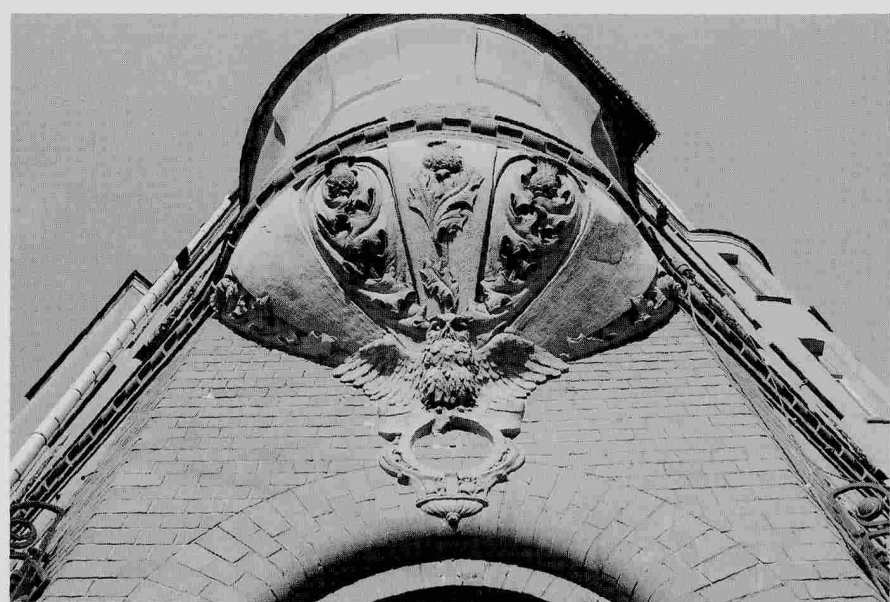
Прямоугольный, вытянутый в глубину двор дома Фаберже соединен с улицей боковым арочным проездом, облицованным изнутри глазурованной белой плиткой с полосками зеленого цвета. Такой тип облицовки прочно войдет в арсенал петербургского модерна, станет одним из его опознавательных знаков. Объем парадной лестницы отмечен со двора ступенчатым шагом высоких окон и треугольным щипцом.

*Доходный дом
Г. А. Шульце*

*Александринский
женский приют*

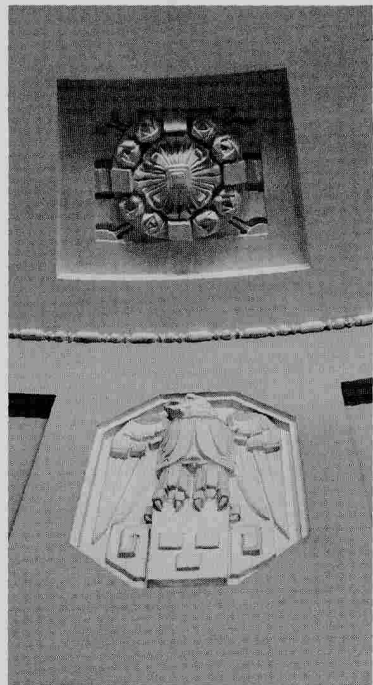

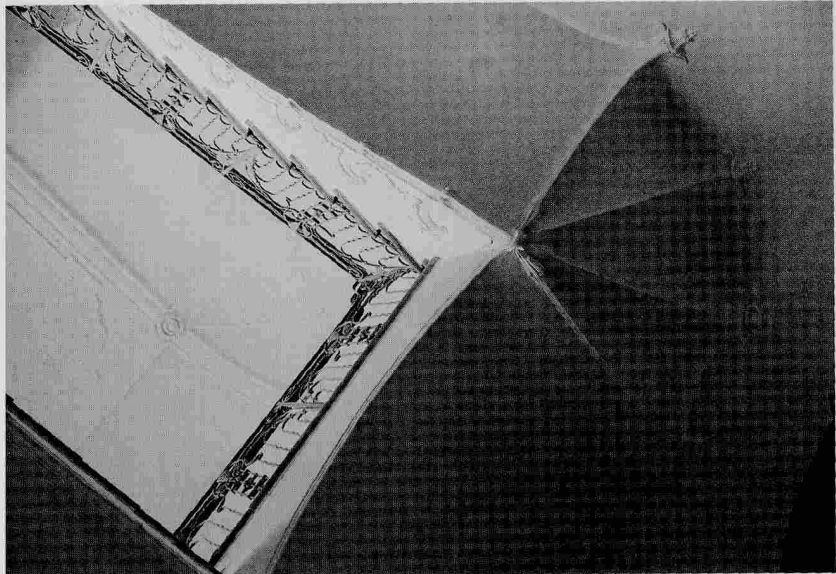
Доходный дом К. К. Шмидта

Доходный дом Шмидта

Доходный дом Л. Л. Кёнига

Дом К. Г. Фаберже

Доходный дом Кёнига

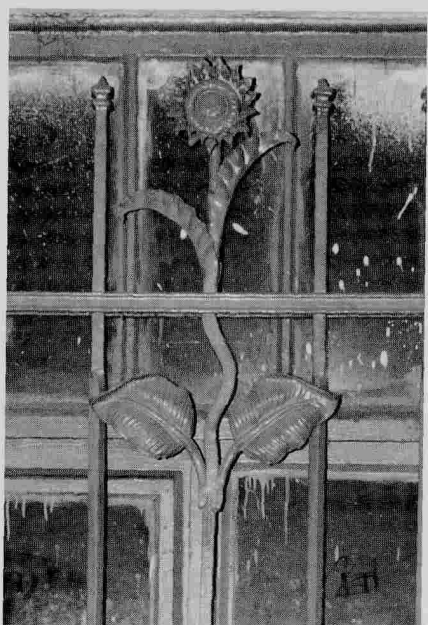
Особняк Форостовского

Доходный дом Кёнига

Особняк Форостовского

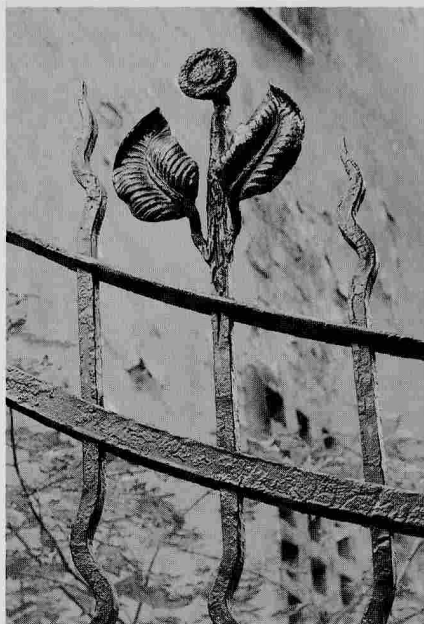
Доходный дом Шмидта. Лестница

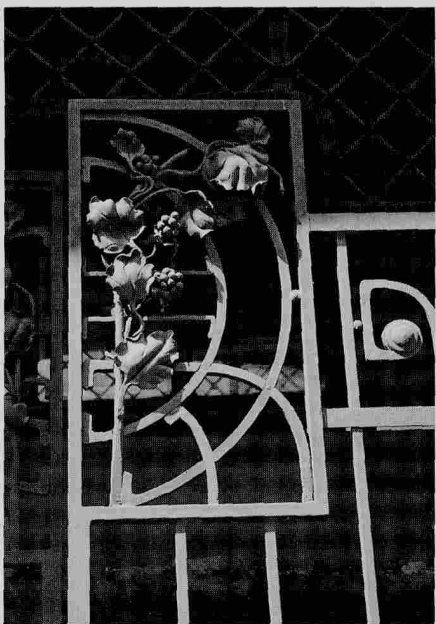
Женская гимназия Э. П. Шаффе

Гимназия Шаффе

Особняк А. П. Букналл. Ворота

Доходный дом Шмидта

☞ Доходный дом Шмидта

☞ Особняк Форостовского

Доходный дом Кёнига

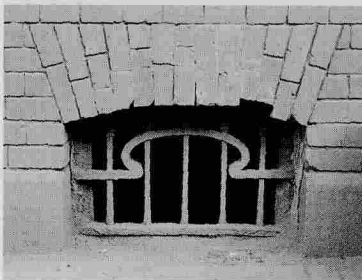
Особняк Форостовского

Доходный дом Шмидта

Доходный дом Шульце

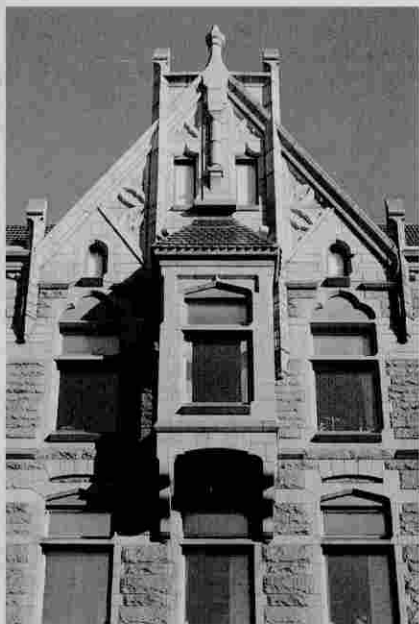
Доходный дом Шмидта

Доходный дом Кёнига

Особняк В. В. Тиса

Дом Фаберже

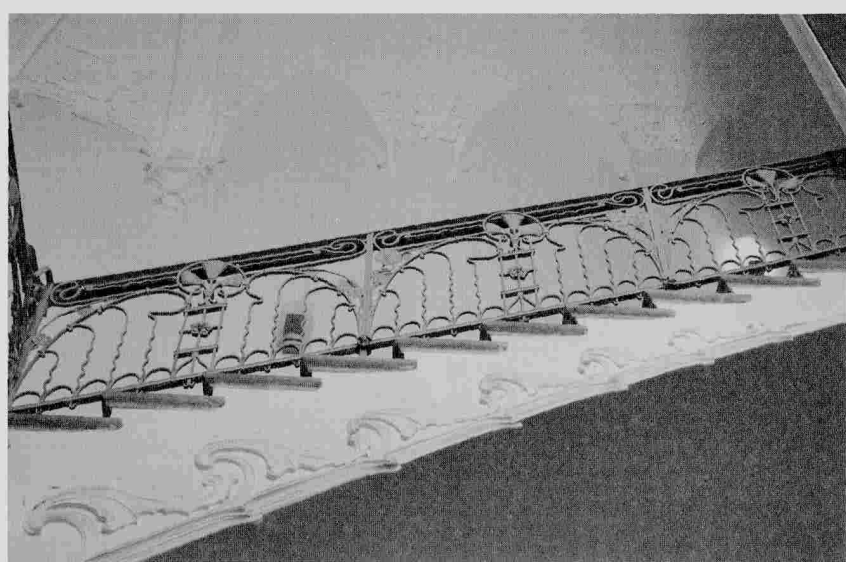
Здание фирмы К. Г. Фаберже. Вид со двора. Проезд

Интерьер лестницы представляет законченный образец раннего модерна. Новый стиль с его методом стилизации нашел здесь яркое воплощение в ансамбле декоративных искусств — витражах, лепке, художественном металле. Все здесь подчинено культуре кривой линии.

Рисунок кованого ограждения пронизан непрерывным беспокойным движением. Волнистые, змеящиеся, прихотливо извивающиеся полосы сплетаются в ритмичный, самопроизвольно вибрирующий узор. Условно стилизованные растения переходят в хитросплетения абстрактного орнамента. Металлический декор был изготовлен мастерской К. И. Винклера, лучшей в Петербурге.

На сводчатом потолке лестничной клетки вновь оживают мотивы готики. Основания арок и нервюр с игривыми извивами обрели свойственную модерну текучесть. Участки свода плотно заполнены лепной листвой и бутонами.

В пространстве лестницы доминируют полихромные мозаичные витражи. Они объединены сквозной темой: восхождением от сада —

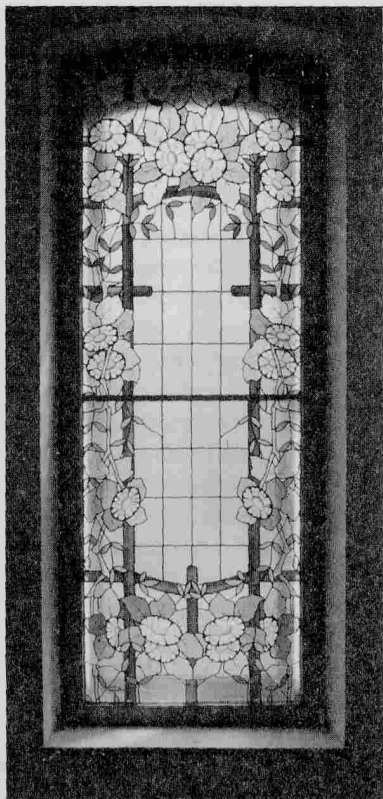

Здание фирмы К. Г. Фаберже. Парадная лестница

к небу. Трельяж увивают изогнутые стебли с разноцветными листьями и пышными цветами. Яркая колористическая гамма с множеством оттенков зеленого и с желто-белыми лепестками наполняет лестницу сверкающими красками.

Кованое железо и наборный витраж, податливо принимающие любые криволинейные формы, оказались наиболее органичными приемам условной стилизации раннего модерна. Художественный ансамбль парадной лестницы дома Фаберже наглядно показывает опережающее развитие декоративных искусств по сравнению с архитектурой. Впрочем, в тот переломный момент промежутков в один-два года между составлением проекта здания и его внутренней отделкой тоже мог отразиться на различии их стилистики. Так или иначе, пример дома Фаберже подтверждает общую закономерность: отечественный модерн начинался в интерьере и в декоре.

Одновременно с постройкой приметных зданий элитарного характера Шмидт выполнял рядовые, второстепенные заказы. В 1898–1899 гг. он составил проекты устройства эркера и гимнастического зала в женской гимназии Э. П. Шаффе, которая размещалась тогда в старом доме на углу Большого проспекта и 5-й линии В. О., 17/16. С хозяйкой частной гимназии, известным педагогом Шаффе, его познакомил профессор Академии художеств Р. А. Гёдик. Несколько раз к Шмидту обращался потомственный почетный гражданин И. А. Пастухов, владелец двух представительных домов на Симбирской улице (ныне улица Комсомола, 12 и 14). В 1899 г. архитектор реконструировал каменные службы во дворе, а в 1906 г. сделал небольшую пристройку к дому № 14.

*Здание фирмы К. Г. Фаберже.
Витраж на парадной лестнице*

Позднее, в 1913 г., он предложил интересную новинку: нарастить на ризалитах дома № 12 застекленные объемы — веранды. Устройством служб Шмидт занимался в 1901 г. на участке семьи Богомолец (набережная канала Грибоедова, 119–123). Совсем мелкие хозяйственные переделки во дворе по Большой Конюшенной улице, 25 (1900–1901), заслуживают упоминания только из-за адреса — это был участок Французской реформатской церкви, где в то время жил сам Шмидт.³⁴

Более существенные работы были проведены в 1899 г. на Чугунной улице, 6, во владении мещанки В. И. Бакалдиной. Здесь Шмидт выстроил два деревянных двухэтажных дома со скромной резной отделкой. Один из них отличался оригинальной планировкой: квартиры без коридоров, расходящиеся в стороны марши центральной лестницы. Проект жилого флигеля в «кирпичном стиле» там же остался неосуществленным.³⁵ В 1899–1900 гг. архитектор построил небольшие каменный и деревянный дома наследников Н. Д. Егорова на углу Выборгской набережной и Крапивного переулка.³⁶ Эти сооружения исчезли, как и вся деревянная застройка петербургских окраин, создававшая в прошлом их специфический колорит.

Важнейшее место в творчестве Шмидта на самом рубеже веков занимала промышленная архитектура. В какой-то степени это объяснялось стечением обстоятельств — связями его отца, инженера К. Ф. Шмидта, служившего в Твери, постройкой Александринского женского приюта, которая ввела зодчего в круг преуспевавших владельцев предприятий, связанных с протестантской общиной и входивших в деловую элиту Петербурга. Но в то же время обращение к прозаической утилитарной сфере строительства совпадало с рационалистическими взглядами Шмидта, с его пристрастием к «кирпичному стилю», который был настолько распространен в промышленной архитектуре, что стал почти ее синонимом.

Технологическая целесообразность и строгая правдивость не снижали экспрессии производственных сооружений; напротив, сообщали им необычайную образную силу, которая достигалась не стилевыми изысками, а крупными массами и четкими ритмами, функционально обусловленными объемностью и силуэтностью, насыщенным красным цветом самого строительного материала, превращенного в отделочный. Заводские корпуса, как правило, были монохромными, без разноцветной облицовки. Поэтому особое значение приобретала рельефная обработка фасадов. Залогом выразительности служила сама кирпичная кладка.

Все эти качества к концу XIX в. стали уже традиционными, и Шмидт мог опираться на богатый опыт своих петербургских предшественников — Р. Б. Бернгарда, Р. А. Гёдике, Н. В. Трусова, Ф. К. фон Пирвица, Э. Г. Юргенса.³⁷ Среди них тоже явно преобладали архитекторы немецкого происхождения. Старший товарищ Шмидта, П. В. Алиш, состоявший архитектором Кренгольмской мануфактуры в Нарве, работал также и на петербургских предприятиях.

Первый большой заказ на промышленные постройки Шмидт получил в 1897 г. из Твери. Произошло это благодаря его отцу, который в 1890 г. переехал из Петербурга в этот город, заняв должность директора управления водопроводов. В судьбе архитектора Тверь сыграла огромную роль: именно там он встретил будущую жену, дочь пастора Эрику Иоганзен. Бракосочетание состоялось в том же 1897 г., ставшем столь значимой вехой в жизни и творчестве Шмидта. Работы в Твери растянулись на восемь лет, и о них будет сказано ниже.

Для петербургских промышленников архитектор начал активно строить с 1898 г. Одним из основных заказчиков Шмидта был «хлопковый король» Л. Л. Кёниг, владелец Чернореченской бумагопрядильни, основанной в 1873 г. его отцом Л. Е. Кёнигом. Предприятие занимало участок на левом берегу Обводного канала, между Лифляндской улицей, 1–3, рекой Екатерингофкой и Бумажным каналом. Главный прядильный корпус возвел в 1874 г. Н. В. Трусов. Это массивное краснокирпичное здание увенчано зубатыми башнями — типичная для сооружений такого рода аллюзия на средневековое зодчество.

С 1898-го по 1900 г. здесь вел работы Шмидт. Архитектор придерживался сложившихся приемов «кирпичного стиля», продолжая формирование единой по характеру застройки предприятия, которую после Н. В. Трусова осуществляли А. И. Рейнбольт и В. В. Виндельбандт.³⁸ (Целостность комплекса сильно нарушена грубыми вторжениями и переделками 1950–1970-х гг.)

Шмидт начал с сооружения шести деревянных сараев у берега Екатерингофки. Следом устроил наружный тамбур и мансарды главного прядильного корпуса. Затем в том же 1898 г. построил при входе на фабрику одноэтажное здание конторы с воротами. Фасад его был ритмически организован рустованными лопатками и завершен небольшими щипцами. Скромный рельефный декор дополняли бровки над окнами и пояс городков вверху.

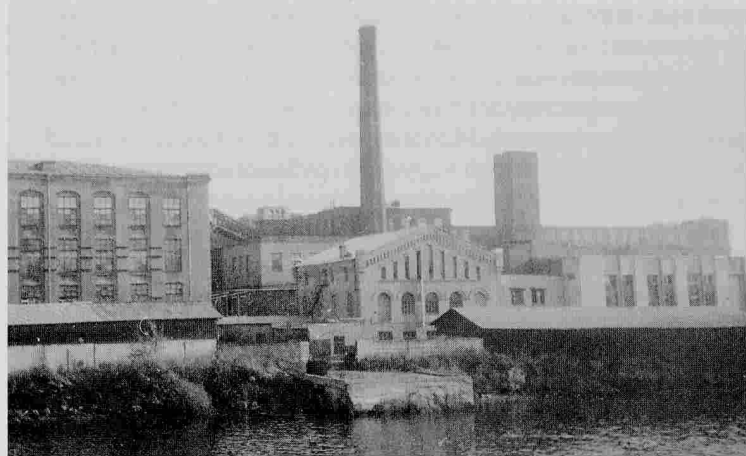
В июне 1899 г. был утвержден составленный Шмидтом план новых производственных сооружений бумагопрядильни. К главному

прядильному корпусу предполагалось пристроить четырехэтажное крыло вдоль Бумажного канала, а рядом с расширяемой котельной возвести протяженное машинное здание. Проект удалось воплотить в жизнь не полностью и с изменениями: котельная была увеличена с торцевой стороны, машинное здание решено компактным блоком, квадратным в плане. Его фасад, обращенный к Екатерингофке, окаймлен под скатами крыши мелким аркатурным поясом. Здесь улавливается ненавязчивый намек на мотивы романского стиля. Над широкими арочными проемами проходит в верхнем ярусе ряд щелевидных окон, повышающихся от краев к центру. Контрасты пропорций и масштаба делают здание приметным, выделяющимся из окружения.

По свидетельству И. Г. Калужинской, в одном из корпусов Шмидт ввел новаторский прием, оставив обнаженными балки оконных перемычек и превратив их в «важный элемент композиции фасада».³⁹ Правда, неясно, о каком сооружении идет речь. В дальнейшем этот прием стал показательным для Шмидта и был подхвачен многими архитекторами.

В 1900 г. Шмидт проектировал перестройку и расширение комплекса Товарищества шелковой и шелкопрядельной фабрики на 7-й линии В. О., 82–84.⁴⁰ До наших дней от нее ничего не сохранилось.

Больше всего Шмидт строил на Выборгской стороне, в кварталах между Большой Невкой и Большим Сампсониевским проспектом.

Машинное здание Чернореченской бумагопрядильни (в центре)

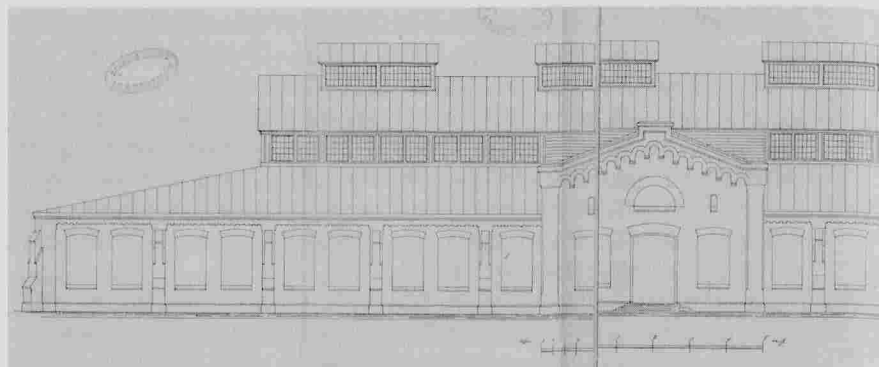
Здесь исторически сложилась плотная цепь предприятий, составлявшая часть крупнейшей промышленной зоны на северо-востоке Петербурга. Вдоль речной излучины развевывался уникальный индустриальный пейзаж с краснокирпичными корпусами, высокими водонапорными башнями и трубами, похожими на гигантские колонны. По своеобразию и живописности это было одно из красивейших мест города. Сегодня оставшиеся заводские комплексы задавлены современными громоздкими зданиями, уничтожившими неповторимый колорит берегов Большой Невки.

Постройки Карла Шмидта вписывались в окружающую среду индустриального района. Целый комплекс был создан зодчим на машиностроительном и чугунолитейном заводе «Г. А. Лесснер». Предприятие, носившее имя своего основателя, прусского подданного, принадлежало его наследникам. В 1898 г. было образовано акционерное общество и начато расширение второй части завода — «Новый Лесснер», занимавшей обширную территорию между Выборгской набережной, 49, Большим Сампсониевским проспектом, 66, и улицей Александра Матросова, 1 (современные адреса).

18 марта 1898 г. Шмидт подписал проект, утвержденный 30 апреля Городской управой, согласно которому внутри участка были возведены электростанция, чугунолитейная и котельная мастерские.⁴¹ Обе мастерские относятся к типу одноэтажных зданий с внутренним каркасом и дополнительным верхним светом. Внутри цехов проходят два ряда металлических решетчатых столбов. Снаружи стены укреплены пилонами-контрфорсами — это явная ссылка на готику, в которой тогда виделся далекий прототип «базиликальных» промышленных зданий. Лопатки, дуговые перемычки окон, зубчатые или аркатурные пояса представляют характерный набор деталей «кирпичного стиля». Двухъярусные фонари верхнего света имели почти сплошное ленточное остекление с продольных сторон. Высокая стройная труба электростанции оканчивалась декоративно обработанным оголовком.

Через несколько лет чугунолитейная и котельная мастерские были расширены уже без участия Шмидта. Стоящие рядом, параллельно один другому, корпуса соединили встройкой с западной стороны и удлинили в противоположном направлении. В наши дни бывшие цеха «Нового Лесснера» большей частью бездействуют и разрушаются на глазах.

Шмидт выполнил заказ и для машиностроительного завода «Старый Лесснер», располагавшегося на участке между Пироговской

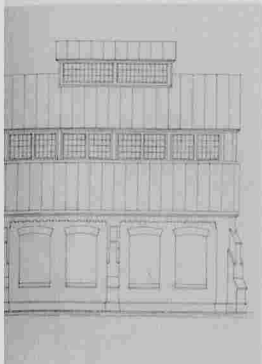
Мастерские завода «Новый Лесснер». Фасад. 1898

набережной Большой Невки, 11, Оренбургской улицы, 6, и Сахарным переулком. Здесь, как и на Чернореченской бумагопрядильне, ему довелось дополнять комплекс зданий, сформированный в 1860–1870-х гг. Н. В. Трусовым.

В апреле 1898 г. был утвержден проект Шмидта — объединение новой связкой двух параллельных корпусов у южной границы участка. Встраиваемое среднее звено должно было освещаться только сверху продольными и поперечными зенитными фонарями, а также через застекленные верхние части с торцевых сторон. В августе 1898 г. архитектор предложил иной вариант, который и был осуществлен. Трехчастный цех на две трети сооружался заново. Ряды внутренних металлических столбов представляли собой открытые решетчатые конструкции. В композиции фасадов использована тема аркады.⁴² В настоящее время здание сильно перестроено.

Более благополучной оказалась судьба крупного комплекса телефонного завода «Л. М. Эриксон и К^о», расположенного на углу Большого Сампсониевского проспекта, 60, и Гельсингфорской улицы, 2. Корпуса предприятия сохранились почти в первозданном виде и недавно были перепрофилированы под офисные цели.⁴³

Создатель шведской телефонной промышленности Л. М. Эриксон организовал в 1897 г. производство в Петербурге. Сначала его мастерские находились на 20-й линии В. О. Вскоре для предприятия выбрали место на Большом Сампсониевском проспекте.

В январе 1899 г. Карл Шмидт представил проект заводских зданий, который был одобрен 5 июля Техническим совещательным присутствием при градоначальнике⁴⁴ (почему-то бюрократическая процедура заняла полгода). Угловой участок предполагалось застроить по периметру пятиэтажными корпусами с дополнительным крылом по Форбесову переулку (ныне безымянный тупик с южной стороны комплекса). На фасадах варьировались общепринятые формы «кирпичного стиля»: контрфорсы, лопатки, дуговые перемычки окон, рельефный узор вверху стен. Излюбленные щипцы отличались усложненным рисунком.

Во дворе размещался трехэтажный жилой флигель.

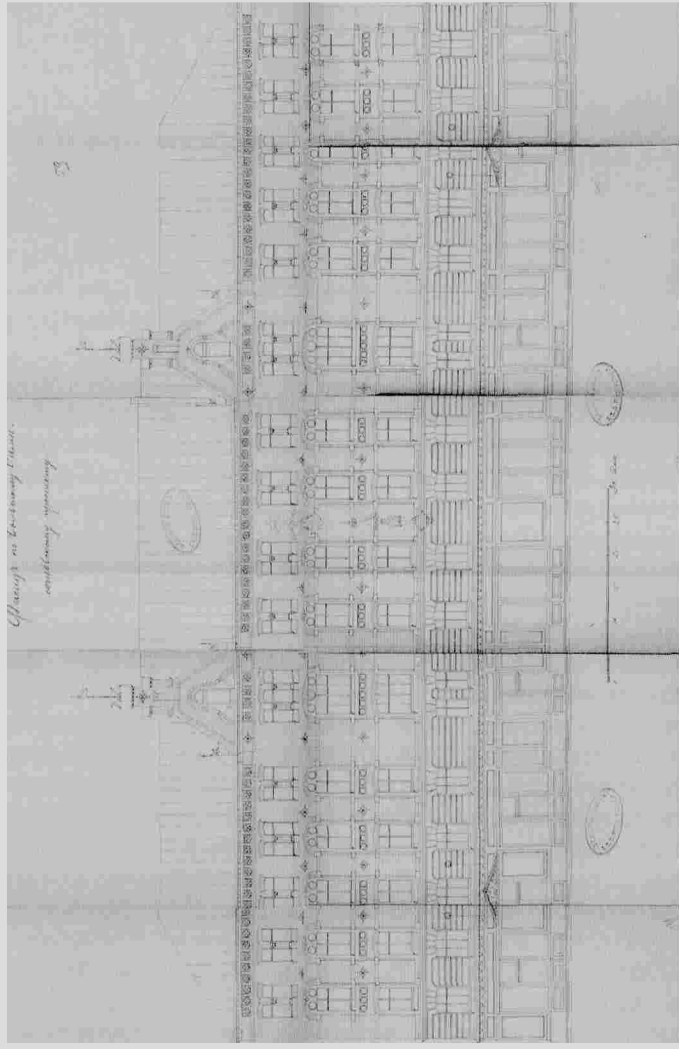
Проект 1899 г. был реализован лишь частично, на углу проспекта и Гельсингфорской улицы еще долго оставалось пустое место. Завод вступил в действие в декабре 1900 г. Объемы производства неуклонно возрастали, штат предприятия за полтора десятилетия увеличился со 165 человек почти до трех тысяч. В 1905 г. фирма стала акционерным обществом (ее головной завод оставался в Стокгольме). Главным инженером петербургского отделения был назначен по протекции Шмидта его хороший знакомый Лев Шпергазе — приемный сын Э. П. Шаффе, выпускник Электротехнического института. Позднее он занял должность директора завода и вместе со Шмидтом осуществлял его расширение.

В 1910 г. у западной границы участка соорудили деревянную градирню (охладитель системы Бальке). Летом того же года была разрешена постройка пятиэтажных корпусов на углу Большого Сампсониевского проспекта и Гельсингфорской улицы, на следующий год — пристройки со двора обсервационной башни и одноэтажного объема с лежачими окнами. В 1912 г. значительно расширено здание вдоль Гельсингфорской улицы, где заводской фасад образовал единый протяженный фронт. Наконец, в 1913 г. была замкнута периметральная застройка участка со стороны проспекта, тогда же на корпусах устроены железобетонные мансарды.⁴⁵

Таким образом, строительство завода Русского акционерного общества «Л. М. Эриксон и К^о» заняло целых 15 лет. Тем не менее весь

*Uffizien der Kaiserlichen Akademie
der Wissenschaften*

53

комплекс воспринимается как единовременное сооружение. Все его звенья выдержаны в общем композиционном ключе, в одной стилевой манере. Мерный шаг окон дугообразных очертаний изредка перебивается по осям лестниц узкими креповками с треугольными щипцами. Краснокирпичные плоскости стен на верхних этажах чуть заглублены, и простенки превращаются в лопатки. Там же сосредоточен рельефный декор, выполненный в самой кладке,— пояса городков, «полотенца», бровки над окнами.

Сдержанное, экономное решение фасадов отражает утилитарную функцию комплекса. Здесь нет тех изысков, той рафинированности, как, например, в Александринском женском приюте или особняке В. В. Тиса. Единая организация производственных пространств и скрытый внутренний каркас диктуют метрический строй фасадов и стандартизацию их элементов. Шмидт не боялся монотонности растянутых вширь корпусов. Крупный ритм креповок со щипцами, выверенные пропорции и отточенный рисунок, выразительность пластики и цвета, естественная слитность декора со структурой создают убедительный художественный образ производственных сооружений. Как и во многих других промышленных зданиях, правда материала и добротность исполнения являются важнейшими

Телефонный завод «А. М. Эриксон и К^о», Вид с проспекта

Телефонный завод «А. М. Эрикссон и К^о».

Панорама 1910-х гг.

эстетическими средствами, а утилитарное и декоративное начала неразрывно взаимосвязаны.

В архитектуре завода нет контраста между внешней и внутриквартальной сторонами. Дворовым фасадам свойственны те же законченность и тщательность проработки. Оригинальная деталь дворового корпуса — широкие балконы на обнаженных металлических балках — наглядная демонстрация конструкции. Вертикальный акцент в силуэт застройки вносит башня с водоразборным баком над южным корпусом.

Железобетонные перекрытия корпусов выполнены из арок-ребер, в замки которых встроены продольные зенитные фонари. Парадная лестница северного корпуса привлекает изящной отделкой. Мотивы модерна звучат в ее решетках, увитых стеблями и листьями.

Крупный комплекс телефонного завода имеет важное средообразующее значение. Он во многом определяет специфический индустриальный колорит этих мест. И вот что особенно показательное: долгий период строительства предприятия совпадает с хронологическими рамками развития модерна, но в облике заводских зданий черты этого стиля почти не отразились (кроме мелких, едва заметных штрихов).

Карл Шмидт, видный зодчий петербургского модерна, придерживался при создании комплекса более традиционной стилистики. Это типичный образец «кирпичного стиля» промышленной архитектуры, который оставался довольно устойчивым в строительной практике конца XIX — начала XX в. Об этом свидетельствует и расположенное напротив, на другой стороне Гельсингфорской улицы, массивное кирпичное здание с шатровыми башнями — корпус фабрики «Невка», возведенный в 1911 г. блестящим мастером модерна Н. В. Васильевым. Лаконичное и несколько архаичное решение этого корпуса не выходит за рамки той же разновидности «кирпичного стиля».

Среди заказчиков Шмидта фигурировал также А. Эрикссон, владелец часовой фабрики и магазина на Невском проспекте, 13. Для обоих Эрикссонов архитектор построил дачи в Шувалове (по-видимому, они находились на Петровской улице, 1, и Софийской улице, 2).

В прибрежной части Выборгской стороны Шмидт работал и на других предприятиях. В 1904 г. он надстроил четвертым этажом здание бумагопрядильной мануфактуры К. В. Гергарди на Выборгской набережной, 39. Этот лицевой корпус был сооружен в два приема, в 1880-м и 1897 гг., Ф. К. Пирвицем. Шмидт тактично завершил кирпичный фасад, увенчав его башенным объемом со щипцом.⁴⁶ В 1907 г. он произвел надстройку одного из цехов механического завода «Людвиг Нобель».⁴⁷

Остался неосуществленным интересный проект казармы для рабочих сахарного завода Л. Е. Кёнига.⁴⁸ Проект был представлен и утвержден в декабре 1904 г. Четырехэтажное здание должно было располагаться перпендикулярно Сахарному переулку вблизи Большого Сампсониевского проспекта, 24. Первый этаж отводился под столовые, остальные — под многоместные спальни, соединенные с одной стороны светлыми коридорами. В боковых ризалитах размещались лестницы и туалеты.

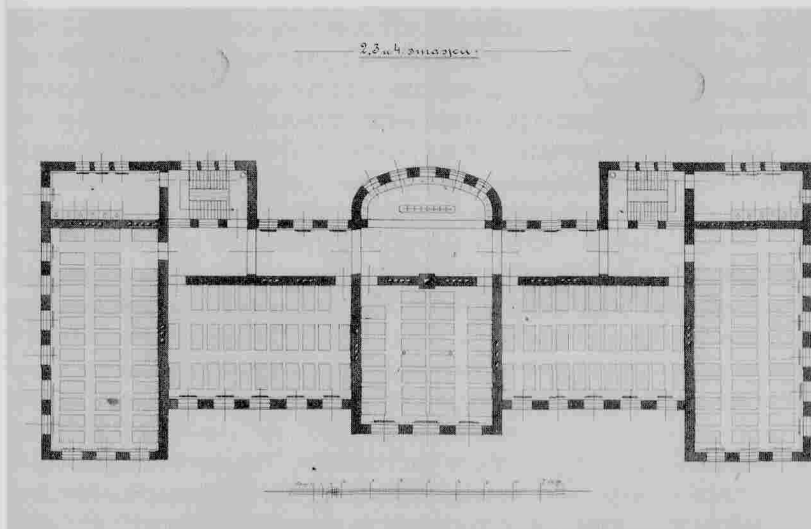
Композиция фасадов строилась на контрастном сочетании лицевого кирпича и светлой штукатурки. Кирпичом облицованы нижние части стен и объемы лестниц, окаймлены ризалиты и венчающие их фронтоны, выложены надоконные перемычки. Тем самым отчетливо показаны структурные узлы и элементы. Однако верхняя граница кирпичной облицовки проходила не между этажами, а рассекала окна, зрительно деформируя структуру здания. Этот острый формальный прием, свойственный модерну, противоречил тектонической логике.

Проект казармы на сахарном заводе А. Е. Кёнига. Фасады

Широкие фронтоны отличались затейливым текучим контуром и сложной декоративной разделкой. Для фасада, на который выходят коридоры и лестницы, Шмидт использовал более десятка типов окон, варьируя их формы и группировку. Среди них выделялись широкие косоугольные проемы лестничных клеток, обрезанные по диагональным линиям маршей и скругленные на углах. Такой оригинальный прием Шмидт ранее уже опробовал при постройке заводских казарм в Твери.

Масштабы деятельности Шмидта в промышленном строительстве еще предстоит уточнить. Неясна его роль в сооружении машиностро-

Проект казармы на сахарном заводе А. Е. Кёнига. План

ительного завода «Атлас» в Петербурге, устройстве рабочего поселка Трехгорной (Даниловской?) сахарной фабрики в Москве. Известно, что он строил бумажную фабрику К. П. Печаткина с жилыми домами на реке Ижоре. Фабрика имела два производства на берегах Ижоры: одно — в нынешнем поселке Коммунар, другое — в селе Лукаши. От первого сохранился трехэтажный краснокирпичный корпус у плотины, от второго — котельная с высокой стройной трубой.

Разноречивы сведения о работах Шмидта в Твери. О его причастности к проектированию и возведению всякого трехпролетного моста через Волгу говорит пока лишь семейная легенда. Этот мост был сооружен в 1897–1900 гг. инженерами В. Ф. Точиским и Л. И. Машеком. Также неясна связь Шмидта с Товариществом Тверской мануфактуры (Морозовской). Бесспорно одно: с 1897 г. архитектор активно занимался в этом городе постройками на бумагопрядильной и ткацкой фабрике Товарищества Рождественской мануфактуры П. В. Берга.

Предприятие это было основано в 1853 г. на правом берегу реки Тьмаки московским купцом Н. И. Каулиным. В 1878 г. его приобрел уральский фабрикант П. В. Берг, который последовательно наращивал производство. В состав Товарищества Рождественской мануфактуры, кроме прядильной и ткацкой фабрик, входили механический,

кирпичный и лесопильный заводы, а также торфоразработки.⁴⁹ Управление фирмы находилось в Москве, а ее директором в Твери был англичанин Кук. Он поддерживал добрые отношения с отцом Шмидта, что и предопределило приглашение архитектора.

Шмидт вел строительство и реконструкцию кирпичного завода, прядильни, котельной, административного здания и других сооружений. В 1901 г. на одной из построек произошло обрушение, однако экспертиза авторитетного инженера А. Ф. Лолейта и других специалистов доказала, что эксцесс случился не из-за просчета архитектора.⁵⁰ Предприятие было разрушено в конце 1941 г., во время немецко-фашистской оккупации Твери.

Сохранились в хорошем состоянии казармы Рождественской мануфактуры (улица Спартака, 43, 44, 45). Три идентичные пятиэтажные здания строились по проекту Шмидта в 1901, 1904 и 1905 гг.⁵¹ Корпуса спланированы по коридорной системе. Двусторонние продольные коридоры оканчиваются металлическими лестницами. Часть помещений перекрыта железобетонными сводами.

Прямоугольные блоки казарм расчленены ризалитами, которые подчеркивают симметрию фасадов. Ризалиты завершены щипцами ломаного абриса, образующими резкий беспокойный силуэт. Простенки прочерчены легкими контрфорсами и лопатками. Оригинальны узкие щелевидные ниши, сильно вытянутые по вертикали, в верхних частях

*Казармы
Рождественской
мануфактуры
в Твери*

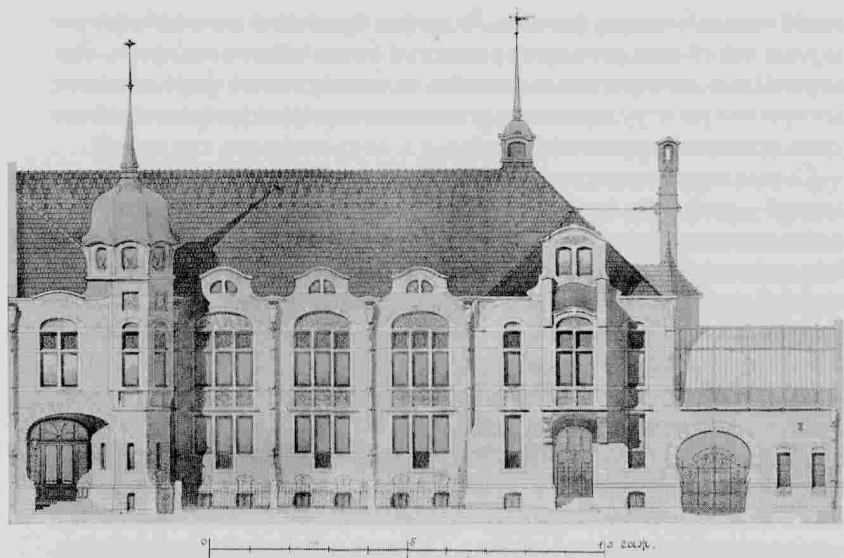
ризалитов и боковых фасадов. Рельефная разделка лицевой краснокирпичной кладки дополнена россыпью белых вставок из бетона. Эти вкрапления, контрастно выделяясь на более темном фоне, создают декоративную игру и вместе с тем оттеняют структурные элементы: углы, креповки, перемычки окон.

Самые неординарные и эффектные композиционные узлы этих зданий — ризалиты торцевых фасадов, заключающие в себе лестничные клетки и раскрытые почти сплошным остеклением. Диагональные перемычки, рассекающие стеклянный экран, следуют наклонам маршей, проецируя изнутри наружу конструкции лестниц. Проемам придана мягкая форма ползучих арок. Интересно, что подобный рисунок имеют лестничные окна кирпичных казарм при Товариществе Тверской мануфактуры (этот жилой городок застраивался по проектам А. Э. Эрихсона, В. К. Терского и других).

Облик казарм Рождественской мануфактуры близок «кирпичному стилю» промышленной архитектуры. Эти постройки прозаического назначения также наделены романтизированными чертами — отголосками готических мотивов. Острота и условность стилизации, свободные манипуляции с традиционными деталями, произвольные пропорции, текучие линии ползучих арок — во всем этом чувствуется преломляющая призма модерна. Но все же здесь модерн заявляет о себе не в полный голос — в отличие от петербургских особняков и доходных домов, построенных Шмидтом в то же время, в начале 1900-х гг.

Пространственно-планировочная организация казарменного комплекса Рождественской мануфактуры несла в себе новые приемы. Все здесь построено на принципе типизации. Все фасады зданий равноценны, и тем самым полностью снято противопоставление уличного и внутриквартального пространств. Параллельно стоящие корпуса ориентированы по оси север — юг и обращены к улице торцами. Это пример строчной застройки, которая получит распространение уже в период конструктивизма.

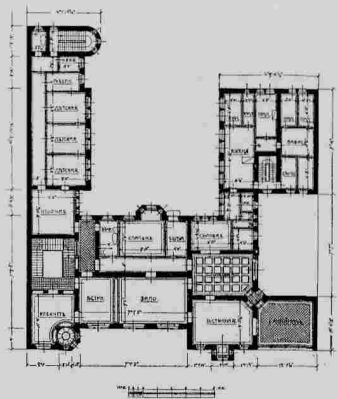
Бурный всплеск модерна в самом начале 1900-х гг. совпал с кульминацией творческой деятельности Шмидта. Программным для него произведением нового стиля стал особняк П. П. Форостовского на 4-й линии В. О., 9, сооруженный в 1900–1901 гг.⁵² Жесткая трактовка неоготических мотивов, свойственная его предшествующим постройкам, сменилась здесь оригинальной стилизацией в духе северного

Особняк П. П. Форостовского. Фасад

ренессанса, подчиненной свободной пластике подчеркнута асимметричной композиции и экспрессии текучих криволинейных форм. В этом здании уже в полной мере воплотились особенности раннего модерна, созвучные исканиям немецкого югендстиля.

Проект здания был утвержден в июне 1900 г. Заказчик, купец 1-й гильдии Павел Форостовский, владел транспортно-экспедиторской фирмой, специализировавшейся на доставке товаров из Финляндии. Дом выполнял двойную роль: семейного жилища и делового учреждения. Соответственно этому он был поделен на функциональные зоны, о чем писал сам архитектор: «Данные для проекта были следующие: высокий, светлый и сухой подвал для склада товаров, помещение для экспедиторской

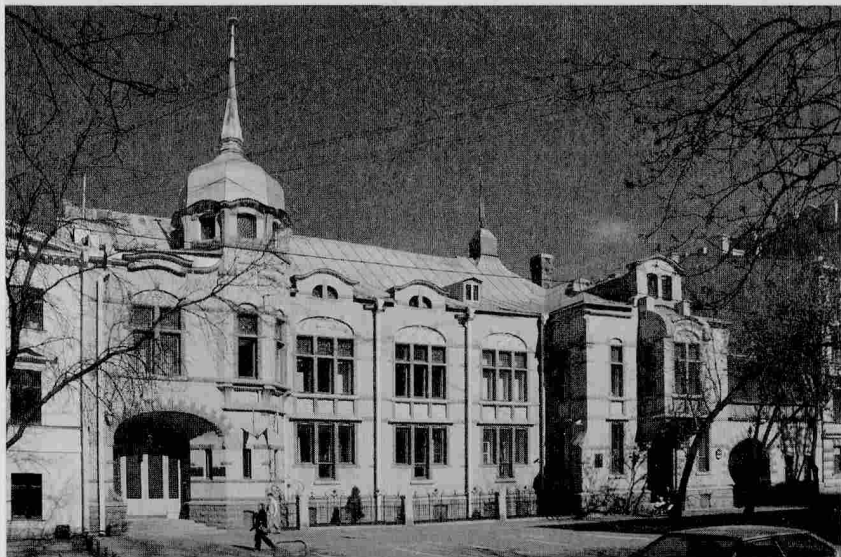

Особняк П. П. Форостовского. План

конторы с отдельными чистым и черным входами на первом этаже, барская квартира с парадными комнатами и с зимним садом на лицо во втором этаже, также с отдельным входом с совершенно отдельным флигелем для детей, расположенным в саду на солнечной стороне, и с хозяйственным флигелем, также по возможности отделенным от парадных комнат».⁵³

Шмидт стремился преодолеть двухмерность фасада — и активизировать его объемность и силуэт. Средняя часть здания заглублена, перед ней устроен палисадник. Левый выступ переходит в граненую башню, завершенную куполом и шпилем; правый акцентирован эркером, мансардой, еще одним шпилем и связан в одной плоскости с пониженным крылом, над которым устроен зимний сад с наклонной стеклянной стеной.

При взгляде на фасад возникает впечатление напряженной аритмичной пульсации масс. Упругие арки и неравномерно расположенные окна — тройные, двойные, одинарные — прорывают поверхность стены, обведенной подвижным волнообразным контуром. Контрасты башни, эркера и заглубленных входов усиливают пространственную

Особняк П. П. Форостовского

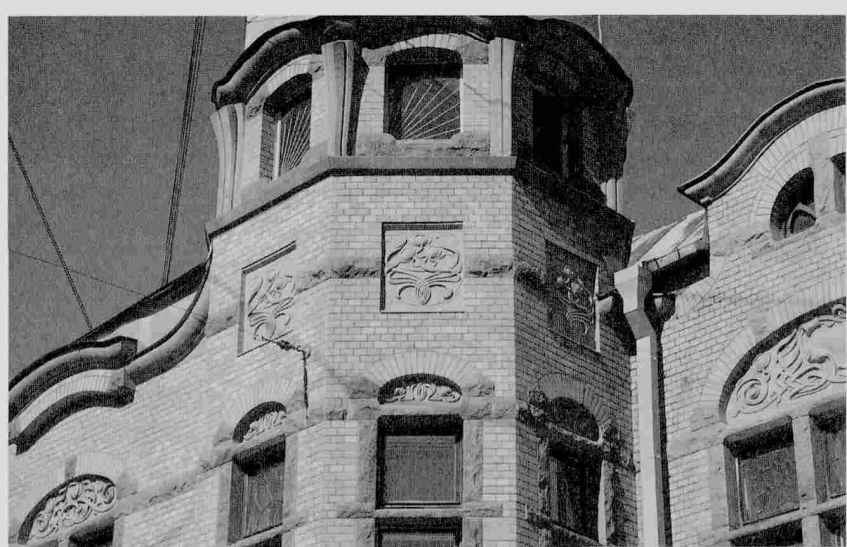
динамику композиции. При этом живописная иррегулярность фасада тесно связана с внутренней планировкой.

Палитра отделочных материалов определяется сочетаниями кирпича и камня. Разнообразные комбинации грубофактурного или гладкого гранита, облицовочного кирпича, искусственного камня, стекла и металла выявляют архитектуру сооружения и одновременно создают острые и неожиданные декоративные эффекты. Одним из первых среди представителей петербургского модерна Шмидт убедительно использовал прием сопоставления материалов, при котором рельефнее проявляются свойства каждого из них, виртуозно реализовав заложенный в их природе эстетический потенциал.

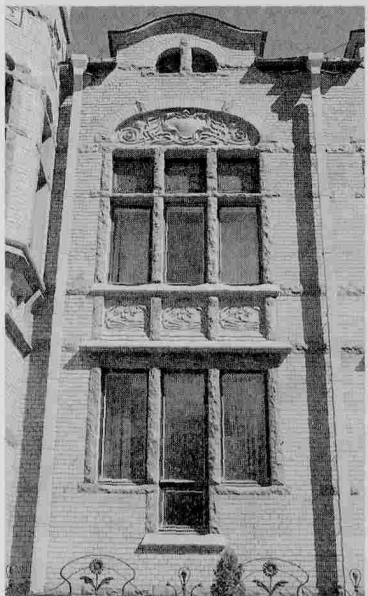
Массивная прочность цоколя подчеркнута большими блоками красного гангутского гранита скальной фактуры. Стена облицована светло-охристым кирпичом (с внутренними выступами-румпам), изготовленным в Германии. Из гранитных плит составлены обрамления окон и горизонтальные тяги, которые поддерживают ряды кирпичей. Таким образом, строение фасада вновь уподоблено каркасной сетке с заполнением — как в здании фирмы К. Г. Фаберже. Зримая конструктивность соединяется с затейливостью детализировки. Непринужденная игра кривых линий, живая изменчивость форм символизировали стихийные формообразующие силы.

Хрупкие металлические узоры кованой ограды палисадника, решетки ворот и флаг-патронов, рельефные вставки с картушами и стилизованными цветами из искусственного камня, фигурная арматура окон наполнены многообразием линейных форм — плавно изогнутых и прихотливо сплетенных, вялых и энергичных, передающих колебание ветра или движение волн. Даже каменным блокам в пятах арок и в завершениях объемов приданы мягкие, как бы зализанные очертания, похожие на растущие из стен носы. Отдельные блоки гранита скальной фактуры вкраплены в поверхность стены как рельефные вставки, заменившие традиционный скульптурный декор. В петербургском модерне это был один из первых примеров, когда стилизация растительных мотивов дополнена введением абстрактных декоративных элементов.

На оштукатуренных дворовых фасадах выделяются детали из красного кирпича: надоконные перемычки, вертикальные и горизонтальные полосы. В этом случае архитектор экономно следовал приемам «кирпичного стиля». Флигель с детскими комнатами, обращенный окнами на юго-восток, отмечен высоким полукруглым выступом

Обо́нѣк П. П. Форостовско́го. Дѣтали

Особняк П. П. Форостовского. Детали

Особняк П. П. Фростовского. Разрез и дворовый флигель

лестничной клетки с коническим завершением, отдаленно напоминающим башню замка. Это был один из популярных образных знаков неоромантического модерна.

Главный вход в жилую часть расположен в левом выступе (здесь Шмидт как раз отказался от стрельчатых «готических» очертаний порталов, показанных в утвержденном проекте). Вестибюль динамично раскрывается сквозь широкую арку в пространство парадной лестницы, освещенной фонарем верхнего света. Камин вестибюля будто вылеплен из переливчатой массы и оплетен беспокойными извилами. На нижней площадке лестницы установлена высокая изразцовая печь с яркими стилизованными цветами. В выступающем объеме на втором этаже заключен кабинет,

Особняк П. П. Фростовского. Печь

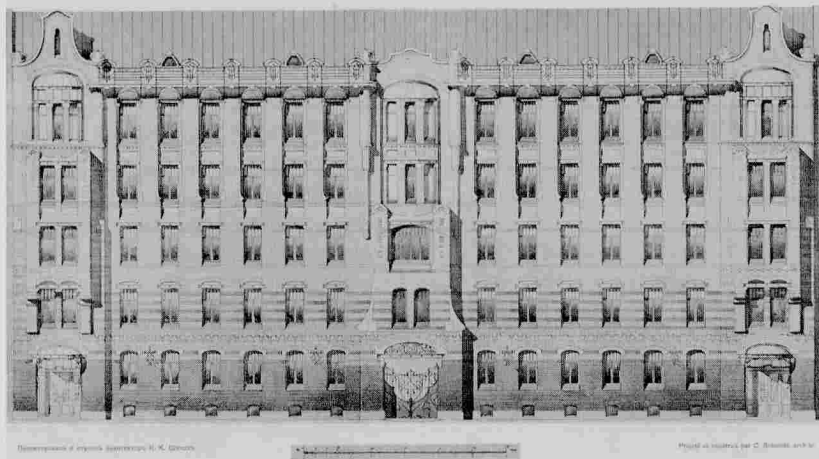
внутри которого вычленена угловая ротонда со свободно трактованными ордерными элементами. Зимний сад оформлен наподобие грота. В нем обитатели и гости дома могли мысленно перенестись в особую экзотическую среду, далекую от обыденной деловой суеты.

Позднее, в 1908 г., Шмидт построил для Форостовского здание склада во дворе на Малой Посадской улице, 23.⁵⁴

Серия доходных домов, построенных Шмидтом в стиле модерн, открывается домом купца Г. А. Шульце (улица Куйбышева, 22). Этот заказ архитектор получил при содействии Л. Л. Кёнига. Здание представляет собой обновленную модификацию «кирпичного стиля». Проект его был разработан в 1900 г., строительство осуществлено в последующие два года.⁵⁵

Трапециевидный участок застроен в форме каре. В лицевом корпусе на каждом этаже находятся по две большие квартиры, к которым ведут две парадные лестницы, расположенные по крайним осям. Если для особняка Форостовского Шмидт избрал асимметричную композицию, то здесь предпочел симметричную трехосевую схему.

Равномерная сетка окон перебивается тремя эркерами, а щипцы над ними продолжают вертикальное движение. Плоские прямоугольные эркеры с лопатками переходят в округлые выступы, по бокам которых тянутся необычные трубчатые элементы. В отличие от построек периода эклектики, эркеры не выдвигаются из стены, но являются ее

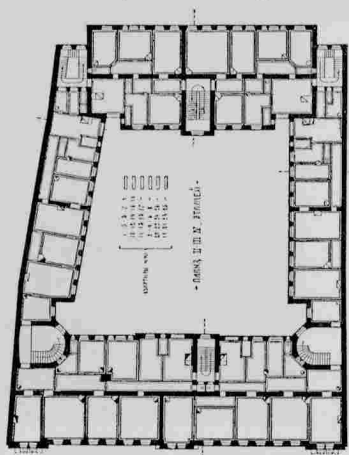
Доходный дом Г. А. Шульце. Фасад

*Доходный дом Г. А. Шульце.
Вид с улицы*

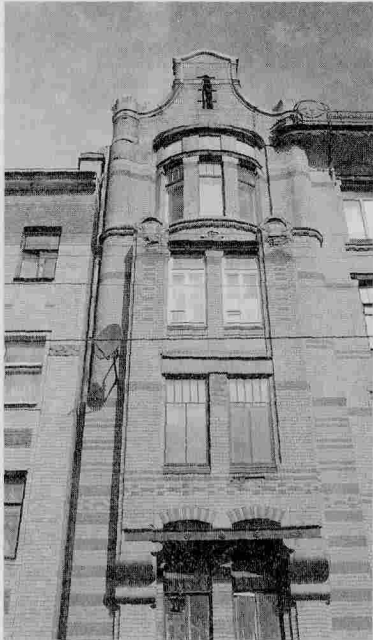

пластическим продолжением. Пульсацию выгнутых форм продолжают криволинейные щипцы: пологий — в центре и взметнувшиеся вверх — по краям. Конструктивные узлы — пяты перемычек, кронштейны эркеров, навешива лопаток — скреплены вставками из розового гранита. Они выглядят сгустками оплывшей и застывшей массы (наподобие «носатых» деталей особняка П. П. Форостовского).

Весь фасад выложен желтым и красным матовым кирпичом. Ковровая полосатая облицовка теплых тонов традиционна для «кирпичного стиля», но в доме Шульце абстрактный узор крупнее, лаконичнее, а чередование полос отличается свободной ритмикой, не связанной с внутренней структурой. В творчестве Шмидта «кирпичный стиль»

Доходный дом Г. А. Шульце. План

Доходный дом Г. А. Шульце. Фрагменты фасада

естественно претворился в одну из разновидностей петербургского модерна, что оказало заметное влияние на других архитекторов начала XX в.

Важную роль в композиции играют металлические детали, выступающие в разных качествах. Извивающиеся железные полосы ворот, зонтиков и ограждения крыши выдают тягу раннего модерна к декоративной стилизации, господству кривой линии. Но на фасад выведены и ничем не замаскированные металлические балки. Они перекрывают все окна, начиная со второго этажа, и пролет подворотни, поддерживают основания эркеров и зонтики у парадных. Шмидт одним из первых решился продемонстрировать обнаженные элементы конструкции в жилом здании.

Две разные версии неоромантического направления раннего модерна разработаны Шмидтом в его собственных домах — доходном

в Перекупном переулке и особняке в Павловске. Достигнутое материальное благополучие позволило архитектору вложить средства в недвижимость. Правда, его городское домовладение располагалось в нереспектабельном уголке столицы. Зато особняк — родовое гнездо — ему удалось построить в прекрасной дачной местности у Павловского парка. Проектируя для себя, архитектор был раскрепощен в творческих поисках и мог свободно воплощать свои индивидуальные вкусовые пристрастия.

Собственный доходный дом Шмидт возвел в 1901–1902 гг. на углу Перекупного переулка, 12 и Херсонской улицы, 13. Пятиэтажное здание резко возвышалось тогда над прилегающей малоэтажной застройкой. Создавая новую доминанту, Шмидт подчеркивал ее значение

Доходный дом Г. А. Шульце. Зонтник

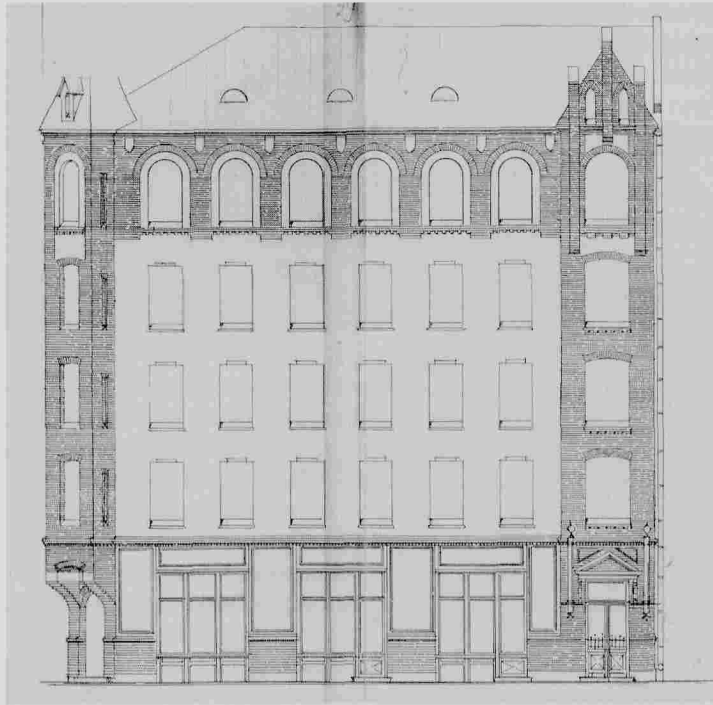
*Доходный дом
К. К. Шмидта.
Общий вид.
Фотография
1900-х гг.*

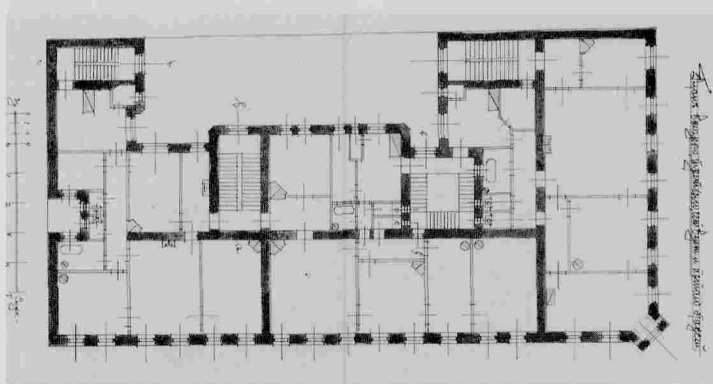
вольными перепевами кирпичной готики и форсированным силуэтом. Он нарочито акцентировал угловую часть — главный оптический узел композиции, воспринимаемый в створах пересекающихся улиц.

В проекте дома, утвержденном 3 августа 1901 г.,⁵⁶ архитектор отказался от сплошных кирпичных поверхностей. Открытая кирпичная кладка опоясывала только первый и пятый этажи, проходила вертикальными лентами по краям фасадов и еще — широкой полосой справа от угла. Остальные поля стен намечалось выполнить в штукатурке оттенявшей сочный цвет кирпича. Прямоугольный четырехэтажный эркер с вогнутым острым шатром акцентировал угол дома, выявляя его вертикальную ось. Трапециевидные щипцы прорезали пинакли разной длины, вырываясь вверх тонкими зубцами.

Построенное здание заметно отличается от проекта. Вопреки недавнему увлечению «кирпичным стилем», Шмидт оставил в кирпиче только первый этаж. Были упрощены очертания щипцов, изменены формы эркеров, рисунок деталей. Угловой эркер превратился в цилиндрический объем, увенчанный коническим шатром-шпилем. Тема круглой островерхой башни, ранее введенная Шмидтом во дворе особняка П. П. Форостовского, вносит в композицию сильную романтическую ноту.

Проект доходного дома К. К. Шмидта. Фасад. 1901

Доходный дом К. К. Шмидта. План. 1901

*Доходный дом
К. К. Шмидта.
Фрагмент*

Нижний этаж за счет более темного (и тяжелого) тона облицовки воспринимается как прочное устойчивое основание, несмотря на то, что со стороны Херсонской улицы и в угловой части стѣны раскрыты широкими арочными витринами. Дверные проемы, изогнутые сверху в виде подковообразной арки, походят на гигантские замочные скважины — символы входа в дом. Нельзя не заметить добротность и чистоту кладки лицевого кирпича. Материал этот применялся в качестве долговечного, не требующего ремонта — и до сих пор облицовка первого этажа сохранилась без повреждений.

Главными пластическими элементами здания служат пять эркеров. Они расположены с разными промежутками, различаются по формам и высотным отметкам (кроме пары одинаковых). В противопо-

*Доходный дом
К. К. Шмидта.
Фрагмент*

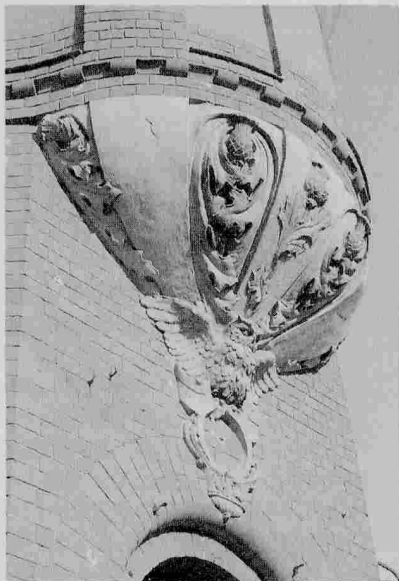
ложность дому Г. А. Шульце здесь эркеры подчеркивают асимметрию структуры, демонстрируя тягу модерна к свободной, нерегулярной компоновке объемов. Эти выступы как бы выплывают из массива здания или же плавно выгибают участки стен. Одна форма легко и естественно переходит в другую. Зубчатый контур фасадов образуют щипцы, срезанные полуальмамами.

Мощный сгусток пластических форм стянут к углу дома. Цилиндрическому эркеру и его шатру вторит меньший эркер с коническим верхом, будто вдавленный в стену. Они связаны со щипцами в единую, динамически напряженную группу. Основания этих эркеров, попадающие в ближнее поле зрения, расчетливо заполнены лепными рельефами.

Стремление к мягкой лепке деталей проявилось также в том, что все углы простенков и откосов стен окон округлены, словно заливаны. На нижнем этаже для этого употреблен лекальный кирпич, выше — стесанные края укрыты слоем штукатурки. Металлические ограждения подвальных приемков составлены из ритмичных, упруго изогнутых прутьев.

Доходный дом Шмидта примечателен обильным растительным декором. Основным мотивом лепного убранства архитектор избрал чертополох, введя его, кажется, первым из мастеров петербургского модерна. Чертополох стелется над арками и по эркерам, опоясывает верх стен густым волнистым фризом, переходя на щипцы. Колючее растение, по старинным поверьям, должно было отпугивать нечистую силу. Кроме того, чертополох считался символом супружеской верности. Очевидно, в этом заключалась смысловая нагрузка декора.

Собственный дом Шмидта можно также считать провозвестником «северного» модерна в Петербурге. Асимметричная комбинация

*Доходный дом К. К. Шмидта.
Основание эркера*

щипцов с округлыми коническими эркерами, группы из трех мелких окошек в щипцах, изображение совы в основании углового эркера, белок и ящериц в венчающих частях фасада — все это признаки «северного» модерна, родственного формам финского национального романтизма.

П-образное в плане здание имело обычную анфиладно-коридорную планировку, повторяющуюся на всех жилых этажах. Основные помещения четырех-пятикомнатных квартир обращены, как было принято, на улицы. Дворовые фасады предельно просты, их четкий рисунок определяется чередованием широких и узких окон.

С этим домом связан весь последующий петербургский период жизни Шмидта. Перекупной переулок, 12 — такой адрес архитектора указывался в справочных изданиях тех лет. Но настоящий семейный дом — комфортабельную виллу, окруженную пейзажным садом — Шмидт создал в Павловске.

В сентябре 1898 г. он приобрел у вдовы полковника А. И. Головкиной участок с деревянной дачей на углу улиц Ясного Неба и Зверинецкой. Двухэтажная постройка с эркерами и открытыми террасами, многоскатной кровлей и шатровой башней представляла собой типичный пример дачной архитектуры конца XIX в. (упоминаний, что Шмидт занимался ее строительством или реконструкцией, не встречается). Затем, в мае 1901 г., архитектор купил вчетверо меньший соседний участок по улице Ясного Неба. Это пустовавшее место ему уступил академик архитектуры Р. Р. Марфельд всего за тысячу рублей.⁵⁷ Здесь в 1902–1903 гг. и был возведен каменный особняк Шмидта (внутренняя отделка продолжалась в 1904 г.). На участке были также сооружены службы и собственная электростанция, вырыт пруд, устроены горка и теннисный корт. Территория осушена дренажом из керамических труб. В пейзажном саду выстроен игрушечный замок для детей.⁵⁸

Загородный дом Шмидта принадлежит к типу коттеджа со стилизованным фахверком. На рубеже веков такой тип особняков и дач завоевал широкое признание. Как писал в 1903 г. архитектор А. И. Дмитриев, коттедж «располагает в свою пользу всех ищущих покоя, красоты и удобства в современной постройке», позволяя «устроить человеку возможно приятнее его обыкновенную, будничную жизнь, и не только ему одному, но всем членам его семьи и даже прислуге».⁵⁹

Вилла Шмидта относится к той разновидности неоромантического модерна, которую современники называли «англосаксонским сти-

*Особняк
К. К. Шмидта.
Почтовая
открытка.
1909*

лем» или «стилем английских коттеджей». Эти условные обозначения составляли параллель понятию Тюдоровского возрождения. Определяющими признаками для них служили свободный план, живописная разнообъемная композиция, сочетание кирпича в нижних частях стен и фахверка в щипцовых завершениях, многоскатные черепичные крыши и высокие кирпичные трубы.⁶⁰ Все эти приемы, и в особенности самый характерный из них — фахверк, имели общие корни в традиционной архитектуре Британии и Германии. Поэтому они, несомненно, импонировали Шмидту и многим его коллегам немецкого происхождения.

Роль эталонного образца «стиля английских коттеджей» сыграла дача великого князя Бориса Владимировича в Царском Селе, построенная в 1896–1897 гг. по проекту английских архитекторов Шернборна и Скотта.⁶¹ Этот стилистический вариант прижился на царсосельской почве — главным образом, в постройках придворного архитектора С. А. Данини — и стал одной из местных особенностей.⁶² Дача Шмидта в соседнем Павловске близка сооружению Шернборна и Скотта прежде всего силуэтом треугольных и трапециевидных щипцов, заполненных контрастной графикой фахверка. В то же время у этих зданий много различий. Так, Шмидт не делал широких английских окон, а фактурной штукатурке предпочел гладкие светлые

*Особняк
К. К. Шмидта.
Общий вид*

поверхности. Создавая свой дом, Шмидт искал индивидуальное решение в рамках определенной стилистики.

Особняк спланирован компактным прямоугольным блоком с небольшими выступами (длина — 26,5, ширина — 16,5 метров). Все фасады асимметричны и, в принципе, равноценны. Композиция рассчитана на всестороннее восприятие в ландшафтной среде.

Три этажа с нарочитой четкостью обозначены разбивкой на ярусы. Нижний этаж выложен кабанчиком терракотового цвета и трактован как цоколь (большие участки облицовки обвалились, когда дом находился в запущенном состоянии). Средний ярус отличается чистой белизной стен. Третий, мансардный этаж, состоит из двускатных или срезанных полувальмами щипцов, декорированных фахверком. Массивная многоскатная крыша была покрыта черепицей. Как обычно, Шмидт уделил особое внимание кладке дымовых труб.

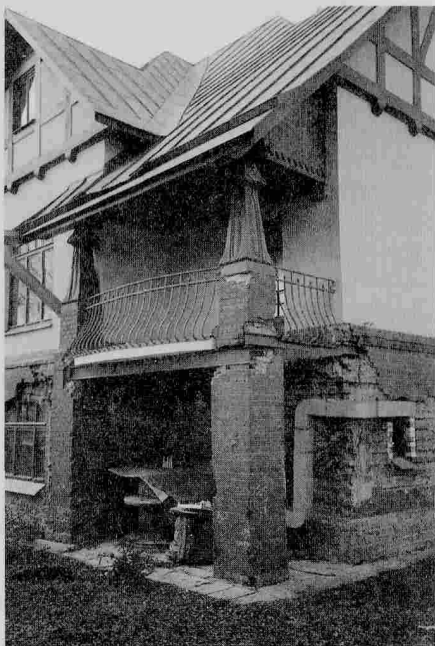
Выразительность внешнего облика виллы во многом определяется контрастами: насыщенным весомым цветом кирпича и черепицы в сопоставлениях с белой штукатуркой и темной сеткой фахверка. Роль фахверка — не конструктивная, а изобразительная, знаковая. Он рисуется крупным геометрическим орнаментом. Вынесенный наружу кирпичный дымоход прошивает стену вертикальной полосой. В оформлении фасадов нет декора в привычном понимании — лишь изредка у окон мелькают зеленые крапины изразцов. Оконные проемы не имеют наличников, чтобы не дробить лаконичные плоскости стен. Раньше

оконные заполнения пестрели мелкой сеткой верхних фрамуг (такая расстекловка будет потом постоянно встречаться в постройках «северного» модерна).

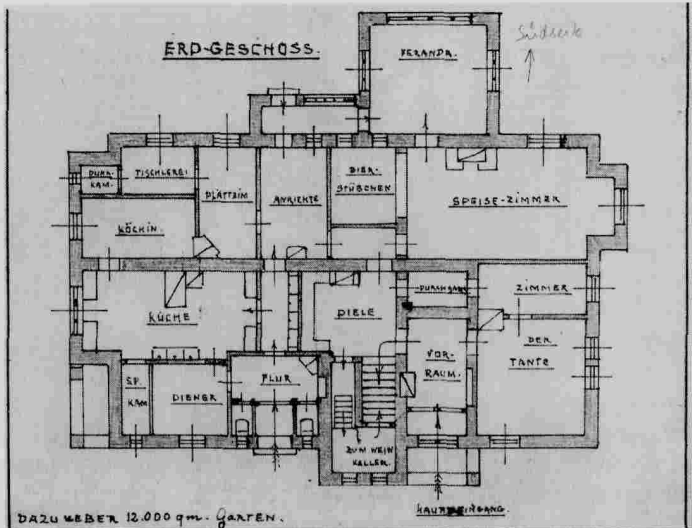
Особняк Шмидта показателен органическим единством внутреннего и внешнего построения. Планировка его асимметрична и очень собрана, как бы сжата в кулак. Для экономии площади архитектор отказался от устройства коридоров и входившего в моду холла. Окна разбросаны по фасадам именно в тех точках, где они требовались. Немногие выступающие части также жестко обусловлены функциональной организацией жилища.

Выдвинутый вперед пониженный объем с большим арочным окном служил верандой (это звено грубо искажено при перестройке). Она примыкала к угловой столовой, над которой находился кабинет архитектора. Обе эти комнаты расширены эркером на боковом фасаде. Кроме кабинета, на втором этаже размещались гостиная (музыкальный салон), спальни, детская комната для игр и занятий. Прямоугольный выступ лестничной клетки обращен в сад, туда же выходит угловая двухъярусная лоджия с балконом из хозяйской спальни. Свес кровли над балконом поддерживают фигурные столбики текучих очертаний. Мансардные щипцы отвечают расположению детских комнат, гостевой и бильярдной.

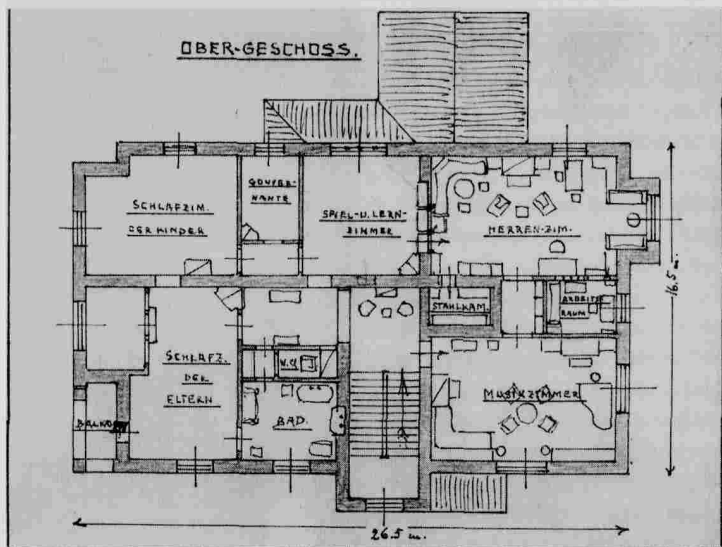
В интерьерах особняка уцелело немного. О былом убранстве и обстановке напоминают фотографии, заказанные вскоре после постройки самим Шмидтом.⁶³ Они передают атмосферу солидного и уютного жилища архитектора и его дружной семьи, обустроенного с особой заботой и любовью.

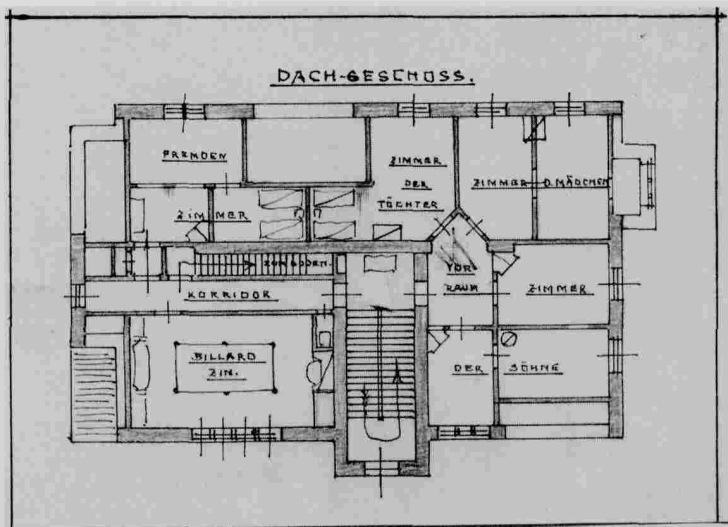
Особняк К. К. Шмидта. Фрагмент

Особняк К. К. Шмидта. План первого этажа

Особняк К. К. Шмидта. План второго этажа

Обошняк К. К. Шмидта. План третьего этажа

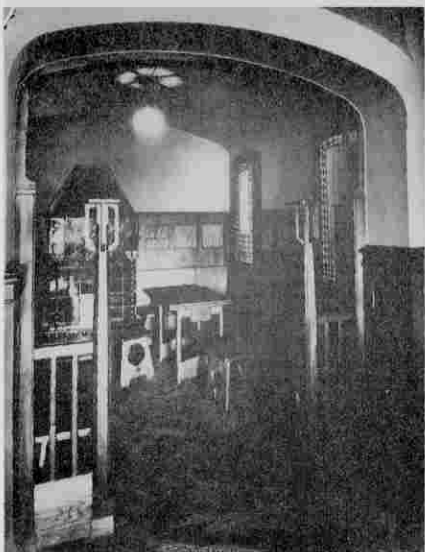
Стены основных комнат были обшиты деревянными панелями. Типична для модерна встроенная и комбинированная мебель, дававшая ощущение неразрывной спаянности элементов обстановки. В столовой стенные панели срастались с резными буфетами, в кабинете угловые пристенные диваны соединялись со шкафчиками. Короткими решетками вычленялись камерные уголки — закуток для детей в столовой, отсек спальни у балкона. На лестничной площадке сохранился камин из разноцветных изразцов с зимним пейзажем. Изразцовый камин кабинета завершался многофигурным горельефом — возможно, это была аллегория материнства и семьи. Именно эти вечные ценности направляли Шмидта при создании виллы в Павловске.

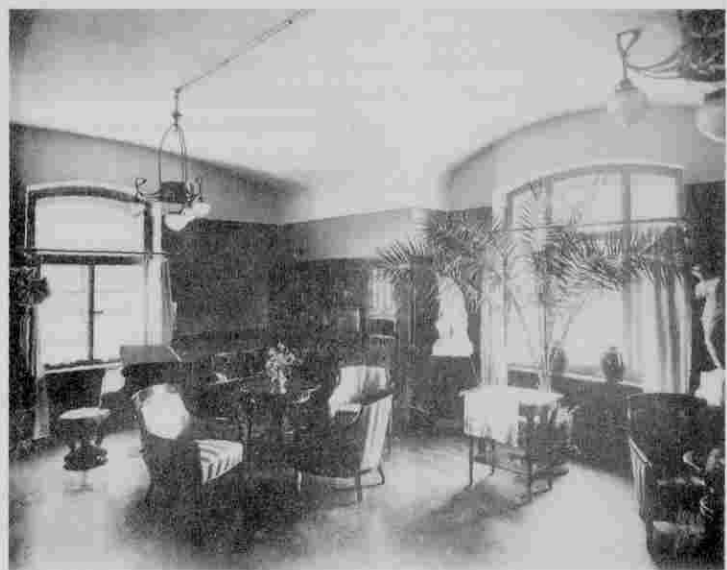
В своем особняке Шмидты прожили почти до революционных событий. Все это время архитектор принимал живое участие в делах местного общества. Он избирался депутатом земства Царскосельского уезда и в этом качестве проектировал и строил народные земские школы. Шмидт также принимал участие в строительстве земской инфекционной больницы в Павловске, спланированной по павильонной системе, с жилыми домами персонала (заложена в 1910 г.).⁶⁴

*Особняк К. К. Шмидта
в Павловске.*

*Наверху: столовая,
слева: эркер столовой,
наверху справа: кабинет
Карла Шмидта,
внизу справа: музыкальный салон.
Фотографии 1900-х гг.*

*Дача А. К. (К. Г.) Фаберже
в Левашове*

Среди особняков и дач, сооруженных Шмидтом, по звучности имен владельцев выделяется дача К. Г. Фаберже в Левашове (Песочное шоссе, 14). Проект дома со службами архитектор представил в С.-Петербургскую уездную земскую управу в июне 1901 г., разрешение на постройку было дано в октябре 1901 г.⁶⁵ Основные строительные работы производились, очевидно, уже в следующем сезоне. Дача сооружалась из дерева, к двухэтажному корпусу примыкал одноэтажный флигель.

В 1907 г. Карл Фаберже подарил дачу сыну Агафону. Новый хозяин, обладавший большой коллекцией скульптуры из Китая и Японии, превратил свой загородный дом в просторную репрезентативную виллу. К существовавшему деревянному был присоединен двухэтажный каменный корпус, в котором находились парадная лестница и обширный зал. Перпендикулярно ему был сооружен на месте прежнего новый каменный флигель. Постройка 1901–1902 гг. оказалась угловым звеном Г-образной в плане виллы.

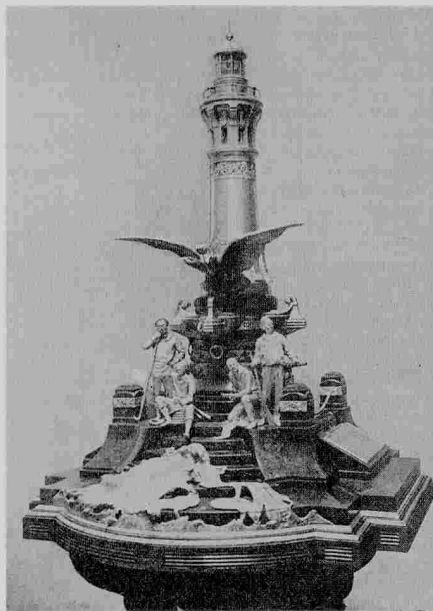
Несмотря на тесные отношения Карла Шмидта и Агафона Фаберже, для расширения дачи пригласили архитектора И. А. Гальнбека. С семьей Фаберже его связывали занятия декоративно-прикладным искусством, к тому же он был левашовским дачником. Проект Гальнбека датирован маем 1907 г., но земская управа задержала его согласование до января 1908 г.⁶⁶ Поэтому возведение и отделка виллы относятся, по всей видимости, к 1908–1909 гг. Чертежи Гальнбека сохранились в архивном деле,⁶⁷ и это позволяет четко вычленить более раннюю постройку Шмидта, проект которой затерялся.

Дача А. К. Фаберже — незаурядное произведение зрелого модерна, вобравшее в себя стилизованные классицистические мотивы. Особенно привлекательны элегантный портик из гранитных колонн, мягко скругленные углы и очертания проемов с волнистым рисунком переплетов, изысканная отделка интерьеров. Но еще сильнее впечатляют пространственные эффекты парадной лестницы и большого зала. Все это создано Гальнбеком.

Шмидтовская дача, включенная в структуру виллы, более ординарна. Она составляет угловую часть здания справа от гранитного портика. Деревянные стены, скрытые ровным слоем штукатурки, прорезаны прямоугольными окнами разной ширины. Небольшой эркер с одной стороны и пятигранный выступ с другой отличаются четкой геометричностью форм.

Дача Фаберже давно заброшена и все больше теряет остатки оригинальной отделки. Совсем недавно сторела ее угловая часть — постройка Шмидта. Таков удел деревянной архитектуры Петербурга и окрестностей — самой незащищенной части наследия, которая стремительно уходит в небытие.

Вместе с фирмой Фаберже Шмидт создал в 1903 г. декоративную композицию — подарок страхового общества «Русский Ллойд» к 25-летию Добровольного флота.⁶⁸ Гипсовую модель по рисункам Шмидта изготовили в мастерской Н. А. Попова, отливку из серебра выполнили у Фаберже, нефритовое подножие — в мастерской К. Ф. Верфеля. Стержнем композиции служил маяк с распростершим крылья орлом у его основания. Ниже помещены мелкие

*Подарок страхового общества
«Русский Ллойд» к 25-летию
Добровольного флота.
Фотография 1903 г.*

*Летняя дача А. К. Фаберже
в Комарово*

фигурки моряков работы скульптора Е. И. Малышева. Цоколь был сделан из красного порфира, подставка — из амарантового дерева.

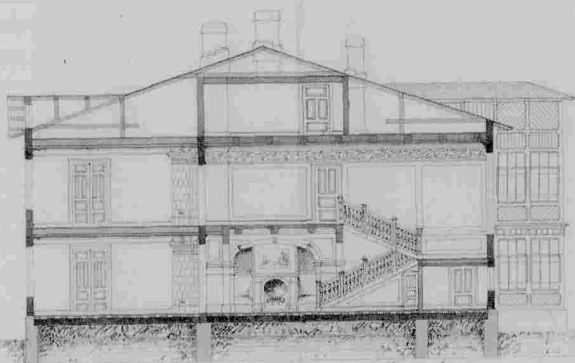
Шмидт перевел в «комнатный» масштаб традиционный для эклектики тип помпезного и многоречивого памятника. Натуралистичность изображений сочеталась с условностью общей формы. В композиции явно сквозил дух салонного искусства.

Вероятно, Шмидт был автором проекта деревянной летней дачи А. К. Фаберже в Келломяках (не сохранилась; находилась в Комарово, на углу Приморского шоссе и Кавалерийской улицы). Активный силуэт разнообъемной постройке придавали заостренные граненые шатры и высокие треугольные щипцы. Скаты щипцовых крыш скреплены конструкциями из брусьев, заполненными пропиленной резьбой в виде трилистников. Утонченным изяществом отличались легкие фигурные кронштейны. Внешний облик дачи во многом определяли неоготические реминисценции.

Там же, в Келломяках, Шмидт построил в 1907–1908 гг. собственную деревянную дачу. По семейным воспоминаниям, он следовал наброску жены, Эрики Шмидт, пожелавшей иметь дом для летнего отдыха. Следы этой дачи уже давно исчезли.

Несколько загородных домов, сооруженных Шмидтом в те годы, известны лишь по упоминаниям. Это дача Пёля в Павловске, вилла Хинпот в Лесном, особняк директора завода «Атлас» А. Германа в Мурзинке, вилла сенатора Фролова.

В Петербурге архитектор перестроил в 1903 г. деревянный особняк А. П. Букналл, жены великобританского подданного, на Лах-

Особняк А. П. Букналл. Разрез

тинской улице, 5. Двухэтажный дом, спроектированный В. Г. Шаламовым, стоял здесь с 1884 г. Шмидт перекроил его обшивку, добавил веранду, а внутри устроил вестибюль-холл с камином и стенными панелями.⁶⁹ Очевидно, по его же рисункам была сооружена металлическая ограда (на архивных чертежах она не показана). Гнутые волнистые прутья, переходящие в стебли цветов, прихотливые завитки с листьями, разлетающиеся ленты, которые скручиваются плавными извивами или ударом бича — все это так характерно для кованых решеток раннего модерна, знакомых по другим постройкам Шмидта.

*Особняк А. П. Букналл.
Ворота*

Доходный дом С. С. Лентца. Общий вид

Особое место в ряду работ архитектора начала 1900 доходный дом С. С. Лентца (Лентца) на 13-й линии В. С. возведен в 1902–1903 гг., сразу вслед за доходными домами Шмидта. Но теперь архитектор отказался от кирпичной облицовки, при некоем интернациональном варианте модерна.

Асимметричный фасад здания полон напряженной и трехэтажных эркера расположены на разной высоте. Он выглядит как вступенчатость стены. Над ним вырастает волинейный щипец — будто сама стена вздымается вверх. Правый трехгранный выступ походит на стеклянную гонимую в тело здания. Он относится к сравнительно рабургом строительстве примерам остекления граней металлическому каркасу. Интересен индивидуальный этого эркера закреплены висячими лопатками, как в доме Шмидта.

Шмидт обыграл чередования фактурной и гладкой разных тонов, а для нижнего этажа использовал гра

Эти материалы были самыми востребованными в палитре петербургского модерна. Столь же массовое распространение имели такие детали, как параллельные бороздки и тонкие висячие тяги неодинаковой длины. Они перешли из лексикона венской архитектурной школы, безоговорочным главой которой почитался О. Вагнер. Однако гамма материалов и вагнеровские детали, использованные в доме Ленца, больше почти не встречались в работах Шмидта. Это здание, как и большинство построек модерна, стало жертвой новейшего эстетического бедствия — повсеместной замены старых оконных рам на примитивные по рисунку стеклопакеты. Такие замены, на самом деле, очень болезненны: ведь упростить на фасадах выверенную, утонченную графику переплетов — все равно что выдернуть из вышивки самый тонкий узор.

Доходный дом С. С. Ленца. Правый эркер

Возможно, владелец дома на 13-й линии познакомился со Шмидтом на почве общего увлечения филателией. Уже в эмиграции С. С. Ленц помогал архитектору с продажей марок.⁷¹

Завоевав устойчивое положение, имея солидные заказы, Шмидт старался не размениваться по мелочам. С середины 1900-х гг. он почти не занимался второстепенными переделками, а если и брался за таковые, то лишь в силу особых отношений с домовладельцами.

Такие связи сложились с семьей действительного статского советника Ф. А. Пеля. На одном из принадлежавших ему участков (улица Некрасова, 8) архитектор в 1905 г. устроил бетонированный подвал, на другом (Вознесенский проспект, 9 — улица Декабристов, 3 — переулок Пирогова, 2) произвел в 1907 г. перебивку окон в двери.⁷² В 1910 г. вдова и наследница бывшего владельца Э. А. Пель оформила доверенность, уполномочившую Шмидта распорядиться всеми работами

и делами по недвижимости на этих участках, а также по ее дому на 1-й линии В. О., 38.⁷³ Этот дом надстроили в 1913 г. гражданские инженеры А. Ф. Пель (сын хозяйки) и Г. Г. Цолликофер, вероятно, при участии Шмидта.

Утилитарные строения в дальнем углу двора на Большом проспекте В. О., 19, Шмидт выполнил в 1907 г. по заказу потомственного почетного гражданина Г. (Ю.) Л. Гейзе,⁷⁴ состоявшего членом попечительства Александринского приюта для женщин. В том же ряду — пристройка служебных флигелей на Херсонской улице, 5–7–9, произведенная архитектором уже в 1913 г.⁷⁵ по соседству с его собственным домом.

К неоромантическому направлению Шмидт вернулся при реконструкции имения Буксгевден в Эстляндии (ныне Нерути вблизи Картинена, Эстония). Старинное имение, известное с начала XV в., приобрел в 1903 г. директор товарищества С.-Петербургского механического производства обуви Э. А. (Г.) Кириштен для своего сына Э. Г. Кириштена. По воспоминаниям Шмидта, работы производились в 1905 г. Постоянный контроль на месте вел его помощник В. П. Алиш, отец которого, П. В. Алиш, ранее привлекал к сотрудничеству самого Шмидта.

Усадебный дом Кириштена, напоминающий замок, состоит из протяженного приземистого корпуса со вторым мансардным этажом и двух

*Имение
Буксгевден
(усадебный дом
Э. Г. Кириштена)*

выступающих объемов разной высоты. Смещенный ближе к краю вертикальный объем представляет собой массивную башню, завершенную бельведером и заостренным вогнутым шатром. Трудно сказать, что здесь осталось от исторического здания, а что внесено Шмидтом заново. Во всяком случае, большие сложнофигурные щипцы то плавных, то ломающихся очертаний с мелкими окошками затейливого криволинейного абриса могли появиться только в период модерна. В этих формах угадывается стилизация в духе северного ренессанса, свойственная репертуару Шмидта.

Композиция усадебного дома отличается живописностью и пластичностью крупных масс. От былой утонченной графичности построек Шмидта здесь не осталось и следа. Обобщенные лаконичные формы будто навеяны мудрой простотой старины. Архитектор достиг органичного сплава традиционных и модернизованных приемов и мотивов.

Самым значительным произведением Шмидта, созданным в период зрелого модерна, является, безусловно, женская гимназия Э. П. Шаффе на 5-й линии В. О., 16.

Школьное здание, построенное в 1907 г., находится почти напротив особняка П. П. Форостовского (4-я линия, 9), который был сооружен шестью годами раньше. Два произведения одного мастера тяготеют к противоположным полюсам модерна. Живописная асимметрия, подвижность криволинейных форм, игра фактур и множественность деталей особняка — и, наоборот, пуританская сдержанность, симметричная схема, повторность элементов и ясная конструктивность здания гимназии наглядно демонстрируют переход от ранней к зрелой стадии модерна, от образной сложности и декоративного многообразия к строгой рациональности и лаконизму средств. Впрочем, отчасти столь принципиальные различия объяснялись назначением построек. Но однозначно здание гимназии относится к самым радикальным образцам протофункционалистского направления петербургского модерна.⁷⁶

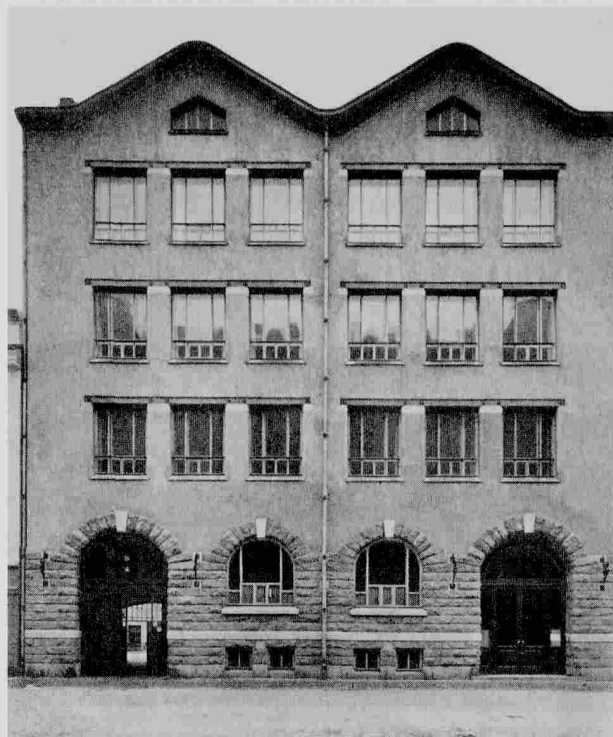
Частная женская гимназия, организованная в 1858 г. домашней учительницей Эмилией Шаффе, размещалась на углу 5-й линии, 16, и Большого проспекта, 17, в жилом доме, не приспособленном для учебных функций. В 1898–1899 гг. Шмидт уже выполнял для Шаффе проекты переустройства отдельных помещений.

Основательница гимназии скончалась в 1906 г. Дело ее продолжил приемный сын и наследник, инженер-электрик Л. И. Шпергазе.

Именно он заказал своему доброму знакомому Шмидту постройку специального учебного здания. Проект был разработан в конце 1906 г. (датирован 29 декабря) и одобрен Городской управой 16 января 1907 г.⁷⁷ Новый корпус гимназии возводился вплотную к старому дому, но как совершенно самостоятельное сооружение.

Вытянутое вглубь участка здание представляет в плане подобие двутавра. Построение узкого лицевого фасада полностью адекватно внутренней структуре. На каждом этаже (кроме нижнего) расположено по два одинаковых класса, им отвечают повторяющиеся группы из трех сближенных окон, которые составляют определяющий рефрен композиции. Соответственно парам учебных помещений фасад состыкован из двух половинок, сросшихся, как сиамские близнецы.

Основная часть здания — со второго по четвертый этаж — отличается предельным лаконизмом, граничащим с аскетичностью. Здесь Шмидт

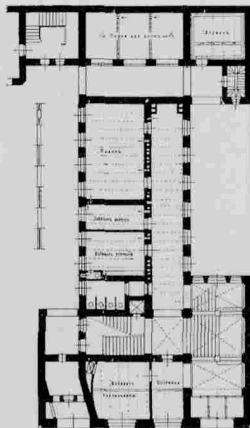
*Женская гимназия
Э. П. Шаффе.
Фотография 1910 г.*

категорически отказался от каких-либо изобразительных и декоративных деталей. Оштукатуренная серая поверхность стены нарочно оголена. Единообразие форм тройных окон продиктовано функциональной логикой. Проемы, занимающие половину ширины здания, обеспечивают хорошее освещение классов и придают фасаду прозрачность. Тонкие простенки вместе с междуэтажными перемычками образуют жесткую геометрическую решетку, окаймленную полями стены. Показательно, что подобная группировка окон — по три, соответственно помещениям классов — впоследствии часто применялась в школьном строительстве Ленинграда периода конструктивизма.

Тройные окна перекрыты едиными металлическими балками. Здесь Шмидт добился исключительной отточенности этого приема, обратив открытые конструкции в одни из главных элементов архитектурной композиции. Обнаженные перемычки вместе со стойками-простенками воспроизводят в новой транскрипции узлы стоечно-балочной системы. Опорные точки под балками были помечены светлыми крапинами, но эти штрихи стерты нынешней монохромной окраской (оригинальная расстеловка окон также утрачена).

Парное строение фасада гимназии продолжают два полуфронтон, состыкованных друг с другом. Они ничем не отделены от «тела» здания и очерчены непрерывным изломанным контуром карниза, чуть смягченным в углах. Тем самым подчеркнута слитность цельной и чистой архитектурной формы. Тема тройных окон с открытыми балками и полуфронтонного завершения перекликается со Школой художественных ремесел в Веймаре архитектора А. Ван де Вельде (1906). Возможно, Шмидт в чем-то ориентировался на этот образец, но его постройка имеет иной масштаб и рисунок.

Первый этаж лицевой части гимназии, где находились вестибюль, приемная и кабинет начальницы, раскрыт арочными проемами и облицован грубо околотыми блоками красного гранита. Детали конструкции здесь были зрительно усилены за счет выделения светлым тоном тяг, подоконников и замковых камней. Волнообразный абрис рустованной аркады и скальная фактура мощного цоколя

Женская гимназия

Э. П. Шаффе.

План первого этажа

противопоставлены жесткой геометрии и лапидарной строгости основного массива. Глубокие проломы в стене, образованные проездом во двор и нишей входа, вносят ощущение тектонической напряженности, усиленное тем, что аркада не совпадает по осям с вышестоящими окнами. Этот невнятный сдвиг может показаться просчетом архитектора, однако он обусловлен внутренней планировкой и нечто подобное Шмидт допустил раньше в здании фирмы К. Г. Фаберже.

Если в решении верхних этажей гимназии Шмидт подошел к порогу конструктивизма, то одетая в гранит нижняя часть фасада носит оттенок «северного» модерна. Рустованная аркада и фронтонные завершения дополняют образ здания условными аллюзиями на исторические темы.

Корпус гимназии заметно возвышался над соседними строениями (дом по 5-й линии, 18, надстроен в советский период). Открытую часть южного брандмауэра Шмидт не оставил без внимания, придав ей элегантный силуэт и лаконичную обработку. Двускатный верх и рисунок

ниш вторят фронтонам лицевого фасада и помещенным в них необычным пятиугольным окнам.

Внутри участка в сторону большого южного двора обращены классы, а в узкий северный дворик, похожий на ущелье, выходят односторонние коридоры. Классы освещены ровными рядами окон с расширяющимися амбразурами, которые создают подобие кессонированной стены. Три широких проема в выступе над подворотней наполняют светом парадную лестницу. На противоположной стороне двора вторая лестничная клетка выделена ступенчато расположенными окнами, шагающими по линиям маршей. Туда же, в дальний угол участка, архитектору пришлось задвинуть два зала общий рекреационный и гимна-

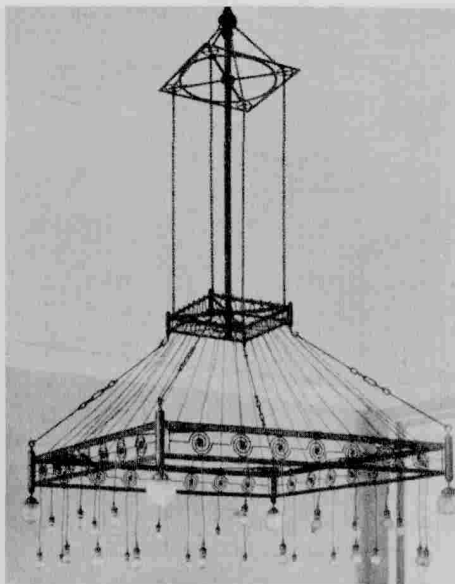
Женская гимназия Э. П. Шаффе. Двор

стический, а над ними — акт-
вый, равный по высоте двум
этажам. Крупные проемы за-
лов, ориентированные на юг и
восток, расположены в боко-
вых частях помещений — там,
где позволял план здания.
Актный зал освещали два
огромных окна высотой око-
ло шести метров (частично
заложены).

Со стороны двора сооруже-
ние воспринимается в чисто-
те своих строгих правдивых
форм. Разный модуль окон,
их произвольное, как бы слу-
чайное размещение являлось
ни в коей мере не внешним
приемом, а результатом разу-
мной компоновки структуры
здания изнутри согласно
его функциональной органи-
зации. Северный дворик в 1979 г. превращен в бассейн.

Интерьер актного зала был проникнут тем же пуританским духом,
что внешний облик гимназии. Чистая гладь стен, высокие прямоуголь-
ники остекления, открытые конструкции балкона определяли его лако-
ничный строй, далекий от парадной репрезентативности. Балкон был
огражден изящной ажурной решеткой с выгнутыми прутьями и рас-
тительным орнаментом. Большая люстра изысканного рисунка также
была исполнена по проекту Шмидта в геометризованных формах.

Парадный вестибюль выделялся динамикой пространства, мягкими
очертаниями арок и широкого тройного окна с эффектным полихром-
ным витражом, на котором был изображен девичий хоровод. Витраж
скрывал унылый двор-колодец и дарил входящим праздничное зрели-
ще цветущего лета. Композиция, наполненная стремительным движе-
нием, занимала нижнюю половину проема, а верхняя была заполнена
бесцветным фактурным стеклом. Развернутые на плоскости фигуры
словно парили в световом потоке. Пейзажный фон, без иллюзорной
перспективы, уводил взгляд вглубь «зазеркалья».

*Женская гимназия Э. П. Шаффе. Люстра.
Фотография 1910-х гг.*

*Женская
гимназия
Э. П. Шаффе.
Витраж
в вестибюле.
Фотография
1910 г.*

Приемы декоративной стилизации модерна, органично слитые с мозаичной техникой витража, выразились в условности изобразительного языка, обобщенности цветовых пятен, сжатости пространства, повышенной роли линейных ритмов. Разномодульная нарезка стекла и графика арматуры следовала общим контурам, складкам одежд, рисунку листьев и крон деревьев, рельефу земли. Витраж относился к сравнительно редким в петербургском модерне сюжетным композициям (в отличие от орнаментальных, получивших массовое распространение). Но это уникальное произведение бесследно погибло, как и подавляющее большинство старых витражей.

По-видимому, вслед за гимназией Э. П. Шаффе Шмидт спроектировал еще одно учебное здание. В его записках сообщается о проекте общеобразовательной школы приходов реформатских церквей, выполненном по просьбе пастора Э. Гельдерблома, возглавлявшего пасторат этой конфессии в Петербурге. Можно лишь предполагать, о каком объекте идет речь. Во всяком случае, нет никаких намеков на участие Шмидта в устройстве реформатских училищ на набережной Мойки, 38, и в переулке Матвеева, 1А. Первое из них сооружено в 1899–1900 гг. И. А. Гальнбеком, второе — в 1913–1914 гг. А. А. Гимпелем.

Еще одно училище при реформатских церквях собирались построить на Большом проспекте В. О., 55, слева от лютеранской школы для

Сиротский дом и школа на Большом проспекте В. О., 55

мальчиков, возведенной в 1885–1886 гг. И. С. Китнером. В 1908 г. провели конкурс проектов, на котором были премированы работы С. В. Беляева, А. И. Клейна, М. М. Перетятковича и П. П. Светлицкого.⁷⁸ Может быть, результаты конкурса не удовлетворили заказчиков, и поэтому Шмидт разработал альтернативный вариант? Однако уже в 1908 г. архитектор А. Р. Гавеман приступил к строительству сиротского дома и школы на этом месте.

Не исключено, что Гавеман использовал проект Шмидта. Чередование красного и белого кирпича определяет членения фасада. Высокий фигурный фронто́н о́контурен плавно текучими или ломкими линиями. Над окнами первого и второго этажей — обнаженные балки. Проемы в нижней половине здания расставлены с большими промежутками, чем сверху. Плоский псевдоэркер схвачен по бокам лопатками. Окна лестничной клетки, обращенной во двор, обрезаны понизу тройными уступами. Все эти черты близки почерку Шмидта.

К поздней фазе модерна относится Павловская городская электростанция, сооруженная Шмидтом в 1911 г. (Надгорная улица, 16). Павловское акционерное электрическое общество было организовано местными домовладельцами, к числу которых принадлежал и сам архитектор. Участок под строительство удалось получить на территории

Павловская городская электростанция

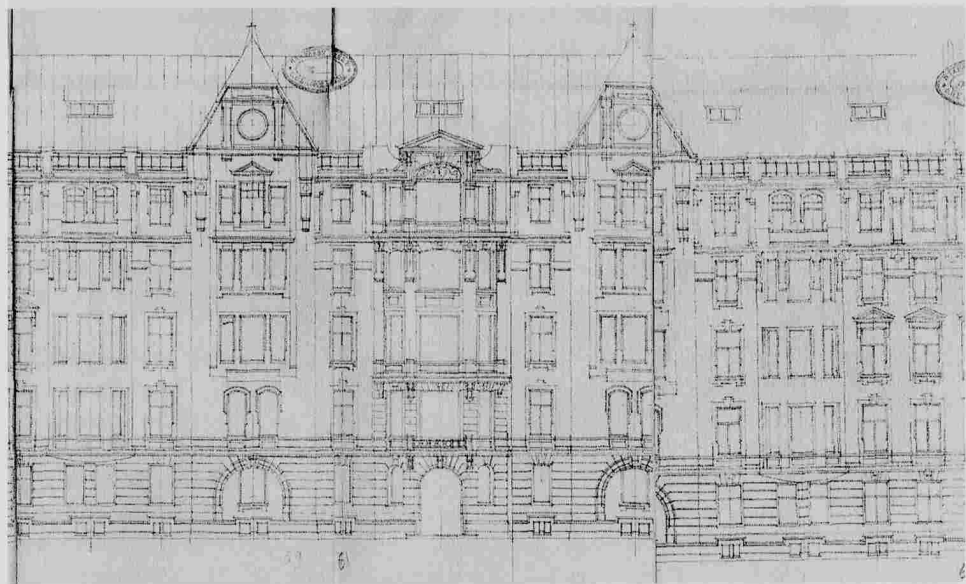
парка Мариенталь, у берега реки Славянки, вблизи крепости Бип и рядом с дачей Крак.⁷⁹

Небольшое здание спланировано по схеме, уже прижившейся в 1900-х гг. при строительстве петербургских силовых подстанций: двухэтажную часть занимали помещения персонала, а одноэтажное крыло с высокими окнами — машинный зал. Четкость и простота объемной структуры, сдержанное и экономное оформление фасадов отвечают функции утилитарного сооружения. Вместе с тем щипцы разной формы, полувадьмы и декоративный фахверк напоминают о более ранних постройках Шмидта, в том числе о его собственном доме в Павловске. Здание электростанции — еще один отголосок «англосаксонского» стиля, особенно уместный по соседству с неоготической затеей конца XVIII в. — крепостью Бип.

Для своего постоянного заказчика, действительного статского советника Л. Л. Кёнига, Шмидт возвел в 1911–1912 гг. массивный доходный дом на Кронверкском проспекте, 77/2. Проект здания датирован апрелем 1911 г. и в мае утвержден Городской управой.⁸⁰ По периметру углового участка располагались под тупым углом пятиэтажные лицевые корпуса, а также замыкавшие двор шестиэтажные флигели. Как обычно в доходных домах, жилые этажи имели одинаковую планиров-

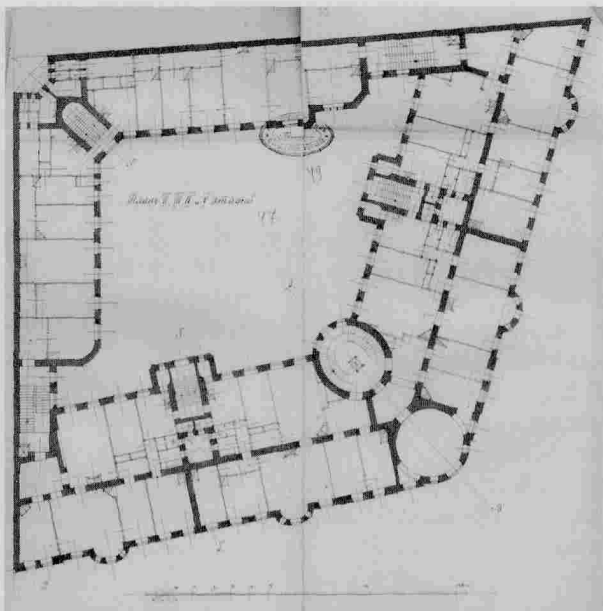
ку. В лицевых корпусах семикомнатные квартиры имели двустороннюю ориентацию; в дворовых, брандмауэрных, квартиры насчитывали пять или шесть комнат. При традиционной анфиладно-коридорной планировке Шмидт старался сократить длину коридоров, чтобы выгадать в полезной площади.

Утвержденный вариант фасадов дома Кёнига тяготел к умеренной версии модерна, причем Шмидт, как ни странно, оперировал элементами, свойственными, скорее, ранней стадии стиля. Это, в частности, графичный узор из параллельных бороздок, прежде встречавшийся в доме С. С. Лентца. Комбинации двойных и тройных окон, вальмовые щипцы и другие детали вторили соседнему дому стекольного фабриканта И. Е. Ритинга (Кронверкский проспект, 79/1), построенному В. В. Шаубом еще в 1899 г.⁸¹ Тем самым Шмидт стремился объединить два здания в целостный фрагмент городской застройки. Но затем он переключил фасады — уже без явной оглядки на Шауба, и дом получился более характерным и своеобразным. 9 марта 1912 г. Городская управа разрешила «дальнейшее существование» дома, возведенного в измененном виде.⁸²

Проект доходного дома А. А. Кёнига. Фасад. 1911

Доходный дом
А. А. Кёнига.
План. 1911

На дуге Кронверкского проспекта издала выплывает скругленная угловая часть здания. Светлые полосы лопаток подчеркивают ее вертикальную устремленность к тяжеловесной купольной ротонде. Этот мощный силуэтный акцент походит на корону. Вполне вероятно, что такая ассоциация закладывалась в образный строй здания: «кёниг» по-немецки — «король», к тому же владелец дома почитался в Петербурге «хлопковым королем».⁸³ Ротонда могла служить бельведером — из нее прекрасно обозревались Петропавловская крепость и центральная акватория Невы.

Контрасты темной шероховатой и светлой гладкой штукатурки то обозначают разбивку фасадов на три яруса, то разрезают этажи по-середине. Примененный здесь тип трехгранных эркеров был самым ходовым в многоэтажных домах Петербурга той поры. Кессонированный карниз декорирован розетками. Темные поверхности стен придают дому сумрачный вид, который еще больше сгущают изображения страшноватых птиц с опущенными длинными клювами и пышным опереньем. От них веет таинственной экзотикой, которой зачастую увлекались мастера модерна. Орнитоморфные мотивы естественно

преобразованы в орнамент, что также было свойственно модерну с его методом декоративной стилизации.

Главный вход в здание ведет с угла в круглый вестибюль, над которым на всех этажах находятся круглые комнаты. Эти помещения выгибают по радиусу криволинейное сочленение двух лицевых фасадов. По диагональной угловой оси расположена парадная лестница овальной конфигурации, выступающая во двор. Она впечатляет не репрезентативностью, а экспрессией динамичной спиралевидной формы.

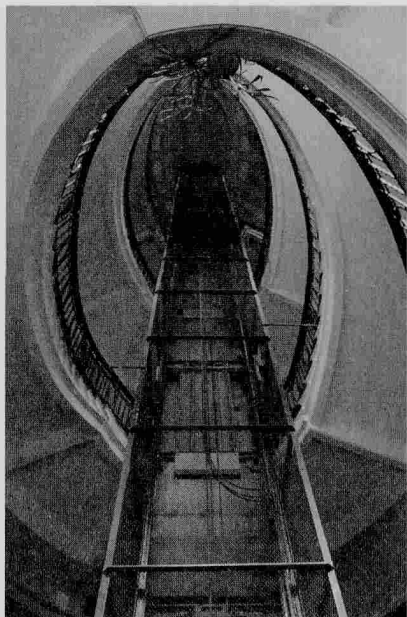
Дом Кёнига — последнее сооружение Шмидта, связанное с модерном. Он строился, когда этот стиль уже отступал под натиском неоклассицизма, завоевывавшего

*Доходный дом А. А. Кёнига.
Общий вид*

*Доходный
дом
А. А. Кёнига.
Деталь
фасада*

Доходный дом А. А. Кёнига. Вестибюль. Лестница

всё более прочные позиции в архитектуре Петербурга. Как мы видели Шмидт прежде не проявлял себя сторонником классицистического направления, но и он не мог не поддаться воздействию общей архитектурной атмосферы. Тем более, что его обращение к неоклассике в начале 1910-х гг. во многом диктовалось условиями конкретных заказов, а также участием в реконструкции исторических зданий.

Шмидт состоял на государственной службе во 2-м департаменте Министерства юстиции, занимал должность чиновника особых поручений при этом министерстве и дослужился до чина статского советника. Здания Министерства юстиции находились на углу Итальянской улицы, 25 (бывший Шуваловский дворец), и Екатерининской (Малой Садовой) улицы, 1. Кроме внутренних переделок Шмидт надстроил четвертым этажом корпус по Малой Садовой улице, сооруженный в 1840-х гг. архитектором Д. Е. Ефимовым в классицистически-неоренессансных формах, с пилястрами большого ордера. Надстройка выполнена тактично, как нейтральное дополнение к существовавшему зданию.

В 1911 г. Министерство юстиции приобрело для расширения Сената соседний особняк Д. С. Полякова на Английской набережной, 4, более известный как дом А. Г. Лаваль. Шмидт приспособил памятник старины, творение А. Н. Воронихина и Ж. Ф. Тома де Томона, для нового использования, соединив его со зданием Сената, возведенным А. Е. Штаубертом по проекту К. И. Росси. Шмидт крайне бережно отнесся к созданием выдающихся зодчих эпохи классицизма.

По долгу службы архитектор исполнил эскизы медали к 100-летию юбилею министерств Российской империи и эскиз альбома-стенда для фотографий служащих Министерства юстиции, изготовленного к 25-летию службы министра Н. В. Муравьева.⁸⁴

Классицистические формы Шмидт трактовал на свой лад при реконструкции в 1912 г. нижних этажей доходного дома наследников Г. И. Гансена на Невском проспекте, 26/16 (построен в 1873–1874 гг. В. А. Кенелем).⁸⁵ Архитектор создал новое лицо торговых помещений с витринами. Оригинальна обработка простенков в виде широких укороченных пилястр с ионическими капителями.

Необычная задача была поставлена перед Шмидтом владельцем дачи на Каменном острове А. А. Половцовым. Задумав построить вместо деревянного дома каменный особняк, он потребовал сохранить на месте старую роспись плафона, включив ее в интерьер нового здания. Сложность операции усугублялось тем, что само перекрытие пришло в полную негодность. Просуществовавшая целый век дача ранее перестраивалась в 1835 г. архитектором А. М. Куци для барона Л. И. Штиглица

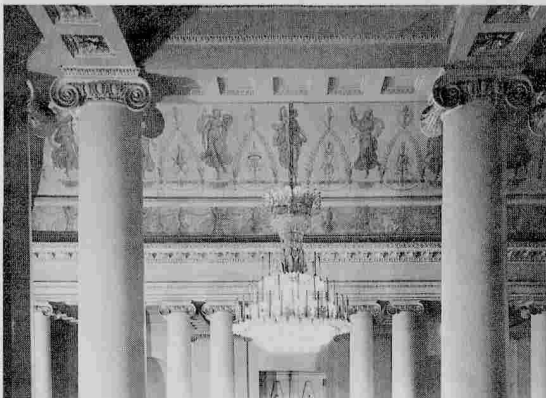
Доходный дом наследников Г. И. Гансена

и в 1860-х гг. А. И. Кракау для придворного банкира А. Л. Штиглица. А. А. Половцову, сыну приемной дочери банкира, она досталась по его завещанию. Наверное, новый хозяин решил оставить роспись как художественный раритет, в память о баронах Штиглицах.

Шмидт работал в тесном контакте с заказчиком. Проект был готов в апреле 1910 г., после чего развернулись работы на участке. Судить о стилистике проекта невозможно, поскольку чертежи не обнаружены. Можно представить лишь общий план асимметричного здания с боковым хозяйственным флигелем и полуциркульным выступом зимнего сада, обращенным к Средней Невке. Шмидт осуществил благоустройство территории и вчерне постройку части дома.⁸⁶

Весной 1911 г. по неизвестным причинам Половцов прервал работы со Шмидтом и пригласил на его место блестящего архитектора-художника, поборника классики И. А. Фомина, который к 1913 г. возвел новое здание, ставшее эталоном петербургского неоклассицизма. Сооружение Фомина по плану и объемно-пространственной композиции в корне отличается от проекта Шмидта. Совпадают только основная ось, полукруг зимнего сада и отчасти членения фасада со стороны Средней Невки.⁸⁷ Вместе с тем именно Шмидт закрепил пространственное ядро особняка с законсервированной росписью плафона, заслуживающей признания как удачный опыт реставрации. Таким образом он внес определенный вклад в создание знаменитого памятника архитектуры.

Примерно в то же время Шмидт перестроил в камне деревянную усадьбу графа С. А. Строганова в Волышове близ Порхова (Псковская

*Особняк А. А. Половцова.
Роспись свода
в Белоколонном зале*

Усадебный дом С. А. Строганова в Вольшиове

область). Об этой работе мы знаем только из воспоминаний самого архитектора. Главный усадебный дом, П-образный в плане, с шатровой крышей в центре и мансардой носит черты французского ренессанса и классицизма. Таким он был построен около 1870 г. по проекту видного петербургского архитектора М. А. Макарова⁸⁸ и в точности воспроизведен Шмидтом.

Шмидту все же удалось построить дворец по собственному проекту. Он был сооружен в 1911–1914 гг. в Царском Селе для великого князя Павла Александровича и его второй жены графини О. В. Гогенфельзен (по первому мужу — Пистолькорс). Скандальный роман рано овдовевшего великого князя, а затем морганатический брак привели к его отстранению от Двора и вынужденной эмиграции. С годами Николай II смягчил свое отношение к обосновавшимся во Франции супругам и признал их неравный брак. В 1915 г. жена Павла Александровича получила княжеский титул и фамилию Палей,⁸⁹ по которой обычно и называют царскосельский дворец.

В 1910 г. супруги приобрели вблизи Екатерининского парка дом с садом, принадлежавший ранее Половцовым. Так что заказ, полученный Шмидтом, оказался полновесной компенсацией за неудавшуюся историю с устройством особняка А. А. Половцова на Каменном острове. После консультаций архитектора с владельцами

обветшавший старый дом решили снести и выстроить новое здание. Проект Шмидта был утвержден 4 октября 1911 г. Министерством Императорского двора.⁹⁰

Дворец Палей принадлежал к ретроспективному варианту неоклассики, основанному на воссоздании исторического стиля без налета модернизации. Если большинство мастеров этого направления предпочитало ориентироваться на традиции русского классицизма или итальянского ренессанса, то Шмидт избрал формы французского классицизма. Несомненно, такой выбор диктовался владельцами, их воспоминаниями о Франции, которые они пожелали перенести и запечатлеть в царскосельском доме.

Здание имело типичный для усадеб П-образный план с неглубоким курдонером. Парадный подъезд был акцентирован двухколонным портиком с террасой наверху. К центральному ризалиту на уровне первого этажа примыкали плавно скругленные объемы, оформленные тем же ионическим ордером. Нижний этаж, раскрытый арочными окнами, был расчерчен горизонтальным рустом. Над вторым этажом, отмеченным деликатной плоскостной обработкой, поднималась мансарда.

Во всем этом легко узнавались элегантные черты французского классицизма. Внешне дворец больше всего походил на французские отели в стиле Людовика XVI. В интерьерах варьировалась более широкая

Дворец О. В. Палей. Фотография 1930 г.

гамма стилистических оттенков: от раннего классицизма и рококо до ампира, включая еще и экзотическую «китайскую» комнату. Парадные помещения занимали нижний этаж. Здесь находились Большой зал (с выходом в сад) и Концертный зал, Дубовая гостиная, галерея, большая и малая столовые, кабинеты хозяев с библиотекой. Некоторые помещения отличались овальной, круглой или многогранной формой. Сильный эффект производил овальный вестибюль (холл). Парадная лестница раздвигала в боковую сторону его границы и взбежала на второй этаж, где был устроен круговой балкон, в просвет которого динамично устремлялось вверх пространство входной зоны.

Создание дворца Палей явилось результатом совместной работы Шмидта с мастерами и рабочими, приглашенными по воле владельцев из Франции и Бельгии. Оттуда же были привезены все отделочные материалы и оборудование. Мебель для парадных комнат исполняла парижская фирма «Буланже», осветительные приборы — фирма «Делиль».⁹¹ Можно сказать, что дворец в буквальном смысле представлял собой образец французского строительного и декоративно-художественного искусства. Обширные коллекции супругов также были наполнены художественными произведениями и изделиями из Франции.⁹²

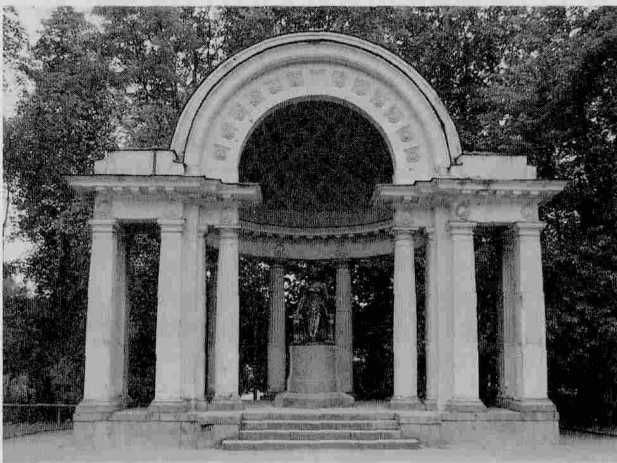
Судьба дворца сложилась драматично. В январе 1919 г. Павел Александрович был расстрелян. Значительная часть коллекций была распродана. В начале 1950-х гг. здание надстроили, соорудив новый колонный портик с треугольным фронтоном. От интерьеров уцелели небольшие фрагменты. Существующее здание (Советский переулок, 2) осталось лишь напоминанием о произведении Шмидта.

В родном для архитектора Павловске он построил в 1914 г. последнее парковое сооружение — памятник императрице Марии Федоровне, жене Павла I и основательнице Павловска. Памятник создавался по инициативе местных жителей при активном участии великого князя Константина Константиновича.⁹³ Для сооружения был выбран неосуществленный проект К. И. Росси 1816 г. Так Шмидт оказался соавтором великого зодчего русского ампира.

В проект Росси были внесены небольшие изменения. В современном материале — железобетоне — детально воспроизведены традиционные классицистические формы. Рельефные детали отлиты из бетона, базы колонн и пилонов — из чугуна.

Павильон, стоящий на невысоком стилобате, соединяет открытую шестиколонную полуротонду с опирающейся на колонны аркой, которую фланкируют группы пилонов. Основу композиции составляет

*Памятник
императрице
Марии Федоровне*

дорический ордер. У павильона нет стен, и он как бы просвечивает насквозь, включая в себя зелень парка. Торжественная монументальность и строгое изящество постройки передают дух русского ампира. Проект Росси был дополнен статуей Марии Федоровны, отлитой по модели скульптора В. А. Беклемишева мастером К. Робекки. Императрица изображена сидящей на скамье, на пьедестале из полированного красного гранита. Шмидту удалось органично включить скульптуру в архитектурную композицию.

Это сооружение стало одной из последних осуществленных работ зодчего. Петербургский период его творчества завершился расширением Александринского приюта для женщин. На 1914–1915 гг. здесь планировалось строительство четырехэтажного и пятиэтажного зданий для квартир персонала и хозяйственных нужд. Попечительство приюта рассчитывало, что это позволит также более эффективно использовать главное здание, увеличив в нем площадь для отделения радиотерапии.⁹⁴

Рядом с основным угловым зданием родовспомогательного заведения, в глубине смежного участка, находятся кирпичные корпуса с высокой дымовой трубой (14-я линия, 15–17). Скромный прозаический облик этих сооружений объясняется, скорее всего, тем, что возводились они уж в годы Первой мировой войны. Правда, документов, подтверждающих время и авторство построек, пока не обнаружено. Но вряд ли проект мог разработать кто-то другой, кроме К. К. Шмидта, ко-

торый по-прежнему вел дела приюта. В 1915 г. ему было поручено заложить в Городском кредитном обществе недвижимое имущество попечительства и распоряжаться всеми залоговыми и иными документами. «Во всем, что Вы по сей доверенности сделаете, в том Попечительство Вам верит, спорить и прекословить не будет»,— говорилось в нотариальном свидетельстве.⁹⁵

Грянувшие потрясения положили конец не только творческой деятельности зодчего, но и всей истории немецкого Петербурга, с которым он был неразрывно связан.

Шмидт был архитектором-практиком, наиболее плодотворно работавшим по частным заказам. Труд свободного художника он успешно совмещал с государственной службой, а также с общественными занятиями, так сказать, по месту жительства.

В отличие от многих коллег, он нигде не преподавал, практически не выступал в печати, не проявлял активности в жизни архитектурных обществ и, кроме ранних лет, не участвовал в конкурсах. Шмидт был нацелен прежде всего на конкретную работу, позволявшую ему воплотить свои творческие замыслы в диалоге с заказчиками.

К участию в конкурсах многоопытный мастер попытался вернуться вскоре после переезда в Германию. Около 1920 г. он составил конкурсные проекты рабочего поселка при стекольной фабрике Шотта в Йене и пяти музеев в Дрездене.⁹⁶ Сами эти проекты нам неизвестны, но они оказались эпилогом в карьере архитектора. После этого, не найдя применения своим силам, он вынужденно отошел от профессиональной деятельности, а в дальнейшем потерпел неудачи и в коммерции. Главным занятием Шмидта в последние десятилетия стала филателия, и в этой области он снискал международную известность.

Шмидт-архитектор полностью остался в России, в ряду крупных мастеров периода модерна.

Карл Шмидт с сыном Норманом.

1938

- 1 *Токарева И. Г.* В поисках «нового стиля» // Ленинградская панорама. 1987. № 8. С. 33–35; *Калужинская И. Г.* Карл Шмидт // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX—начало XX века. СПб., 1998. С. 682–694.
- 2 *Voigt E., Heidebrecht H.* Carl Schmidt. Ein Architekt in St. Petersburg 1866–1945. Augsburg, 2007. S. 237–294.
- 3 *Кириков Б. М.* Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2003, 2006, 2008; *Семёнова Г. В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009.
- 4 *Voigt E., Heidebrecht H.* Op. cit.
- 5 РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1887 г. Д. 104.
- 6 Этому храму посвящена отдельная книга: *Иванен А. В.* Воскресенская церковь в Нарве. 100 лет Нарвскому Воскресенскому собору. СПб., 1996.
- 7 См. примеч. 5.
- 8 См. с. 60 наст. изд.
- 9 Опубликовано: Зодчий. 1896. Листы без пагин.; Строитель. 1896. № 5. Стб. 218.
- 10 *Voigt E., Heidebrecht H.* Op. cit. S. 238.
- 11 См. с. 66 наст. изд.
- 12 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 278.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Д. 8258.
- 15 Там же. Д. 5306.
- 16 Копии нотариальных выписей в личном архиве К. К. Шмидта (Э. Фогт).
- 17 *Voigt E., Heidebrecht H.* Op. cit. S. 245.
- 18 *О. Е-ий.* Новое здание женского приюта на Васильевском острове // Неделя строителя. 1899. № 11. С. 84; Архитектурные мотивы. 1899. № 3. С. 13. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1216, 1858–1860.

- 19 См.: Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 2005. С. 387–392; 2-е изд.: СПб., 2006.
- 20 См. примеч. 18.
- 21 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1858, 1859, 1216. См. примеч. 16.
- 22 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8572.
- 23 *Калужинская И. Г.* Указ. соч. С. 682.
- 24 Неделя строителя. 1899. № 48. С. 338.
- 25 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4415.
- 26 Там же.
- 27 Зодчий. 1903. № 10. С. 136.
- 28 Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. v. СПб., 1910. С. 138–141. *И. Г. Калужинская* необоснованно считает это ошибкой (Указ. соч. С. 690–691), но вряд ли таковая могла быть допущена.
- 29 Личный архив К. К. Шмидта (Э. Фогт).
- 30 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 150. Л. 69–72.
- 31 См. примеч. 18.
- 32 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 150; РГИА. Ф. 1293. Оп. 132. 1899 г. Д. 119.
- 33 Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. I. СПб., 1906. С. XIII.
- 34 Документация по этим адресам содержится в архивных делах: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1571, 3053, 3280, 3345.
- 35 Там же. Д. 3118.
- 36 Там же. Д. 2674.
- 37 См.: *Штиглиц М. С.* Промышленная архитектура Петербурга. СПб., 1995; 1996; *Кириков Б. М., Штиглиц М. С.* Петербург немецких архитекторов. От барокко до авангарда. СПб., 2002.
- 38 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5663; *Штиглиц М. С., Лелина В. И., Гордеева М. А., Кириков Б. М.* Памятники промышленной архитектуры Санкт-Петербурга. СПб., 2003, 2005. С. 56–59.
- 39 *Калужинская И. Г.* Указ. Соч. С. 689.
- 40 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1656.
- 41 Там же. Д. 2599.
- 42 Там же. Д. 2834.
- 43 См.: *Штиглиц М. С., Лелина В. И., Гордеева М. А., Кириков Б. М.* Указ соч. С. 160–161.
- 44 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2881.
- 45 Там же.
- 46 Там же. Д. 2592.
- 47 Там же. Д. 2859.

- 48 Там же. Д. 2835. Л. 429–457.
- 49 Материалы по истории Товарищества Рождественской мануфактуры П. В. Берга хранятся в Гос. архиве Тверской области (Ф. 849). См. также: «Вагжановка». Очерки истории Калининской прядильно-ткацкой фабрики им. А. П. Вагжанова. М., 1991.
- 50 *Voigt E., Heidebrecht H.* Op. cit. S. 250.
- 51 Памятники архитектуры Тверской области. Кн. 1. Тверь, 2000. С. 174.
- 52 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1544; *Шмидт К.* Дом-особняк П. П. Форостовского в С.-Петербурге // Зодчий. 1901. № 6. С. 77. Л. 26, 27; *Кириков Б. М.* Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2003. С. 43–52; То же. СПб., 2006, 2008. С. 55–65.
- 53 *Шмидт. К.* Указ. соч. С. 77.
- 54 ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8329.
- 55 См.: Там же. Д. 7602; Зодчий. 1903. Л. 51; *Кириков Б. М.* Указ соч. 2003. С. 202–206; 2006, 2008. С. 235–239.
- 56 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9595.
- 57 Копии нотариальных выписей в личном архиве К. К. Шмидта (Э. Фогт).
- 58 См. с. 79–86 наст. изд.; *Семёнова Г. В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009. С. 578–579.
- 59 *Дмитриев А. И.* Современное декоративное искусство // Зодчий. 1903. № 39. С. 456.
- 60 См.: *Кириков Б. М.* Штрихи к творческому портрету царскосельского зодчего // В кн.: *Козлов А. В.* Сильвио Данини. Материалы к творческой биографии. СПб., 2010. С. 126–127.
- 61 См.: *Кириков Б. М.* Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2003. С. 13–21; то же, 2006, 2008. С. 13–25; *Марголис А. Д.* Царскосельский коттедж. Дача великого князя Бориса Владимировича. СПб., 2009.
- 62 См. примеч. 60. С. 125–149.
- 63 Фотографии кабинета и гостиной были опубликованы в «Ежегоднике Общества архитекторов-художников» (Вып. III. СПб., 1908. С. 143).
- 64 *Януш Б. В.* Неизвестный Павловск. Последние владельцы. 1892–1917 гг. СПб., 2006. С. 66.
- 65 ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 3. Д. 4175.
- 66 ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 3. Д. 4178.
- 67 Там же. Л. 6–21.
- 68 Опубликована: Зодчий. 1903. № 34. С. 404, 405.
- 69 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7984; Ф. 515. Оп. 4. Д. 2319.
- 70 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1825.

- 71 См. с. 117–118 наст. издания.
- 72 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3941, 3355.
- 73 Копия доверенности в личном архиве К. К. Шмидта (Э. Фогт).
- 74 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1201.
- 75 Там же. Д. 9589.
- 76 См.: Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 2005. С. 410–414; *Кириков Б. М., Штиглиц М. С.* Архитектура ленинградского авангарда. Путеводитель. СПб., 2008. С. 44–46. Фотографии и планы здания впервые опубликованы: Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. V. СПб, 1910. С. 148, 149; Вып. VI. СПб., 1911. С. 117.
- 77 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1571; см. также: Эмилия Павловна Шаффе и ее школа. 1858–1908. СПб., 1908.
- 78 Опубликовано: Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. III. СПб., 1908. С. 160–163.
- 79 *Януш Б. В.* Указ соч. С. 52–53; *Семёнова Г. В.* Указ. соч. С. 539.
- 80 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8631.
- 81 См. *Кириков Б. М.* Архитектура петербургского модерна. 2-е изд.: СПб., 2006. С. 207–208; 3-е изд.: СПб., 2008.
- 82 См. примеч. 80.
- 83 Наблюдение А. В. Вознесенского.
- 84 Личный архив К. К. Шмидта (Э. Фогт).
- 85 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3350.
- 86 Зодчий. 1910. № 17. С. 187; 1916. № 13. С. 130; *Трубинов Ю. В.* Дом Половцова на Каменном острове. Историческая справка. 1989. КГИОП.
- 87 *Трубинов Ю. В.* Указ. соч.
- 88 Сообщено С. О. Кузнецовым.
- 89 См.: *Белякова З. И.* Великие князья Алексей и Павел Александровичи. Дворцы и судьбы. СПб., 1999.
- 90 *Семёнова Г. В.* Указ. соч. С. 193.
- 91 Там же. С. 193–195.
- 92 См.: *Голлербах Э. Ф.* Собрание Палей в Детском Селе. Пг., 1922.
- 93 См.: *Гузанов А. Н.* История создания памятника императрице Марии Федоровне в Павловске // Забытые имена и памятники русской культуры. Тезисы докладов конференции к 60-летию Отдела истории русской культуры. [Государственный Эрмитаж]. СПб., 2001. С. 114–118.
- 94 См. с. 148–150 наст. изд.
- 95 Копия в личном архиве К. К. Шмидта (Э. Фогт).
- 96 См. с. 118 наст. изд.

- Адлер Мария Агата 26, 27, 37, 55,
63, 87
- Алиш В. П. 90, 238
- Алиш П. В. (Фридрих Вильгельм
Пауль) 51, 70, 171, 178, 197, 238
- Амбургер Э.* 25
- Бакалдина В. И. 196
- Барри В. А. 185
- Бауманы, домовладельцы 177
- Бедекер К. 117
- Беерман Г. 113
- Беклемишев В. А. 256
- Беллин, фотограф 58
- Беляев, С. В. 245
- Бенуа Л. Н. 33, 55
- Бергман, управляющий 91
- Берг П. В. 74, 207
- Беренс П. 127
- Бернгард Р. Б. 172, 197
- Бертольди А. К. 23
- Бертольди И. Г. *см.* Буш Ида Генри-
етта фон
- Блессиг Р. Ф. 149
- Бонштедт Л. Л. 73
- Боссе Г. А. 172
- Борзова Мария Алексеевна *см.* Фа-
берже Мария Алексеевна
- Бранды, семейство 26
- Брейтфус Ф. 77, 78
- Букналл А. П. 234–235
- Буши, родственники Иоганzenов
Андреас Каспар Фридрих 40
Маргарита Шарлотта (Маргот)
фон *см.* Иоганzen Маргарита
Шарлотта
- Матильда Эмилия фон (урожд.
Мехмерсхаузен) 43
- Эдуард Генрих фон 39, 43, 101
- Буши, родственники Шмидтов
Арвид фон 142–143
Ганс фон 142
Гельмут фон 142
Ида Генриетта фон 23
Манфред Генрих Люциус фон 23
Манфред Рудольф Николай фон
65, 136, 142–143
Ольга фон (урожд. Шмидт) 7, 81,
83, 93, 95, 108, 109, 113, 114, 131,
136, 147
- Вагнер О. 237

- Вагнер Р. 11, 12
 Ван де Вельде А. 241
 Васильев, столяр 80
 Васильев Н. В. 205
 Вегенер Мария 131–134
 Векшинский А. Н. 33
 Вениги
 Готлиб Фридрих 12
 Густав Фридрих 13, 35
 Иоганн Готлиб 12
 Карл Готлиб 12, 30, 54, 55, 56, 57,
 176, 177
 Ольга Елена *см.* Шмидт Ольга
 Елена
 Эмилия Агата (урожд. Фабри) 12
 Верфель К. Ф. 233
 Видеман К. Г. 71, 149, 177, 178
 Виндельбандт В. В. 197
 Винклер К. И. 193
 Вирены
 Леонтина Аурелия (Лонни;
 урожд. Шмидт) 19, 37, 39, 70,
 83, 86, 93, 110
 Хельга 83, 93, 110
 Эдуард 86, 124
 Воронихин А. Н. 251
 Гавеман А. Р. 245
 Гальнбек И. А. (Иоганнес) 28, 170,
 232–233, 244
 Гансен Г. И. 251
 Гауглер Г. К. 24
 Гаудереры, домовладельцы 177
Гейдебрехт Г. 169
 Гейзе Г. (Ю.) Л. 150, 238
 Гельдерблом Э. 110–111, 244
 Гергарди К. В., 205
 Герке А. А. фон 72, 73, 177
 Герман А., 234
 Гёдике Р. А. 33, 66, 195, 197
 фан Гильзе фан дер Пальс Г. Г. 73, 150,
 178
 Гимпель А. А. 244
Глейзер М. М. 129
 Голи Г. Г. фон 56
 Головкова А. И. 224
Грейс О. 7
 Гримм Г. Д. 56
 Гримм Д. И. 33
 Гуммерт Г. 18, 30, 33
 Данини С. А. 225
 Даутер К. 138, 139
 Деппы фон, семейство 45, 48–50
 Дмитриев А. И. 224
 Добберт Ф. А. 113, 150
 Дютфуа, семейство 69
 Закгейм, маклер 108, 128
 Зейдль, скрипач 121
 Зекендорф, инженер 19
 Зигель К. Б. 181
 Игельстрёмы фон, семейство 45
 Икскули фон, семейство 45
 Иоганзен-Рюбке Т. 40
 Иоганзены
 Алина *см.* Казанская Алина
 Анна Луиза (Лили) *см.* Штиль-
 марк Анна Луиза
 Вальтер 41, 47, 113
 Вольфганг 94
 Гедвига 39
 Герман 41, 44, 119, 120
 Маргарита Шарлотта (Маргот;
 урожд. фон Буш) 39
 Эдуард Генрих 37–40, 43, 44,
 49–50, 81–82, 86, 87

Эрика София Леопольдина *см.*
Шмидт Эрика София Леопольдина

Казанские

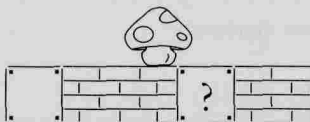
Алина 41, 47, 93, 119–122
Борис Григорьевич 93, 119
Григорий 93, 94, 119
Маргарита Григорьевна (в мужестве Кузнецова) 93, 119
Кайзеры, семейство 26
Калужинская (Токарева) И. Г. 169, 198
Карблом Вильгельм 40
Карблом Луиза (урожд. Буш) 40, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 81
Карно С. 60
Каулин Н. И. 207
Кельх А. Ф. 186, 187
Кельх В. П. (урожд. Базанова) 188
Кенель В. А. 251
Кёниг Г. А. 150
Кёниг Л. Е. 67, 73, 197, 205–207
Кёниг Л. Л. 72, 88, 178, 182, 189, 197, 216, 246–250
Кёниг Ю. А. 150
Кентман В. В. 150
Кирхнер Г. Р. 129
Кириштен Э. А. (Генрих) 90, 238
Кириштен Э. Г. 238
Китнер И. С. 172, 178, 179, 180, 245
Китнер М. И. 56
Клейн А. И. 245
Клеменц Э. Э. 149
Кольман К. К. 186
Кондоянаки И. Е. 186
Коссак Ф. 135
Котов Г. И. 33
Кракау А. И. 33, 252
Кретц, хозяйка дачи 24

Кук, директор фабрики 74, 208
Куци А. М. 252
Кюгельген К. П. фон 149
Кюгельген П. П. фон 105, 125, 149
Лааланд К. 39
Лаваль А. Г. 251
Лангемарк, адвокат 114
Ленц (Лентц) С. С. 117, 236–237, 247
Лесснер Г. А. 199–200
Линднер С. М. 182
Лист Ф. 11
Лолейт А. Ф. 171, 208
Лорек Василий 19, 28, 126, 127, 128, 129, 130, 132
Лорек Вильгельм 19
Лукомский Г. К. 100
Лютер Д. 178
Лютер И. Г. 177
Макаров М. А. 253
Мальшев Е. И. 234
Марфельд Р. Р. 79, 224
Маршнер Л. Х. 28
Маттизен Э. 48
Машек Л. И. 76, 207
Мецлер, приятель Шмидта 62
Монферран О. 31
Мориц Ф. 62
Мунк Г. 130
Муравьев Н. В. 251
Накельский В. О. 26, 102
Направник Э. Ф. 25
Нейшеллер М. Л. *см.* Отмар-Нейшеллер М. Л.
Николай, принц греческий и датский 80
Ниссен Г. 125

- Нобель Э. Л. 73, 150, 178
 Нордманы, семейство 26
 Нотбек В. В. фон 150
- Отмар-Нейшеллер М. Л. 73, 74,
 149, 178
- Палей О. В. 99, 100, 253–255
 Панаев В. А. 160
 Парафеев С. М. 182
 Пастухов И. А. 73, 195
 Пёль А. Ф. 238
 Пёль Ф. А. 234, 237
 Пёль Э. А. 237
 Перетяткович М. М. 245
 Печаткин К. П. 207
 Пирвиц Ф. К. фон 197, 205
 Пистолькорс О. В. фон *см.* Па-
 лей О. В.
 Плате Л. Г. 119
 Половцов А. А. 91, 99, 100, 252, 254
 Половцова С. А. 91
 Поляков Д. С. 251
 Померанцев А. Н. 33, 34, 36, 66, 67,
 170–172
 Поснова М. И. 182
 Прокудин-Горский С. М. 75
 Путилов А. И. 107
- Рауш фон Траубенберг П. А. 150
 Рейнбольдт А. И. 197
 Рейтер Ф. 46
 Ритинг И. Е. 247
 Робекки К. 256
 Романовы
 Александр III 99
 Александра Иосифовна 154
 Александра Федоровна 72, 100,
 179
- Александр Михайлович 156–158
 Андрей Владимирович 155
 Владимир Александрович 52, 155
 Екатерина Михайловна 24, 26
 Елена Владимировна 80
 Елизавета Маврикиевна 154
 Константин Константинович
 39, 101, 256
 Мария Павловна 80, 155
 Мария Федоровна 101, 255–256
 Николай II 99, 100, 189, 253
 Павел I 154
 Павел Александрович 99, 100,
 253, 255
- Росси К. И. 101, 251, 256
 Руктешель Н. С. фон 25
- Сабанеев Е. А. 33
 Сакетти Л. А. 33
 Сандберг Э. О. 77
 Светлицкий С. П. 245
Семёнова Г. В. 169
 Скотт, архитектор 225
Скурлов В. В. 88
 Спири Йоханна 46
 Спиридонов Н. В. 66, 172
 Стефаниц И. А. 33
 Строганов С. А. 98, 99, 253
 Стюарт В. А. 175–177
 Сухомлинов В. А. 145
- Терский В. К. 209
 Тис В. В. (Вильгельм Карл) 66, 177,
 182–185, 187
 Тоде Э. 187
 Толстой И. И. 52, 54
 Толстой Л. Н. 47, 48, 154
 Тома де Томон Ж. Ф. 251
 Томишко А. О. 33

- Точиский Вацлав Феликсович 76,
207
- Трамбицкий А. Г. 33
- Трифонов, инженер 80
- Трусов Н. В. 197, 200
- Утеман Ф. Ф. 150
- Фаберже
Августа Юлия (урожд. Якобс)
110
- Агафон Карлович 80, 94, 97, 129,
130, 134, 232–233, 234
- Игорь Агафонович 95
- Карл Густавович (Петер Карл)
73, 92, 94, 109, 110, 150,
188–195, 212, 232, 242
- Лидия Александровна (урожд.
Тройберг) 97, 97
- Мария Алексеевна (урожд. Бор-
зова) 97, 129
- Олег Агафонович 129
- Петер Агафонович 96, 110
- Рюрик Агафонович 95
- Теодор Агафонович 96
- Фаберже Т. Ф.* 88
- Фе А. Ф. фон 150
- Ферман А. В. 19, 20
- Ферсман А. Е. 97
- Филлипс Ч. Д. 104
- Фомин И. А. 252
- Форостовский П. П. 89, 90,
209–216, 217, 220, 239
- Фрейфельдт К. П. 71, 150, 177
- Фризендорф Э. 22
- Фролов, заказчик 234
- Хаферберг Г. 18
- Хёвель К. В. фон 10
- Хельгрен Августа 41, 42, 50, 81, 86,
87, 131
- Хельгрен Адольф 41, 42, 45
- Хинпот, заказчик 234
- Цейтшель Б. А. 150
- Цибулько В. А. 121
- Чагин В. И. 186, 188
- Чучин Ф. Г. 130
- Шаламов В. Г. 235
- Шарлье А. Е. 149
- Шауб В. В. 247, 248
- Шаффе Э. П. 66, 67, 195, 239–244
- Шёнброды, семейство 128
- Шёне В. И. (Вильгельм) 18, 23, 28,
170, 186, 187, 188
- Шернборн, архитектор 225
- Шерникау Г. В. 73, 74, 149, 177
- Шлегель К.* 65
- Шлензоги, семейство 24
- Шмидты
Ганс 78, 81, 87, 93, 95, 96, 112, 124,
125, 131, 141
- Гаральд 55
- Карл Вильгельм 10, 11
- Карл Фридрих Адольф Ферди-
нанд 9–16, 19, 20, 22, 24, 27,
29, 37, 39, 46, 70, 86, 107, 110,
114, 116, 196
- Леонтина Аурелия (Лонни) *см.*
Вирен Леонтина Аурелия
- Маргот (в замужестве Мюллер-
Верт) 81, 87, 93, 95, 113, 131
- Норман мл. 81, 93, 95, 113, 124,
131, 141, 257
- Норман ст. 73, 78
- Ольга *см.* Буш Ольга фон

- Ольга Елена (урожд. Вениг) 12,
13, 14, 16, 19, 25, 27, 37, 39, 70, 86
- Элоиза Альбертина Эмилия
(урожд. Краузе) 10, 11
- Эрик 37, 77, 78, 81, 87, 93, 96, 112,
114, 123, 124, 131, 143
- Эрика София Леопольдина
(урожд. Иоганзен) 37, 41–47,
49, 50, 68, 69, 70, 71, 75, 77,
86, 87, 92, 105, 113, 114, 131, 132,
140, 141, 144, 145, 197, 234
- Шпергазе Л. И. 67, 76, 90, 201, 239
- Шрейбер В. А. (Роберт Вольдемар)
31, 33, 34, 173
- Шренки фон, семейство 45
- Шретер В. А. 172, 178, 179, 180, 184
- Штауберт А. Е. 251
- Штиглиц А. Л. 252
- Штиглиц Л. И. 252
- Штиглиц М. С.* 8, 18, 33, 65
- Штильмарки
Анна Луиза (Лили; урожд. Ио-
ганзен) 41, 47, 49, 50, 93, 119
- Герберт 93
- Карин (в замужестве Каллис)
93, 131
- Фридрих Вильгельм 93, 115
- Эльза (в замужестве Шмидт) 93
- Шток Ф. 135
- Шуберт Э. 26, 61, 87, 126, 135
- Шульце Г. А. 73, 216–219, 236
- Шухов В. Г. 171
- Щербина-Крамаренко Н. Н. 182
- Энгельгардты фон, семейство 45
- Эриксон А. А. 76, 77, 205
- Эриксон Л. М. 76, 77, 200–205
- Эрихсон А. Э. 209
- Эттингены фон, семейство 45
- Юргенс Э. Г. 197
- Юргенсоны, семейство 26
- Якобс А. 138
- Янсен А. П. 149

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эрика Фогт. АРХИТЕКТОР ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Предисловие к русскому изданию	7
Глава I. Детство и годы учебы	
Родители	9
Детство	13
Петришule и училище Штигилица	16
Окончание школы	19
Петришule: экзамен на аттестат зрелости	20
Каникулы	23
Выбор профессии	27
Учеба в Академии художеств	29
Практика в Москве	34
Тверской пастор	37
Обитатели пасторского дома	39
Будни и праздники семьи Иоганzenов	44
Спор	48
Завершение Академии художеств	51
Путешествие	55
Глава II. Семья и работа	
Первые проекты	65
Создание семьи	68
Александринский женский приют	70
Поездка в Стокгольм	75
Дом в Павловске	77
Вилла Шмидтов	79

Дом Фаберже	86
Дальнейшие постройки	89
Летний рай	92
Шмидты и Фаберже. Воспоминания друзей по играм	94
Последние проекты	98
Служебная и общественная деятельность Карла Шмидта	102
Глава III. Жизнь в Германии	
Начало Первой мировой войны	107
«Когда нам разрешат выезд?»	110
Дорога в Германию	111
На родине отца	116
Алина Казанская	119
Нелегкие дни	122
Последний раз в родном городе	126
Из писем Марии Вегенер	131
Имперский почтовый музей и Карл Шмидт	134
Вторая мировая война	139
Эпилог	144
Приложения	
Проект Александринского приюта для женщин (1913)	148
<i>Эрика Шмидт</i> . Воспоминания о России	151
Основные события жизни Карла Шмидта	159
<i>Борис Кириков</i> . МАСТЕР «КИРПИЧНОГО СТИЛЯ»	
И МОДЕРНА	169
Примечания	258
Указатель имен	262

Научный редактор *Борис Кириков* · Младший редактор *Лариса Козлова* · Художественный редактор *Светлана Булачева* · Корректор *Софья Бабинская* ·
Вёрстка *Никиты Вознесенского*

Подписано в печать 03.10.11. Формат 60×90 в 1/16.
Печ. л. 17. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1000. Зак. 3861

Отпечатано с диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“» · 198099, Санкт-Петербург, Промышленная улица, 38, к. 2

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОЛО»
www.kolohouse.ru